

БИБЛИОТЕКА **БОМ** ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ГРЭХЕМ МАСТЕРТОН

Тень сфинкса

ЭЛЕН МАККЛОЙ

Удар
из Зазеркалья

ГРЭХЕМ МАСТЕРТОН

Мень сфинкса

ЭЛЕН МАККЛОЙ

Удар
из Зазеркалья

Москва
Компания «Ключ-С»
1995

Переводы с английского

Иллюстрации

В. Лосева

М 4703040100
И 38(03)—95

ISBN 5—88818—010—6

- © Чичина Т.
Составление. 1995.
- © Алукард С.
Яковлева М.
«Тень сфинкса».
Перевод 1995.
- © Каневский Л.
«Удар из Зазеркалья».
Перевод 1995.
- © Лосев В.
Иллюстрации. 1995.
- © Брылев Л.
Оформление. 1995.

ЭЛЕН МАККЛОЙ

Удар из Зазеркалья

Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил. По-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; А как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, Гадательно, тогда же лицом к лицу; Теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, Подобно как я познан

*Первое Послание к Коринфянам
Святого Апостола Павла (13 : 11, 12)*

Глава первая

Миссис Лайтфут стояла у окна, выходящего на за-пруду.

— Садитесь, мисс Крайль, боюсь, я должна сообщить плохие новости.

Обычное благожелательное выражение лица Фостины исчезло, в глазах ее мелькнуло беспокойство. Правда, лишь на мгновение. Но в эту секунду она испытывала неприятное чувство. Такое обычно испытываешь, когда встречаешься с пронзительным взглядом чужака, заглядывающего в окно дома, в котором, по его мнению, в это время не бывает хозяев.

— Слушаю вас, миссис Лайтфут,— низким голосом сказала она. Фостина была довольно высокого роста, а миниатюрные запястья и лодыжки, узкие руки и ноги свидетельствовали о хрупкости тела. Все в ней говорило о мягкости и доброжелательстве — продолговатое, бледное, сосредоточенное лицо овальной формы, расплывчато очерченные, чуть близорукие голубые глаза, гладкие волосы без украшений со светло-коричневой опушкой, которая при малейшем движении головы образовывала над нею золотистый нимб.

Она полностью владела собой и, пройдя по кабинету, опустилась в кресло напротив директрисы.

Миссис Лайтфут тоже не приходилось занимать самообладания. Ее полное лицо выражало непоколебимую

твердость, а дерзко выдвинутая нижняя губа, большие круглые глаза, сверкающие из-под белесых ресниц, напоминали королеву Викторию. В одежде ей нравился традиционный для квакеров цвет — грязновато-желто-коричневый, который портные величали «серо-коричневым» в тридцатые годы, а в сороковые — «угреватый». Такого цвета был и ее грубый твид, и красивый вельвет, богатый шелк и легкая вуаль, — в зависимости от случая и сезона, — при этом все свои наряды она украшала изысканными нитками ожерелья и старыми кружевами, доставшимися ей от матушки в наследство.

Даже шуба у нее была сшита из меха крота — единственный мех, обладающий одновременно голубино-серым и густо-коричневым оттенками. Устойчивое пристрастие к такой скромной окраске помогало ей сохранять сдержанность и уравновешенность, что неизменно производило должное впечатление на родителей ее учениц.

Фостина, глядя на миссис Лайтфут, ответила:

— Но я не жду дурных новостей. — Улыбка, с промелькнувшей в ней мольбой, пробежала по ее губам. — У меня нет семьи, и вы об этом прекрасно знаете.

— Откровенно говоря, — продолжила миссис Лайтфут, — я вынуждена вас просить покинуть школу Бреттон. Шестимесячное жалованье, разумеется, будет выплачено целиком. Это оговорено в контракте. Но вам придется уехать немедленно. Самое позднее — завтра!

— Как?! В середине полугодия? Это неслыханно, миссис Лайтфут!

— Мне очень жаль, но вам все же придется уехать.

— Почему?

— Этого я сказать не могу. — Миссис Лайтфут села за письменный стол, сделанный из красного дерева в какой-то колониальной стране. Рядом со стопкой розоватой промокательной бумаги были разбросаны какие-то медные безделушки. Здесь же стояла фарфоровая ваза цвета бычьей крови с букетом красивых темных английских фиалок.

— А мне казалось, что здесь у меня все будет хорошо, — Фостина осеклась и умолкла. — Что же я натворила?

— Ничего такого, в чем можно было бы обвинить вас непосредственно. — Миссис Лайтфут вновь вскину-

ла на нее свои бесцветные глаза. Они, казалось, лишь отражали свет, в них не было своего, яркого, живого блеска.— Ну, скажем, вы не соответствуете общему духу, царящему в Бреретоне!

— Боюсь, что вынуждена просить вас объяснить все несколько подробней,— осмелилась возразить Фостина.— Должна быть какая-то достаточно определенная, веская причина, если вы требуете моего немедленного отъезда в разгар учебного года. Имеет ли ваше решение какое-то отношение к моему характеру? Или оно касается моих способностей, квалификации?

— Ни то, ни другое не вызывает никаких претензий. Просто... просто вы не вписываетесь в привычную картину Бреретона. Вам, конечно, известна несовместимость цветов? Может ли сочетаться цвет спелых томатов с цветом красного вина? То же самое и здесь, мисс Крайль. Вы тут не в своей тарелке. Но это не должно вас расстраивать. Может, в другой школе вы придетесь ко двору и будете счастливы. Это же место не для вас.

— Но я нахожусь здесь всего несколько месяцев, разве можно сделать окончательные выводы за такой короткий срок?

— Эмоциональные конфликты в женской школе возникают очень быстро, и еще быстрее осложняются. Словно в степи, когда горит ковыль. Этому способствует создавшаяся здесь атмосфера.

Противодействие всегда заставляло миссис Лайтфут переходить на повышенные тона, но тут она неожиданно столкнулась с оппозицией, идущей от человека, который всегда отличался робостью и послушанием.

— Все это настолько деликатно, что трудно подобрать нужные слова. Но я вынуждена потребовать от вас покинуть школу ради ее благополучия.

Фостина вскочила на ноги. Хотя ее буквально сотрясал нахлынувший на нее гнев, она осознавала свое полное бессилие.

— Вы отдаете себе отчет в том, что это означает для моего будущего? Ведь все вокруг подумают, что я совершила нечто ужасное! Попробуй-ка докажи, что я не клептоманка и не лесбиянка!

— Послушайте, мисс Крайль. Есть вещи, которые у нас в Бреретоне не подлежат обсуждению.

— Нет, они должны обсуждаться у вас в Бреретоне, если вы ни с того, ни с сего заставляете убраться преподавателя в середине учебного года, не объясняя причин такого решения! Только два дня назад вы утверждали, что моим классом вы довольны больше других. Это ваши слова, не так ли? И вот теперь... Кто-то распространяет обо мне заведомую ложь. В чем она состоит? Кто этим занимается? Я имею полное право знать, если речь идет о моей работе!

В глазах миссис Лайтфут промелькнуло что-то для нее необычное, вероятно, сострадание.

— Мне на самом деле очень вас жаль, мисс Крайль. Но я не могу назвать причину. Боюсь, что до настоящего момента я еще не взглянула на это дело вашими глазами. Видите ли, школа Бреретон очень много для меня значит. Когда я принимала ее из рук умиравшей миссис Бреретон, то и сама школа, можно сказать, находилась на грани смерти. Я вдохнула в нее новую жизнь. Теперь, после окончания войны, к нам приезжают девушки из всех штатов, даже из Европы. У нас не обычная, захудалая школа, которую заканчивают миллионы. У нас почитаются твердые традиции. Кто-то сказал, что истинная культура — это то, что вы помните, позабыв о своем образовании. Наши выпускницы знают значительно больше, чем их сверстницы, обучающиеся в других школах. Любые две наши выпускницы непременно сразу же узнают друг друга по манере речи, способу мышления. После смерти мужа эта школа заняла место в моей жизни, принадлежавшее когда-то ему. Я — не жестокая по природе женщина, но когда возникает угроза, что вы, именно вы в состоянии ее погубить, то я могу быть беспощадной.

— Погубить Бреретон? — тихо повторила Фостина. — Но как?

— Скажем, благодаря той атмосфере, которую вы создали вокруг своей личности.

— Что вы имеете в виду?

Миссис Лайтфут перевела блуждающий взгляд на открытое окно. За ним, на внешней стороне, вился плющ, отбрасывая на широкий подоконник густую тень. Позднее вечернее солнце обливало своим прозрачным светом пожухлую осеннюю траву. Сумерки дня, казалось,

столкнулись с закатом года и посылали друг другу приветствие, прощаясь с летним теплом.

Миссис Лайтфут тяжело вздохнула:

— Мисс Крайль, скажите мне откровенно. Вы на самом деле... не в силах догадаться?

Наступила короткая пауза. Собравшись с мыслями, Фостина ответила:

— Конечно, не догадываюсь. Не могли бы вы подсказать?

— Я не намерена рассказывать вам больше того, что уже сказала. Вы не услышите от меня ни слова.

Фостина поняла, что разговор окончен, но все же продолжала возражать — медленно, растягивая слова, сникшим голосом, словно какая-то надоедливая старушка.

— В разгар учебного года мне вряд ли удастся найти новую работу. Не могли бы вы порекомендовать меня директору какой-нибудь школы и сообщить ему, что я человек, хорошо знающий свой предмет — искусство? Ведь не по собственной же воле мне приходится столь спешно покидать Бреретон.

Взгляд миссис Лайтфут стал холодным и сосредоточенным, это был взгляд хирурга или палача:

— Мне очень жаль, но я не могу рекомендовать вас на должность преподавателя.

Все, что еще оставалось у Фостины от детства, мгновенно проступило на ее лице. Ее рыжеватые ресницы смахивали слезы. Губы дрожали от обиды. Но она больше не прекословила.

— Сегодня вторник, — резко сказала миссис Лайтфут. — У вас всего один урок. Значит, будет время, чтобы собрать вещи. Насколько я помню, у вас в четыре встреча с членами комитета по греческой драме. Остается время, чтобы сесть на последний поезд в Нью-Йорк. Он отходит в 6.25. В этот час ваш отъезд не привлечет большого внимания. Девочки будут заняты подготовкой к ужину. А завтра на общем сборе я сообщу о вашем отъезде. К моему великому сожалению, сложившиеся обстоятельства исключают ваше возвращение в Бреретон. Не нужно лишних разговоров. Так будет лучше как для школы, так и для вас.

— Понятно, — тихо проговорила Фостина и, спотыкаясь, направилась к двери. Слезы мешали ей идти.

За кабинетом, в просторном холле, пространство прорезал косой луч света, падавший из окна рядом с лестницей. По ней спускались две маленькие четырнадцатилетние девочки — Мэг Вайнинг и Бет Чейз. Мужская строгость школьной формы Бреретона еще больше оттеняла женскую привлекательность Мэг — ее беловато-розовую кожу, серебристо-золотистые завитушки, подернутые поволокой яркие, как сапфиры, глаза. Но та же форма особо подчеркивала все заурядное в Бет — коротко стриженные мышиного цвета волосы, остренькое, белое лицо с рассыпанными по нему комичными веснушками.

Увидав Фостину, обе девочки сильно побледнели, но тем не менее прокричали веселыми голосками:

— Добрый вечер, мисс Крайль!

Фостина молча кивнула, так как уже не надеялась на твердость голоса. Две пары глаз, не отрываясь, следили за ней со стороны, наблюдая, как она поднимается по лестнице. Их отнюдь не невинные глазки были широко раскрыты. В них сквозило любопытство и подозрительность. Фостина ускорила шаг. На верхней площадке она остановилась и прислушалась. Откуда-то сверху послышался пронзительный смешок, похожий скорее на мышиный писк.

Фостина бросилась прочь от лестницы и быстро зашагала по холлу второго этажа. Вдруг справа отворилась дверь. Из комнаты вышла какая-то девушка в фартуке и чепце и выглянула через окно в конце коридора. Последние лучи заходящего солнца отражались в ее пестрого цвета волосах.

Фостине, наконец, удалось унять дрожь на губах.

— Арлина, мне нужно с тобой поговорить!

Арлина резко дернулась в сторону и обернулась. Она была чем-то возбуждена и не скрывала своего явно враждебного настроения.

— Только не сейчас, мисс. Прежде я должна закончить работу!

— Хорошо... Тогда позже.

Когда Фостина проходила мимо нее, Арлина кинулась к стене и плотно прижалась к ней.

Две маленькие девочки не спускали глаз с Фостины. Им было явно не по себе, и на их лицах отражался страх.

Глава вторая

Фостина вошла в комнату, откуда только что выпорхнула Арлина. На полу цвета жженого сахара лежал белый меховой ковер. На окнах висели белые занавески. На фоне белой стены выделялась бледно-желтая краска комода. На белой каминной доске стояли медные подсвечники со стеклянными подвесками и ароматно пахнувшими свечами из зеленоватой восковницы. Стулья с высокими спинками и скамья возле окна были покрыты мебельным ситцем кремового цвета с изображением фиалок и зеленых листьев. Эти жизнерадостные, яркие цвета были похожи на свежее весеннее утро. Кровать, однако, была не застелена, а в корзине — полно мусора. В пепельнице кучкой возвышались сигаретные «бычки», обильно посыпанные пеплом.

Закрыв за собой дверь, Фостина прошла по комнате и остановилась у окна возле скамьи, на которой лежала раскрытая книга. Захлопнув ее, она засунула книгу под подушку, которую старательно взбила, чтобы ликвидировать следы беспорядка.

— Войдите!

Появившаяся в дверях девушка выглядела так, словно сошла с иллюстраций к куфическим рукописям, на которых изображались ушедшие в небытие две тысячи лет назад персидские женщины, восседающие на таких же черноглазых, белокожих, стремительных и стройных кобылицах, как и они сами. Она могла бы с такой же грациозностью и изяществом носить их одеяния из розовато-золотистой парчи. Но американский климат и атмосфера двадцатого столетия заставили ее надеть опрятную фланелевую юбку и свитер цвета вечнозеленой сосны.

— Фостина, эти греческие костюмы...— начала девушка и осеклась.

— Что с тобой?

— Пожалуйста, присаживайся,— обратилась к ней Фостина.— Я должна тебе кое-что сообщить...

Девушка тихо повиновалась и выбрала себе место не в кресле, а на скамье возле окна.

— Сигарету?

— Спасибо.

Медленным движением руки Фостина положила пачку обратно на стол.

— Гизела, ты не знаешь, что им от меня нужно?

Гизела неуверенно переспросила:

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе отлично известно, что я имею в виду! — сказала Фостина сухим, надтреснутым голосом. — Ты, конечно, слышала сплетни, которые обо мне здесь распускают. Что обо мне говорят?

Длинные ресницы — это весьма удобный инструмент для прикрытых глаз. К нему и прибегла Гизела. Когда она вновь вскинула ресницы, то в ее взгляде чувствовалась полная невинность. Ее рука слегка дернулась к лежавшей возле нее подушке, увлекая за собой тонкую струйку сигаретного дыма.

— Сядь поудобнее, Фостина. Ты что, на самом деле подозреваешь меня в том, что я прислушиваюсь к сплетням? Я ведь иностранка, и прибыла в вашу страну как беженка. А здесь, в Америке, никто иностранцам не доверяет, не говоря уже о беженцах. Ведь многие из них так и не сумели найти свое место, и в результате платили вам черной неблагодарностью. У меня нет близких друзей. А в школе меня терпят только потому, что мой немецкий с грамматической точки зрения совершенен, а мой венский акцент более приятен американцам, чем речь берлинцев. Но мое имя, Гизела фон Гогенемс, после войны вызывает малоприятные ассоциации. Так что... — она пожала плечами, — у меня почти нет возможности сидеть за чашкой чая или бокалом с коктейлем и бесконечно болтать на разные темы...

— Ты увливаешь от вопроса, — Фостина сидела напряженно, не позволяя себе ни на минуту расслабиться. — Поставим тогда вопрос иначе, напрямую: — Ты слышала какие-нибудь сплетни обо мне?

Гизела резко ответила:

— Нет.

Фостина вздохнула:

— Нужно слушать, что говорят вокруг!

— Зачем? Разве приятно, что люди о тебе судачат?

— Нет, конечно. Но так как им рот не заткнешь, то уж лучше пусть сплетничают с тобой. Ведь ты — единственный человек, к кому я могу обратиться с та-

кой просьбой. Только ты можешь сообщить мне, кто этим занимается и что именно говорят обо мне.— Ты — единственная моя подруга.— Она вдруг густо покраснела от набежавшего на нее чувства робости.— Могу ли я тебя так называть?

— Конечно, я — твоя подруга, и, надеюсь, ты относишься ко мне точно так же. Но я ничего не понимаю. Что заставляет тебя думать о сплетнях?

Фостина аккуратно раздавила погасшую сигарету в пепельнице.

— Меня уволили. Вот и все.

Гизела была поражена ее словами.

— За что?

— Не знаю. Миссис Лайтфут не пожелала объясниться. Если не считать ее глупых банальностей о том, что я не вписываюсь в общую атмосферу школы Бреретон, основополагающей причиной. Я уезжаю завтра.

Фостина с большим трудом произнесла последнюю фразу.

Гизела наклонилась вперед и дотронулась до ее руки. Это было ее ошибкой. Вдруг черты лица Фостины исказились, слезы брызнули из глаз, словно чья-то жесткая невидимая рука выжимала их.— Но это еще не самое страшное.

— А что же?

— Видишь ли, вокруг меня что-то происходит.— Слова теперь пулей вылетали изо рта Фостины, она уже не могла их сдерживать.— Я чувствую давно, но не знаю, что это такое. Какие-то намеки. Неприметные детали.

— Например?

— Посмотри на эту комнату.— Фостина с горестным видом повела рукой.— Горничные отказываются делать для меня то, что охотно выполняют для тебя и других учителей. Они никогда не раскладывают мою постель на ночь. Зачастую к ней вообще никто не прикасается. В графине никогда не бывает холодной воды, в комнате не проводят уборку, не вытирают пыль. Я должна сама выносить мусор, высыпать окурки из пепельницы, а однажды кто-то из них оставил на весь день окна открытыми, и в результате ночью я продрогла до костей.

— Почему же ты не рассказала об этом миссис Лайтфут? Не пожаловалась экономке?

— Я хотела, но пойми, я здесь новичок, приехала недавно, и это место очень много для меня значит. Кроме того, я не хотела создавать неприятности для Арлины. Ей поручено убирать в моей комнате, но мне всегда ее жалко. Она такая неумеха, ужасно косноязычная. Разговаривать с ней — все равно, что беседовать с глухим!

— Она тебя не слушает?

— Она прекрасно слышит, но не слушает. Под маской ее внешнего безразличия я постоянно чувствую какое-то упрямое сопротивление и никак не могу понять, чем все это вызвано. — Фостина настолько увлеклась разговором, что, закулив, забыла предложить сигарету Гизеле. — Арлина не дерзила, не дулась на меня, просто она была какой-то рассеянной, казалось, вся ушла в себя. Выслушав мои обвинения, она что-то промямлила. По ее словам, она и понятия не имела, что плохо убирает в моей комнате, обещала исправиться в будущем. Но все осталось по-прежнему. В тот вечер, помню, она всячески избегала меня, словно боялась. Но это же глупо. Как можно опасаться такого книжного червя, как я?

— У тебя вызывает подозрение только поведение Арлины?

— Нет, не только. Почему-то все меня старательно избегают.

— И я тоже?

— Ах, Гизела, честное слово, ты — единственное исключение. Стоит мне попросить других учителей посидеть со мной за чашкой чая в здешней деревне, или за коктейлем в Нью-Йорке, все они неизменно отвечают отказом. И такое случалось не раз, и не два, это происходит постоянно. Все отказывают. Все, кроме тебя. И делают это как-то неловко, словно я перед ними в чем-то провинилась. Неделю назад, будучи в Нью-Йорке, я столкнулась на 5-й авеню с Алисой Айтчисон, как раз напротив библиотеки. Но она... отвернулась в сторону, притворившись, что не видит меня. Конечно, она меня видела. Ее притворство было очевидно.

— А как девочки из твоего класса? Не слушаются тебя?

— Нет, дело не в этом. Они выполняют все, что я требую. Задают вполне разумные вопросы по поводу уроков. Но...

— Что но?

— Гизела, они не спускают с меня глаз.

Гизела рассмеялась.

— Я бы не возражала, если бы они не спускали с меня глаз особенно когда я им объясняю что-то на доске.

— Но они глядят на меня в упор не только, когда я им что-то показываю или объясняю,— уточнила Фостина.— Они не спускают с меня глаз постоянно. Все время. И в классе, и в коридоре. Согласись, в этом есть что-то... противоестественное.

— Особенно в классе!

— Да ты не смейся,— возмутилась Фостина.— Все это очень серьезно. Они все время следят за мной, прислушиваются. Кроме того, иногда у меня возникает странное ощущение... что следят они не только за мной.

— Ничего не понимаю.

— Я не могу объяснить тебе, так как сама ни черта не понимаю, но...—Голос Фостины сник:— Они прислушиваются ко мне так, словно ожидают, что вот-вот что-то произойдет. Что-то мне неизвестное.

— Может, они ожидают, когда ты упадешь в обморок или с тобой приключится истерика?

— Может быть. Не знаю. Что-то вроде этого. Только такого со мной в жизни не случалось... Но и это еще не все. Во-первых, они ужасно вежливы со мной. Во-вторых, когда я сталкиваюсь с ними в коридоре или холле, в глазах у них мелькает какой-то любопытный всепонимающий взгляд. Как будто им обо мне известно больше, чем мне самой. И все они непременно начинают хихикать за моей спиной. И это, поверь, не обычное для школьниц зубоскальство, а какой-то нервный смехок, который может запросто перейти в смертельный испуг, либо просто в истерику.

— Это и имела в виду миссис Лайтфут, когда предложила тебе уехать?

— Вначале она была со мной холодна, но потом мне показалось, что она даже сочувствует.

Гизела кисло улыбнулась:

— Это самое любопытное из всего, что ты рассказывала. Миссис Лайтфут, по-моему, жестокая эгоистка.

— Вероятно, у нее существуют какие-то причины для такого поступка,— продолжала свой рассказ Фостина.— Ведь школе придется выплатить мне деньги вперед за шесть месяцев, если они увольняют меня раньше завершения учебного семестра. Я уже не говорю об утрате довольно квалифицированного преподавателя по искусству, которому в это время не так просто подыскать замену. Но при всем при этом она оставалась непреклонной. Я даже не могу рассчитывать на ее рекомендацию, если начну поиски работы где-нибудь в другом месте.

— Ты имеешь право на объяснение причины увольнения,— возразила Гизела.— Почему бы тебе не обратиться к адвокату? Пусть он поговорит с ней.

— Нет, я так не могу. Из этого ничего хорошего не выйдет. Какой школе в округе понравится идея взять к себе преподавателя, который готов прибегнуть к помощи адвоката при первом же признаке надвигающейся беды?

— Да, она действительно приперла тебя к стенке...— Гизела вздохнула и оперлась спиной на подушку. Но она оказалась слишком жесткой опорой. Гизела отодвинулась, и подушка скосилась на сторону. Она попыталась распрямить ее, но в этот момент заметила за ней корешок книги, старинной книги в кожаном переплете с золотым тиснением.

— Ах, прости,— торопливо сказала Фостина и, схватив книгу, прижала ее, словно младенца, обеими руками к груди. Гизеле не удалось рассмотреть ее название.— Прости, тебе было неудобно сидеть.

— Ничего. Я и не знала, что там лежит книга.— Легким грациозным движением Гизела встала. В голосе ее послышались спокойные нотки: — Жаль, но я не могу ничем тебе больше помочь.— Она направилась было к двери, затем помедлила и оглянулась: — Да, совсем забыла, зачем пришла. Хотела спросить, сделала ли ты эскизы для нашей греческой драмы? Но теперь, вероятно, тебе уже не до них.

— Они уже закончены, и миссис Лайтфут попросила представить их на рассмотрение комитета до моего отъезда.

— Отлично. Встречаемся, как всегда, у меня. В четыре.

Гизела прошла через холл, направляясь в свою комнату. Закрыв двери, она немного постояла, сморщив лоб, словно старалась что-то припомнить, затем подошла к своему секретеру и отодвинула задвижку застекленной книжной полки. На первых трех полках книги были аккуратно и плотно расставлены, между ними не было ни малейшего зазора. Но на нижней, казалось, они стояли не так тесно, как обычно. Ее пытливый взгляд остановился на собрании из нескольких кожаных томов с золотым тиснением. Первого тома не было.

Все еще морща лоб, она села за письменный стол. Четыре страницы белой бумаги были разложены на откидной доске — три были исписаны, а четвертая — чистая.

Она придвинула ее к себе и начала писать:

«Р. S. Случалось ли тебе читать «Мемуары» Гете? У меня есть французское издание в переводе мадам Карловиц. Фостина Крайль взяла у меня первый том, не удосужившись спросить на то разрешения. Я обнаружила это совершенно случайно только тогда, когда она попыталась у меня на глазах спрятать книгу. Зачем она ей понадобилась — ума не приложу. Я бы не придавала этому особого значения, если бы не странное отношение всех к Фостине, о чем я тебе уже писала. Что-то дошло до ушей миссис Лайтфут, и сама Фостина сообщила мне о ее требовании к ней покинуть школу.

Во всем этом деле есть что-то зловещее, и, если сказать правду, ничего от тебя не скрывая, то мне самой иногда становится страшно. Мне бы очень хотелось, чтобы сейчас ты был в Нью-Йорке. Я уверена, ты обязательно найдешь какое-то разумное объяснение всему происходящему здесь. Но увы, ты далеко отсюда...

Я боюсь спуститься с холла верхнего этажа после десяти вечера, когда на лестнице горит только одна ночная лампочка. Я не в силах сдержаться и не оглянуться через плечо, все время ожидая увидеть... Не знаю, что именно, но что-то особенное и весьма неприятное...»

Гизела положила ручку, с решительным видом перечитала то, что только что написала, сложила все четыре листа, вложила их в конверт и наклеила на него марку. Снова взяла ручку и написала на конверте:

*Д-ру Базилу Уиллину,
Парк-Авеню, 18-А, Нью-Йорк.*

Набросив шубку поверх свитера, она поспешила вниз с письмом в руках.

На улице сумеречный пронизывающий ветер пощипывал ей щеки и трепал волосы. Порывы ветра яростно гнали вперед серые, но уже слегка просветленные облака. Она шла по мягкому ковру опавших листьев и за несколько минут преодолела те полмили, что отделяли здание школы от главных ворот.

Какая-то девушка стояла возле будки, расположенной на обочине шоссе.

— Привет, Алиса, — поздоровалась Гизела. — Приезжали за вечерней почтой?

— Еще нет. Почтальон должен прибыть с минуты на минуту.

Алисе Айтчисон на вид было около девятнадцати лет, но внутренняя раскованность и свобода в действиях делали ее скорее похожей на молодую учительницу, чем на воспитанницу. Это была литая, созревшая красotka, с блестящими, как у газели, глазами, мягкой, словно подернутой тонким слоем жемчуга, кожей, с полными и сочными губами. На ней был костюм коричнево-орехового цвета в тон ее волосам. Яркий темно-оранжевый шарф закрывал разрез на груди жакета. Она улыбалась. В это время старенький, выдавший виды «форд», громыхая, остановился рядом с ней, и какой-то человек в макинтоше и мокасинах шумно выкарабкался из машины.

— Еще два письма нужно доставить в мгновение ока! — сказала Алиса, взяв из рук Гизелы письмо и передавая его почтальону вместе со своим.

— Будет сделано, — ответил тот, бросая их в сумку. — Ваши девушки, я вижу, обожают обильную корреспонденцию. Все амурные дела?

«Форд», натужно чихая, двинулся по шоссе, а девушки пошли обратно к дому.

— А доктор — это ваш приятель? — спросила вдруг Алиса.

Гизела с удивлением посмотрела на нее. Алиса, конечно, обладала грубой речью и несветскими манерами, чего себе не могли позволить ее учителя, однако, считалось, что она получила хорошее воспитание и, судя по всему, не могла быть похожей на тех любопытных де-

виц, которые без особого стеснения могли прочесть адрес на чужом конверте.

— Да, это один психиатр. А почему вы спрашиваете?

— Кажется, я уже встречала это имя где-то прежде — Базиль Уиллинг.

Гизеле это показалось забавным.

— Он довольно известный человек. Теперь, когда ваше любопытство удовлетворено, могу ли я, в свою очередь, задать вам вопрос?

— Валяйте!

— Вы здесь живете значительно дольше меня, — начала Гизела.

— Не напоминайте мне об этом, — угрюмо перебила ее Алиса. — Целых пять лет одиночества в мире, где нет мужчин! Все равно, что жить в монастыре или женской тюрьме! До этого я провела четыре года в Мейдстоуне. Нет, не в роли учительницы — воспитанницы. С трудом дождалась того дня, когда, наконец, закончила школу. Но что за дикая жизнь началась у меня! Вы сильно удивитесь, если я расскажу вам, какие грандиозные планы я там строила. — Ее глаза смотрели поверх Гизелы, чувствовалось, что она пребывает в каком-то мрачном и грустном настроении. — Но за три недели до школьного выпуска отец покончил с собой. Застрелился.

— Ах, простите... — Гизеле никак не удавалось подобрать нужное слово. — Право, я не знала...

— Прошел только год, и об этом уже никто не помнит. — Алиса посмотрела на нее с вызовом в глазах. — Еще один биржевик с Уолл-стрита, поставивший не на ту лошадь. Итак, я осталась ни с чем. Вдруг я узнала, что миссис Лайтфут ищет преподавателя по театральному искусству. Тогда я попросила миссис Мейдстоун порекомендовать ей меня, думая, что здесь, в Бреретоне, все значительно лучше, чем в Мейдстоуне. Но оказалось, что все то же самое. До смерти надоело. Мне нужна работа в Нью-Йорке, где можно по-человечески жить.

— Значит, в Мейдстоуне было все так же, как и здесь? — спросила Гизела.

— Те же принципы, правда, иной подход. Школа Мейдстоун хочет предстать более современной, разрекламировать свой метод как более полезный для здоровья.

Девочки там пили свежее молоко, ходили в походы и спали на сеновалах. В общем, простая жизнь, но по шикарной цене. Посетителей пускали только по воскресеньям, и то не сводили с них глаз. Мой несчастный отец думал, что мне там будет лучше, но пребывание в Мейдстоуне лишь прибавило мне решительности как можно скорее оттуда выбраться и попасть в настоящий мир.

— Нравится вам Бреретон или не нравится, все же вы чувствуете себя более в своей тарелке, по сравнению со мной,— продолжала Гизела.— Ваша работа дает возможность устанавливать близкие контакты с девочками, ведь вы почти их возраста. Они могут быть с вами откровенными там, где в разговоре со мной предпочтут отмалчиваться.

Алиса внимательно посмотрела на Гизелу.

— Например?

— Ну, скажем, в отношении Фостины Крайль...

— Не понимаю, о чем вы говорите...

— Нет, вы все понимаете,— резко возразила Гизела.— Я заметила, как вы иногда на нее смотрите,— с каким-то недружелюбным любопытством, как будто вы находите в ней что-то странное, непонятное.

— Вздор! — грубо отрезала Алиса.— Фостина Крайль просто глупа. И в этом нет ничего странного. У нее слабый характер, она бесцветна, не умеет преодолеть робость и ужасно озабочена тем, чтобы понравиться всем на свете. У нее нет чувства юмора. Она не обладает даром обзаводиться друзьями. Просто стареющая девица, размазня. Одна из тех, которые постоянно принимают витамины, не получая от них никакой пользы. Вы заметили этот флакон с витаминами Б-2, который постоянно стоит возле ее тарелки за обедом? С такими людьми, как она, ничего не поделаешь. Она рождена, чтобы стать мишенью для любого юмориста и задиры, а ведь таких в мире немало. Взять хотя бы Тяжелое копытце!

— Тяжелое копытце? — переспросила Гизела, не совсем уверенная в точном значении нового американизма.

Алиса ухмыльнулась.

— Так девочки называют миссис Лайтфут.

— Значит,— раздумчиво произнесла Гизела,— Фо-

стине предстоит потерять работу лишь потому, что у нее не достает истинно твердого характера, столь необходимого для хорошего учителя.

— Может быть,— Алиса продолжала изучающим взглядом осматривать Гизелу.— Что, она потеряла работу?

— Ну, это не наше с вами дело,— и Гизела поспешила сменить тему разговора.— Скажите, нельзя ли вернуть мое письмо? Что, если позвонить почтальону в деревню и сообщить ему о моем намерении забрать письмо обратно?

Алиса рассмеялась раскатистым грубым смехом:

— Девочка моя, ваше письмо уже поступило на хранение на почту Дяди Сэма. Конечно, вы можете попытаться прорубить себе тропу через джунгли американской бюрократии и заполнить пятьдесят формуляров, каждый из которых состоит из пяти частей. Но даже если вы это сделаете, я не уверена, что вам удастся получить письмо обратно. А для чего оно вам понадобится? Слишком забористое?

— Да нет же,— Гизела не скрывала, что слова Алисы ее раздражают.

— Что же тогда?

— Я приписала к нему постскрипtum и теперь в этом раскаиваюсь. То, что в Америке называется «напрасный труд».

— То есть пытались попасть пальцем в небо?

Они подошли ко входу в главное здание школы. Алиса повернула ручку и толкнула дверь.

— Странно. Двери заперты.

Гизела нажала кнопку звонка. Так они и стояли под дождем, трясаясь от холода. Дневной свет медленно угасал, постепенно вокруг них сгущалась мгла.

— Черт подери! — воскликнула в сердцах Алиса.— Пойдемте через черный ход, он всегда открыт.

Гизела согласилась, хотя и подозревала, что миссис Лайтфут не по душе такие вольности.

Они побрели по тропе, подставляя свои непокрытые головы резким порывам ветра. У них не было перчаток, и они сунули руки в карманы. Когда девушки завернули за угол дома, то увидели, как весело горит свет во

всех окнах кухни, пробиваясь к ним через сумеречную мглу. Алиса открыла дверь. Гизела вошла вслед за ней.

В этом старинном деревенском доме кухня занимала много места, значительно больше, чем гостиная в средней нью-йоркской квартире. Такие кухни строились в те далекие годы, когда повсюду предлагали свои услуги множество поваров, зарплату им платили небольшую, и никого, по сути дела, не беспокоил вопрос, сколько же стоит приготовление пищи. Современное оборудование — белая эмалированная печь, мойка из нержавеющей стали, электрический холодильник — были как-то не к месту в этой просторной комнате с длинным рядом окон со шторами и паркетным полом, который мыли и натирали ежедневно.

Кухарка стояла у мойки и промывала очищенные листья бельгийской капусты. Из духовки тянуло ароматом поджаривающихся каштанов, которые предстояло смешать с капустными листьями. Стол, стоявший в центре, был завален букетами цветов и пучками собранных листьев. Фостина аккуратно складывала их в большую вазу штейбенского стекла, — обычная обязанность младших преподавателей в школе Бреретон. Она была одета для прогулки — в наглухо застегнутом пальто голубого цвета и в коричневой фетровой шляпке.

Выдержав небольшую паузу, Алиса спросила:

— Вы только что со двора?

— Да, — Фостина Крайль посмотрела на нее с нескрываемым удивлением.

В это время отворилась дверь, выходящая на черную лестницу. В кухню вошла Арлина. В одной руке она несла небольшой чайный поднос.

— Последние полчаса я провела в саду, — сказала Фостина, но с гораздо большим жаром, чем требуется при ответе на такой пустяковый вопрос. — А почему вы меня об этом спрашиваете?

— Просто так. Мне показалось, что я видела ваше лицо в окне наверху, когда мы с Гизелой шли по дорожке к дому.

Вдруг раздался звон разбитого вдребезги стекла и фарфора. Это из рук Арлины выскользнул поднос.

Кухарка в сердцах заорала:

— Разье так уж трудно следить за тем, что ты де-

лаешь, Арлина? Еще две чашки разбиты. Когда я была девчонкой, то нас обучали, как нужно обращаться с китайским фарфором. Ну, а вы, молодежь, в наши дни просто неуклюжи. В чем дело? Опять отвлекает любовь?

Арлина молчала, уставившись на Фостину испуганными глазами.

— Возьми мусорную корзину и веник и убери весь этот ералаш! — решительно сказала кухарка. — Я попрошу миссис Лайтфут вычистить из твоего жалованья стоимость разбитой посуды

— Позвольте мне заплатить за нее! — вмешалась в разговор Фостина. — В конце концов это я ее напугала.

Алиса увлеченно наблюдала за сценой, не скрывая своего живого интереса. Теперь наступил черед вмешаться ей

— Не глупите, Фостина! Вы ведь ничего такого не сделали! Не так ли, Гизела? — сказала она, повернувшись к своей спутнице.

— Конечно, нет, — неохотно согласилась Гизела. — По крайней мере я лично ничего не заметила.

Такой ответ, вероятно, не понравился Алисе и озадачил ее. Но она больше не произнесла ни единого слова и молчала до тех пор, пока они с Гизелой не оказались наедине в столовой, соединяющей холл с кухней.

— Вы отдаете себе отчет в том, что родители уже забрали из школы пять девочек после начала учебного года?

— Нет. Насколько мне известно, уехали трое, но я не предполагала, что их число значительно больше.

— А две из них уехали отсюда весьма поспешно. — Гизела повернула голову и внимательно посмотрела на Алису. Свет, вырвавшийся из открытой двери в холл, осветил, словно огнями ramпы, ее лицо, блестящие глаза, насмешливые ярко-красные губы, которые расплылись в издевательской дерзкой улыбке. — Я хочу кое-что вам сказать, Гизела фон Гогенемс. Если только вы написали своему психиатру что-нибудь о Фостине Крайль, то вам придется сильно пожалеть об этом!

Глава третья

Весь следующий день Гизеле было не по себе, и ее душевное состояние никак не соответствовало тем немногим фактам, которые были известны ей о Фостине. Какая-то подобная ситуация, как ей казалось, находилась ниже порога ее сознательной памяти. Ее эмоции ассоциировались с какими-то забытыми фактами, всплывавшими в сознании в форме навязчивого ощущения зла. Она была похожа теперь на контуженного человека, который весь съеживается при звуке взрыва, не отдавая себе отчета в том, почему он так поступает. Она еще раз поняла, что эмоции более свободны, чем факты и идеи, они не сталкиваются с препятствиями и легче проникают через пласты сознания.

Честно говоря, Гизела и не рассчитывала на ответ Базиля Уиллинга. Последнее письмо она получила от него из Японии. Ведь он мог еще находиться в составе американского флота где-нибудь за рубежом. Гизела направила ему такое подробное письмо только потому, что безраздельно доверяла ему.

Она не встречалась больше с Фостиной до заседания художественного совета, готовившего греческую драму для сцены. Первой туда явилась Алиса с сигаретой, зажатой в уголке рта.

— Что означает весь этот шум с увольнением Фостины? — спросила она с ленивым безразличием, усаживаясь на подоконник.

— Не могу сообщить ничего нового, — ответила Гизела. — Я только знаю, что она уезжает.

— По какой причине? — упрямо переспросила Алиса.

— Не знаю.

Ни Гизела, ни Алиса не слышали, как открылась дверь. На пороге стояла Фостина с папкой эскизов под мышкой.

— Я стучала, — оправдываясь, робко сказала она. — В коридоре было слышно, что кто-то здесь разговаривает, и я вошла.

Алиса бросила на нее высокомерный взгляд.

— Не стоит так суетиться со своими манерами, Фостина, я уверена, ты всегда поступаешь так, как нужно.

Фостина стала развязывать шнуры папки, но руки у нее дрожали, не слушаясь ее.

— Просто не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что я подслушивала за дверью.

— Как это могло прийти тебе в голову? — спросила Алиса.

Фостина разложила на столе эскизы и только потом отважилась поднять глаза на Алису.

— Не знаю, Алиса. Мне кажется, что вы все время меня в чем-то подозреваете. В каком-то проступке, что ли.

Алиса рассмеялась:

— Скажите, пожалуйста! Сбавь обороты, Фостина!

— Как вы смеете разговаривать со мной в таком тоне! — нахмурилась Фостина.

Гизела взяла в руки один из эскизов, на котором была изображена женщина в греческом античном костюме.

— Это костюм для Медеи?

— Да, — ответила Фостина. Казалось, она очень обрадовалась, что Гизела сменила тему разговора. — Все утро я провела в поисках нужного варианта. Длинная баска, наброшенная на голову... Именно так ее носили гречанки в дни скорби или траура. А Медея скорбит с самого начала пьесы. Все складки нужно уложить поаккуратней. Небрежное ношение баски считалось проявлением провинциализма.

— Ну тогда, как мне кажется, Медея и должна носить баску небрежно, — вмешалась в разговор Алиса. — Разве она не была дикаркой, представительницей варваров?

— Может, это и так, но не забывайте, что она многие годы прожила в Греции, — поправила ее Гизела. — К тому же она была принцессой.

— В ее уголки нужно что-то вложить, — продолжала Фостина, — ну, подобно тем свинцовым грузикам, которые наши прабабки подшивали к подолу своих длинных юбок.

— А что у нее на голове? — поинтересовалась Алиса. — Что-то вроде корзины, емкостью в добрый бушель.

— Это же митра! — воскликнула Фостина, пораженная ее невежеством. — Корона Церцеры. Этот головной убор носили многие гречанки.

— Медея не стала бы следовать примеру такой прославленной домашней учительницы, какой была Церцера. Медея — феминистка и колдунья.

— Я в этом не уверена, — вставила Гизела. — Все женщины древности гордились тем, что имели отношение не к колдовству, а к хлебопечению. Само слово «госпожа» этимологически означало «дарующая хлеб».

— Может, надеть на нее тиару? Как у Геры с Афродитой? — предложила Фостина.

— Я бы предпочла именно ее, — подчеркнула Алиса.

— Заменить митру на тиару довольно просто. Это можно сделать, — согласилась Фостина. — А что вы скажете по поводу обуви? Вам нравятся сандалии, вышитые цветочными кружевами?

— Мне бы самой хотелось иметь такую пару! — заметила Гизела. — Они просто очаровательны!

Но Алиса с отвращением рассматривала сандалии.

— Все это слишком условно. Почему бы не взять простые зашнурованные туфли, отделанные кошачьим мехом? А мордочку и коготки использовать как украшение? Женщины в Греции носили такую обувь. Только подумайте о том удовольствии, которое мы получим, когда убьем кошку и сдерем с нее шкуру! Или даже двух. Ведь туфли-то две?

— А почему бы не содрать шкуру с них живых? — насмешливо подхватила Гизела. — Ведь вам, Алиса, это доставит большое удовольствие, не так ли?

Но Алису ни капельки не смутили ее слова.

— Вы, конечно, считаете меня дикаркой! Но ведь здесь, в этой школе, я буквально подыхаю от скуки! Готова сделать что угодно, чтобы немного взбодриться!

— Ну, а что вы скажете о Ясоне и Креоне? — Фостина протянула им еще два эскиза

— Мне нравится, — сказала Гизела. — Сразу видно, что Ясон обладает очаровательной глупостью профессионального служаки, а Креона вы превратили в настоящего президента местного клуба деловых людей «Ротари», правда, в греческом стиле.

Алиса залилась злобным смехом.

— Фостина! Тебе нет цены! Тебе, вероятно, и в голову не пришло, что ты превратила Медею в уличную девку?

— Что вы имеете в виду? — спросила, смутившись, Фостина.

— Только посмотрите на эту накидку и жакет. Они у тебя цвета голубого гиацинта, но ведь этот цвет в Греции безраздельно принадлежал проституткам.

— Боже,— произнесла ошарашенная Фостина и умоляюще взглянула на Гизелу.— Это правда?

— Боюсь, что да,— призналась Гизела.— Хотя мне это и в голову не приходило!

— Конечно, правда,— властно заявила Алиса — Разве вам не приходилось читать о Керамике, этом районе «красных фонарей» в Афинах? Если какой-то мужчина по имени Тезей хотел обладать какой-то женщиной по имени Мелита, то писал на стене углем: «Тезей любит Мелиту». Если она принимала его предложение, то подписывала внизу: «Мелита любит Тезея» и ожидала прихода своего возлюбленного на этом месте с веточкой мирты, зажатой в зубах.

— Но, может, такое происходило только в Афинах? — возразила Фостина.— Ведь место действия пьесы — Коринф.

— Тогда вам придется затратить еще одно утро, чтобы определить, какие наряды носили проститутки в Коринфе! — Алисе, казалось, очень нравилась идея задать Фостине побольше работы.— А может, вам это давно известно? У меня складывается впечатление, что вы обладаете завидными познаниями о традициях проститутток. Приходилось ли вам слышать о Розе Дайамонд?

Лицо Фостины залилось мертвенно пунцовой краской.

— Нет, не знаю. В любом случае я больше делать ничего не буду, так как сегодня вечером уезжаю.

— Счастливица!

— Нет, я ужасно несчастная. Я не хочу уезжать.

— Куда же вы едете?

Но тут опять вмешалась Гизела:

— Почему бы тебе не создать еще один эскиз костюма Медеи? Сменить цвет довольно просто, если

только подыщешь нужный материал. Что скажешь, например, о бледно-желтом? Он вполне подойдет к сандалиям, как и гиацинтовый.

— Как хотите,— сказала Алиса с полным безразличием.— А это что такое? — она подняла еще один эскиз.— Похоже на имитацию пестрой шотландской шали.

Фостина посмотрела на Гизелу:

— Это та отравленная одежда, которую Медея вручает невесте Ясона. В тексте несколько раз ее называют «разноцветной». Я скопировала дизайн с фотографии одной греческой вазы времен Эврипида. Только вместо фиалок в оригинале я использовала наперстянку, так как она — ядовитое растение.

— Разве стала бы Медея расшифровывать подготавливаемый ею удар? — возразила Алиса.— Если бы кто-нибудь прислал мне в подарок платье, вышитое листочками наперстянки, у меня он, несомненно, вызвал бы подозрения. Точно так же отреагировал бы любой поклонник детективов.

— Но дочь Креона не была любительницей детективов,— сказала Гизела.— У этого рисунка приятный привкус символизма. Любой человек, верящий, как и Медея, в магию, сделал бы то же самое.

— Ну а что вы скажете о красках? — упрямо гнула свое Алиса.— Мне они кажутся скорее персидскими, чем греческими.

— Но ведь персы и греки оказывали влияние друг на друга,— возразила Фостина.— Эти интересные сведения я почерпнула в ходе подготовительной работы. Когда начинаешь что-то искать, рыться в материале, обязательно обнаруживаешь уйму побочной информации, не имеющую никакого отношения к тому, что ты пытаешься отыскать. Вот вы, например, знали, что сибариты направляли приглашения на обед заранее, за целый год вперед, чтобы иметь достаточно времени для придумывания всевозможных яств и роскошных умопомрачительных нарядов? Или что греки уже тогда играли в теннис? Правда, это была спартанская игра, и греки играли обнаженными.

— Мои поздравления, Фостина! Видать, вы неплохо все проштудировали.— Теперь было заметно, что Алиса получает от всего происходящего большое удовольст-

вие.— В следующий раз я отправлюсь на теннисный корт абсолютно голой. И если мне миссис Лайтфут скажет что-то поперек, я заявлю ей с самым невинным видом: «Идея принадлежит Фостине Крайль. Она утверждает, что греки бегали по корту обнаженными, а мне просто необходимо пройти через такой опыт».

— Я вас к этому не принуждала! — закричала Фостина, чуть не плача.— Алиса, пожалуйста, не делайте этого!

— Наверняка сделаю.— В глазах Алисы вспыхивали злобные огоньки.

— Вы, Алиса, конечно, так не поступите,— вмешалась в спор Гизела.— А ты, Фостина, не давай себя так легко дурачить!

— Конечно, она шутит, я понимаю.— Фостина сильно побледнела, и на лице у нее появилось серьезное, озабоченное выражение.— Ну, если все вопросы решены, то я оставляю вам эскизы и забираю только Медею, чтобы успеть заменить ей митру до отъезда.

Когда за Фостиной закрылась дверь, в комнате наступила короткая тишина. Затем Алиса с вызовом бросила:

— Не смотрите на меня с укором! Я не выношу таких людей, как она. Их нужно постоянно донимать.

— Вы в этом уверены? Вы очень грубы, Алиса. И это совсем ни к чему, тем более что она сегодня уезжает.

— Вы слишком мягкий человек, Гизела.— Резким движением Алиса раздавила окурочек и встала.— Нужно научить Фостину наносить ответные удары.

— Избивая ее своей дубинкой до полного бесчувствия? Именно так вы поступили в психологическом смысле.

Алиса задержалась у двери. Никогда еще на ее прекрасном лице Гизеле не приходилось замечать столько злобы. Это было уже просто неприлично. Алиса начала говорить, но осеклась и лишь в сердцах прошипела:

— Черт вас возьми!

Затем вышла, не произнеся больше ни слова...

Дав свой последний урок в этот день, Гизела отправилась на прогулку по территории школы. Это был один

из тех обманчивых осенних дней, когда прозрачный солнечный свет кажется ласковым и теплым, а вы все равно не можете согреться. Гизела прошла по тропинке, выходящей через лесок, и приблизилась к ручейку, который служил границей владений Бреретона. По пути домой она вышла на открытую полянку и вдруг увидела чью-то фигуру, сидевшую за мольбертом. Это была Фостина. Как всегда в наглухо застегнутом пальто голубого цвета, но на этот раз без шляпки. Повернувшись спиной к дому, Фостина рисовала пейзаж, открывавшийся с полянки. Возле ее ног стоял ящик с красками, а в левой руке она держала небольшую палитру. Она работала кистью, нанося ловкие энергичные мазки, и, казалось, настолько была поглощена своим занятием, что не заметила появления Гизелы. Бесшумно передвигаясь на своих резиновых подошвах, Гизела приблизилась к ней и бросила взгляд на полотно.

Вдруг произошло нечто из ряда вон выходящее, что-то такое, что не поддавалось объяснению.

Фостина все еще рисовала пейзаж. Ее рука с зажатой кистью уверенно двигалась по полотну. Но вдруг она утратила живость. Каждое ее движение стало вялым и замедленным, словно кадры, снятые рапидом; казалось, вот-вот кисть выпадет из ее безжизненных пальцев.

Гизела очнулась от крика, который мгновенно заставил ее позабыть обо всем на свете. Он доносился из открытого окна за спиной Фостины. Гизела подбежала к нему, затем быстрыми шагами вошла в библиотеку. Там стояла полная тишина. Не было ни души. Лишь слегка от ветра покачивались и шуршали шторы. Внутри дома было темно, так как мрачные подступающие тени поглощали золотистые отблески позднего солнца. Одна дверь, выходящая в холл, была закрыта, а другая — лишь чуть приоткрыта. Через эту щель доносились истошные вопли вместе с рыданиями: «О, Бет, успокойся! Умоляю тебя! Что же мне делать?»

Гизела быстро пробежала через коридор в маленькую комнату. Мэг Вайнинг корчилась на полу. Ее личико, обычно розоватое и хорошенькое, теперь казалось почти уродливым. Оно сильно побледнело, а мышцы его напряглись. Рядом с ней на полу лежала Бет Чейз,

вся обмякшая и безжизненная. Вероятно, она была без сознания.

Гизела быстро опустилась на колени и начала растирать ей руки. Потом попыталась нащупать пульс, но он был настолько слабеньким, что едва ощущался.

— Это — шок! — Уверенный ровный голос Гизелы успокоил Мэг, и завывания прекратились. — Беги к экономке. Пусть принесет одеяла и бутылку с горячей водой!

— Что здесь случилось? — По ту сторону открытого французского окна стояла Фостина, и в глазах ее было заметно сильное удивление. В руках она держала мокрую кисть. Фостина сделала шаг вперед, чтобы войти в комнату, но Мэг Вайнинг что было сил завизжала:

— Нет, нет! Не приближайтесь ко мне!

— Маргэрит, следи за собой! Фостина, сбегай, пожалуйста, за экономкой! Пусть принесет одеяла и бутылку с горячей водой. С Бет Чейз обморок. Поторопись!

— Да, да, сию минутку! — Фостина выскочила в холл, а Гизела сняла жакет, завернула в него девочку и подняла на руки.

— Ну, что стряслось? — спросила она Мэг, не спуская глаз с мертвенно-бледного лица Бет.

— Не... знаю...

— Как это понять? Ведь что-то здесь произошло!

Щеки Мэг залила пунцовая краска. Ее нижняя губа была упрямо выдвинута вперед.

— Я не знаю, что послужило причиной обморока Бет, мисс фон Гогенемс. Вероятно, она что-то заметила. Может, это приступ какой-то болезни. Она закричала и упала на пол. Вот и все!

В холле послышались чьи-то быстрые шаги. У Гизелы оставалось всего несколько мгновений, и она решила воспользоваться ими с максимальной пользой.

— Это очень серьезное дело, Маргэрит. Я хочу знать правду. Скажи, что здесь произошло?

Глаза у Мэг блеснули холодным блеском, словно два бриллианта.

— Я сказала правду, мисс фон Гогенемс.

— А мне кажется, что нет...

Не успела Гизела договорить, как в комнату ворва-

лись миссис Лайтфут, Фостина и экономка с одеялами в охапке.

Миссис Лайтфут взяла на руки Бет и отнесла ее к себе наверх. Постепенно естественный розоватый цвет возвратился к бледным провалившимся щекам девушки, и вздох искреннего облегчения вырвался из груди миссис Лайтфут. Наконец Бет подняла свои песочного цвета ресницы и обвела долгим взглядом незнакомую комнату:

— Что это?.. Где я?

— Помолчи и попытайся отдохнуть,— мягко сказала директриса.— Экономка посидит возле тебя и принесет все, что надо. Благодарю вас, мисс фон Гогенемс за то, что вы так быстро среагировали. Маргэрит, спустись вместе со мной и зайди ко мне в кабинет.

— Хорошо, миссис Лайтфут.

Направляясь в свою комнату, Гизела услышала чьи-то быстрые шаги. В полутемном холле с ней чуть не столкнулась запыхавшаяся от ходьбы Фостина.

— Почему миссис Лайтфут не сказала мне ни слова? Ведь сегодня — мой последний день в школе. Через час приедет такси. Разве трудно в такую минуту быть немного повежливее?

— Как ты думаешь, чем вызван обморок у Бет? — задала ей встречный вопрос Гизела.

— Понятия не имею. А ты? Я стояла спиной к дому, рисовала на лужайке около двадцати минут. Затем услышала детский крик и настолько испугалась, что не сразу пришла в себя. Знаешь, такое часто бывает, если внимание чем-то поглощено, особенно, если пишешь что-то или рисуешь. Я обернулась, но за спиной никого не увидела. Окна в доме были открыты, значит, крики раздавались оттуда. Я подбежала к ближайшему — это оказалось окно класса для письменных работ.

— Ты видела, как я бежала к библиотеке?

— Нет, не видела. Вероятно, ты добралась до цели быстрее меня. Когда я подбежала к классу, ты уже находилась там и стояла на коленях, склонившись над Бет.

— Я попала в класс через библиотеку,— объяснила Гизела.— А ты прибежала прямо к окну классной комнаты с лужайки. И на это у тебя ушло все же больше времени.

— Я так испугалась.— По глазам Фостины чувствовалось, что она умоляет подругу простить ее за медлительность.— К тому же я не столь подвижна, как ты.

— Ты стояла у окна прямо напротив двери в холл. Дверь была распахнута. Ты никого не заметила?

— Нет, нет.— На лоб Фостины набежали морщины, и в ее голосе послышалась какая-то неуверенность.— Нет, не могу утверждать, что я кого-то там видела...

— Ну, а что ты вообще видела? — нетерпеливо перебила ее Гизела.

— Теперь, когда ты сказала об этом, я припоминаю, что у меня возникло ощущение... такое ощущение, будто кто-то движется в холле. Но освещение было тусклое из-за поднятых наполовину жалюзи венецианских окон. На дворе было жарко. К тому же я не обращала внимания на то, что происходит в холле. Я высматривала вас и Бет, а вы были в классной комнате.

— Ты рисовала на лужайке, когда я возвращалась по тропинке от ручья,— продолжала Гизела.— И твои движения показались мне ужасно замедленными, неестественными. Тебе было плохо?

— Нет, я чувствовала себя хорошо. Просто какое-то сонное состояние. Мне с трудом удавалось преодолевать дрему и не закрыть глаза. Этот ужасный вопль словно пробудил меня...

— А как ты сейчас себя чувствуешь?

— Неплохо,— со вздохом ответила Фостина.— Просто... немного устала.— Она слегка улыбнулась бледными губами.

— Помочь тебе собрать вещи? — предложила Гизела.

— Очень мило с твоей стороны. Только у меня с ними немного хлопот. Я все сделала сегодня утром. Вещей у меня мало.

Перевязав кожаным ремешком и закрыв последний из трех довольно потрепанных чемоданов, Фостина взяла с тумбочки возле кровати книгу — старый фолиант в кожаном переплете с золотым тиснением и с потрепанными краями.

— Это — твоя книга,— сказала она с чувством неловкости.— Первый том «Воспоминаний» Гете. Я набра-

лась смелости и взяла ее с твоей полки, когда тебя не было.

— Благодарю.— Гизела, взяв книгу, посмотрела на форзац. Выцветшими светло-коричневыми чернилами кто-то написал мелкими буквами «Амалия де Буасси, Нойвельке, 1858». Что-то опять дало о себе знать на смутной границе сознания, но так и не выплыло в памяти...

— Может, пойдем ко мне и выпьем по чашке чая на дорожку? — неожиданно предложила Гизела.— У тебя еще есть несколько минут до прихода такси.

Когда они вошли в комнату Гизелы, день почти угас. Она включила настольную лампу под шелковым янтарным абажуром, заварила чай на спиртовке и подала его с дольками лимона на старомодном сервизе.

— За твои будущие успехи! — Гизела элегантно движением подняла свою чашку так, словно это был бокал с вином.— Пусть следующее место работы будет для тебя удачнее!

Но у Фостины не было настроения для взаимной галантности. Она отставила в сторону чашку, едва пригубив из нее.

— У меня нет будущего,— резко сказала она.

— Чепуха! Пей чай, пока не остыл. Тебе станет лучше.

Подчиняясь ее уговорам, Фостина выпила чашку. Она всегда соглашалась молча, или лучше сказать— «под влиянием внешнего воздействия».

— Ну, теперь мне пора. Спасибо.— Она поставила на стол пустую чашку.— Я не могу заставлять таксиста ждать. Можно опоздать на поезд в Нью-Йорк.

— Я провожу тебя до ворот,— предложила Гизела.— Не забудь прислать свой точный адрес, как только окончательно устроишься.

Девушки вышли в холл. Покидая навсегда школу в эту промозглую ночь. Фостина казалась какой-то маленькой, одинокой в своем тонком застегнутом наглухо голубом пальтишке. Она шла на несколько шагов впереди Гизелы. Сделав поворот, они подошли к лестнице, на верхней площадке которой возвышалась неподвижная фигура миссис Лайтфут. Одна рука ее покоилась на

балюстраде, и она вглядывалась с лестницы в неосвещенный холл.

У нее была новая прическа. Ее тронутые сединой волосы были уложены в кольца, а вечерний туалет был выдержан в камейных тонах. Кроме того, на ней была выходная накидка из темно-серого вельвета, ниспадающая тяжелыми складками до щиколоток и покрывающая шифоновую юбку, а из-под нее виднелся носок сатиновой туфли того же цвета. Вокруг шеи были заметны белые пятна — горностаевая оторочка, цветков капского жасмина и нитка жемчуга. Вельветовые рукава достигали лишь до локтей. Дальше их сменяли длинные перчатки безупречно белого цвета. Ее глаза напряженно выискивали кого-то в темноте, а голос отличался строгостью и резкостью:

— Мисс Крайль!

— Слушаю вас, миссис Лайтфут!

Миссис Лайтфут от этих слов сильно вздрогнула и, повернувшись, устремила свой пронзительный взгляд на Фостину. Наступила короткая мертвая тишина, в которой было слышно даже их дыхание. Первой ее нарушила Фостина.

— Вы меня звали?

Миссис Лайтфут заговорила, и в ее голосе уже не чувствовалось прежнего апломба.

— Давно вы там стоите?

— Всего секунду, — ответила девушка, нерешительно улыбаясь. — Я так спешила, что хотела проскользнуть мимо вас по лестнице. Но вовремя одумалась. Такой шаг с моей стороны можно было бы расценить как ужасную грубость.

— Несомненно, мисс Крайль, несомненно, — согласилась миссис Лайтфут, плотно сжав губы. — Если вы так торопитесь, то не стану вас задерживать. Всего хорошего! — В разговаривающем на ходу наряде она спустилась по лестнице, сохраняя всю свою грациозность.

Фостина с Гизелой следовали за ней на почтительном расстоянии. Когда она дошла до последней ступеньки, из гостиной вышла Арлина в черном платье, белом фартуке и зажгла свет. Вспышка лампы осветила пустой холл. Никто не мог догадаться, что же приковало внимание миссис Лайтфут к этому месту.

— Ты появилась слишком поздно, Арлина,— с раздражением заметила миссис Лайтфут.— Нужно включать лампу на лестнице до наступления темноты. Неровен час, можно с нее и упасть.

— Виновата,— надулась Арлина.

Миссис Лайтфут с нарочитым безразличием разглядела одну из перчаток:

— Ты не видела кого-нибудь только что там, около тебя? А в холле? Может, в столовой, когда возвращалась из кладовки?

— Нет, мадам, там не было ни души.— Но какой-то бесенок вселился в нее, и она с вызовом спросила:— А вы, мадам?

— Само собой разумеется, нет! — отрезала директриса, но в ее голосе уже не слышались властные нотки.

Установившуюся неловкую тишину вдруг разорвал залиvistый телефонный звонок. Миссис Лайтфут вздрогнула, а Гизелу вдруг осенило: значит, кто-то напугал миссис Лайтфут так же сильно, как и Бет Чейз...

Арлина подошла ко второму аппарату в кладовке, расположенной прямо под лестницей:

— Школа Бреретон... Простите, как ваше имя? Минутку... Это вас, мисс фон Гогенемс. Междугородная. Вас вызывает какой-то доктор Базиль Уиллинг...

Глава четвертая

Он был уверен заранее, что она придет вся в черном. Ведь она венка и принадлежала к поколению Шанель — как же она могла посчитать свой туалет совершенством, если бы он не был черного цвета. На сей раз это было тяжелое платье из крепа, разумно перехваченное у талии, ниспадающее более свободно к ее стройным ногам, обтянутым тонкой «паутинкой», и изысканные сандалии-плетенки на высоком каблуке. Четкая линия ее белых плеч не перекрывалась ни рукавами, ни штрипками. Ни на шее, ни на голове не было никаких драгоценных украшений, но посадка головы заставляла воображать россыпь драгоценностей, — вероятно, целый сонм ее предков носил в волосах диадемы. Волосы у нее были пострижены короче, чем обычно, и зачесаны за уши. Под их гладкими темными волнами ее бледноватое лицо с тонкими очертаниями было похоже на белый цветок.

Он взял ее за руки.

— Гизела...

Больше он ничего сказать не смог. В ее улыбке соединились веселость с нежностью. Ее искренняя веселость воскрешала в памяти воспоминания о Европе, о довоенном мире. Еще одна война вроде этой, и в мире больше не останется ни одного человека с такой удивительной милой улыбкой, подумал он. На какое-то мгновение она предстала перед ним как обломок какой-то погибшей цивилизации, пусть обломок, но обломок милый и обожаемый, вроде изуродованной древней статуи из Африки или Лидии.

Они сели на обитую бархатом скамью возле стены, а официант поставил перед ними на столе два бокала с горьким «мартини».

Гизела обратила внимание на белый галстук, слегка пожелтевший за шестилетнее пребывание в темном ящике шкафа.

— Расстался, наконец, с формой? Надеюсь, навсегда?

— Если будет угодно Богу, то навсегда! Поэтому я и выбрал это уютное местечко для нас. Скажи на ми-

лость, можно ли найти еще такое же цивилизованное место, как этот «Лебединый клуб»?

— Ну...— Она снова улыбнулась.— И тот маленький бар на Первой авеню, куда мы с тобой имели обыкновение ходить, не пользовался популярностью только у военных...

— Значит, ты все помнишь?

Остальное они договорили взглядами. Базиль рассмехался:

— Кажется, это мой любимый бар. Любой посетитель там — тип, сошедший со страниц Диккенса или Сарояна. Но он сейчас не годится, это не то место, где можно отметить мое возвращение из царства смерти. Мне так хочется вернуть прошлое. Я вновь в своей старой должности врача-помощника окружного прокурора, хотя теперь другой прокурор и другой мэр в городе. Мое прежнее место заведующего психиатрической клиникой при больнице «Никербокер» отдали моему приятелю, парню по имени Дунбар, которого в последний раз я видел в Шотландии. Но я нашел себе работу получше в другой больнице, на Мюррей Хилл. Я со своим слугой Юнипером вчера переехал туда, и вскоре, я надеюсь, ко мне вернется ощущение пребывания в собственном доме. Будет не хватать только одного.

— Чего именно?

— Тебя.

Ее бледные щеки залила слабая краска.

— Почему ты преподаешь в Бреретоне? Это место не для тебя! Ты подписала контракт?

— До июня.

— А сейчас — ноябрь. Разорви контракт!

— Да ты что, дорогой, шутишь?

— Я никогда в жизни не был настолько серьезен, как сейчас. Бреретон может погубно отразиться на твоём здоровье. Там даже не безопасно.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты видишься с этой... как ее, Фостиной Крайль?

— А, ты об этом письме! — рассмеялась Гизела.— Я совсем позабыла о нем. Теперь, когда я с тобой, все это кажется мне каким-то нереальным.

— Но сегодня вечером, когда ты вернешься в школу, все вновь станет реальным.

— Нет, теперь все кончено.
— Кончено, с отъездом Фостины.
— Ты так считаешь? Но ведь люди, которые ее прогнали, все еще живут и работают там..

Официант принес булочки. Когда они вновь остались одни, Базиль наклонился к Гизеле:

— Твое письмо дает лишь общую картину. Расскажи мне подробно. Где и при каких обстоятельствах ты впервые заметила странности в поведении мисс Крайль?

— Но в самой Фостине не было ничего странного,— возразила Гизела.— Странное заключалось в реакции на нее окружающих.

— Ну, это одно и то же. Когда все началось?

— Несколько дней назад.— Гизела была сильно удивлена, что ее собеседник воспринимает все случившееся с такой серьезностью.

— А первый инцидент? Когда он произошел?

— Не помню,— мрачно ответила она.— Ведь на новом месте работы от тебя многое требуют. Это был мой первый учебный семестр, как и у нее. Кажется, я уже преподавала в Бреретоне с неделю, как вдруг начала сознавать, что Фостина не пользуется популярностью в школе. Все началось с прислуги, затем передалось ученикам, а от них учителям. Обстановка вокруг нее постоянно накалялась, и вот все вылилось в требование покинуть школу. То есть ее уволили.

— И это все?

— Ну, были еще кое-какие инциденты. О них я тебе писала.

— Расскажи поподробнее.

Она рассказала ему о том, что ей самой было известно.

— По какой причине преподаватели избегают мисс Крайль? — поинтересовался Базиль.

Было видно, что Гизела колеблется.

— У меня сложилось впечатление, что они ее боятся. А кому может понравиться то, что вызывает страх?

— Но чего они боятся?

— Я этого не знаю! Все испытывали жуткий страх. Может, это чувство, владеющее толпой... Я никак не могу отделаться от удивительного ощущения, что уже знала об этом прежде, давно читала что-то в этом роде.

— Может, оно так и было. Закончив читать твоё

письмо, я позвонил Брентано и попросил его прислать мне «Воспоминания» Гете во французском издании в переводе мадам Карловиц.

— После того, как Фостина вернула мне книгу, я перечитала этот том, но не обнаружила там ничего такого, что могло быть связано с нашей ситуацией.

— Но ты ведь не знала, что искать, — напомнил ей Базиль. — Ведь тебе, по сути дела, неизвестно истинное положение Фостины.

Грянул оркестр и принялся портить хорошую музыку, что в последние годы стало, вероятно, модой. Гизела вздохнула:

— Ну разве можно разговаривать о чем-то неуловимом в таком шумном месте?

— Тогда мы отправимся в другое, — тут же отозвался Базиль. — Тебе действительно здесь не нравится?

— Не очень...

Он подозвал к себе удивленного официанта, чтобы заплатить по счету за так и не съеденный обед.

Замшелые завсегдатаи бара на Первой авеню в тот вечер были крайне изумлены внезапным вторжением в их обитель какой-то экзотической пары, этих «чужаков» с Пятой авеню или даже Центрального парка. Женщина, в длинном вельветовом жилете черного цвета, с пламенно-красными шелковыми отворотами; мужчина, в цилиндре с длинным белым шарфом, болтающимся на шее, — такое они видели только в кино. Здесь публика была повежливее, чем на Пятой авеню, и никто из гостей на них не глазел и не перешептывался. Вежливость, однако, ничего не стоит, если люди не проявляют терпимости. Они, конечно, смогут вынести и эту незаслуженно богатую парочку, если только она будет вести себя тихо и соблюдать приличия.

— Сюда и нужно было податься с самого начала, — сказал Базиль, бросая ностальгический взгляд на потемневшие от времени, дыма и уличного смога стены заведения. — Здесь ничего не изменилось.

— А автоматический проигрыватель? — возразила Гизела.

Они с отвращением посмотрели на этого сияющего никелем монстра, уставившегося на них через плотный покров сигаретного дыма.

— Похож на одну из тех рыб, которые снабжены собственной электробатареей на океанском дне,— прошептала Гизела. Затем они все же поддались очарованию этого старого бара.— У тебя есть пара монет?

— Только если ты не будешь ставить надоевший «Северный олень».

Он сделал обычный заказ — тосты с сыром и пиво, которое было почти как «Пильзенское». Она вернулась к столу, сияя от счастья, так как ей удалось отыскать «Вальс хрустальной туфельки» из сюиты «Золушка», написанной дедом Базиля Василием Красновым.

— Конечно, он чересчур синкопирован, но и в таком виде прелестен. Ума не приложу, как сюда попала эта пластинка? Все остальное здесь — дрянь!

Никто, кроме них, музыку не слушал. За соседним столиком пара бродяг делила кружку пива на двоих и сосредоточенно, не отрываясь, словно ученые, расшифровывающие средневековый манускрипт, изучала забытую кем-то на столе газету. Что же такое отыскиали они в новостях дня, что заставило их совершенно позабыть собственные беды, мрачные картины мира, голод, нищету и грязь?

В это время один из них произнес:

— Я ведь говорил тебе, что от перхоти нет средств. Наука против нее бессильна.

— Нет, вот здесь говорится...— второй собеседник начал старательно выговаривать напечатанные слова:— Вначале тщательно вымойте... голову...

— Ну чем не сценка из Сарояна! — прошептала Гизела.— Твоему «Лебединому клубу» есть с кем потягаться!

Здесь было так легко разговаривать, а им нужно было о многом поговорить, так что они не возвращались к теме о Фостине до тех пор, пока Гизела не начала бросать беспокойные взгляды на висящие над стойкой часы.

— Мне неприятно думать о твоём возвращении туда,— сказал Базиль, приканчивая третью кружку пива.— Ваша миссис Лайтфут не могла бы столь безжалостно разрушить карьеру девушки, если бы сама не несла какой-то доли вины за все, что произошло в Бреретоне.

— Ты хочешь сказать, что сама Фостина занималась подобными фокусами? Но каким образом? И ради чего?

— Когда мисс Крайль спросила тебя, слышала ли ты какие-нибудь сплетни о ней, ты ответила отрицательно. Почему?

— Я знала, что люди о ней судачат, но нельзя передавать жертве распространяемые о ней сплетни. Ни в коем случае. Неписанный закон. Это все равно, что сообщить супругу о неверности жены.

— Даже если жертва сама на этом настаивает?

— Тем более, если жертва настаивает! Ведь никто из нас не желает видеть себя таким, каким его видят со стороны. Если люди задают подобные вопросы, то только ради того, чтобы лишний раз убедиться. Ведь ни один артист или писатель не хочет слышать правдивой критики в свой адрес. Требуется только похвала. Персидские цари, как известно, даже убивали тех гонцов, которые привозили им дурные вести. Мы тоже стремимся к таким поступкам.

— Ты на самом деле так думаешь? — спросил Бавиль.— Может, ты не доверяешь мисс Крайль?

— Да нет же! — воскликнула Гизела.— Я ей всегда доверяла, как доверяю и теперь, и готова сделать все на свете, только бы помочь ей.

— Тогда позволь мне стать ее представителем. Завтра же я отправлюсь в Бреретон и буду настаивать на получении объяснений по поводу поступка миссис Лайтфут. Как психиатр, я выражаю особый интерес к этому весьма странному воздействию сплетен в школе.

— Чепуха! Ты просто хочешь уберечь меня от беды!

— Только я не стал бы говорить о беде. Я употребил бы другое слово — «опасность».

— Почему?

— Во всем этом чувствуется чей-то злой умысел, в результате которого мисс Крайль лишилась места. Злой умысел, таинственность и одержанный триумф — это далеко не «святая троица». Может появиться нужда в следующей жертве.

— Фостина остановилась в Нью-Йорке в «Фонтенбло». — Гизела вытащила из сумочки визитку. — Есть ручка? Я напишу адрес.

Базиль попросил ручку у бармена.

— А теперь я отвезу тебя на Центральный вокзал, если ты на самом деле собираешься уехать одиннадцатичасовым поездом.

— Завтра вечером в Бреретоне состоится школьный вечер. Не хочешь ли приехать к нам?

— Вечер у меня занят. Я выступаю свидетелем на судебном заседании по поводу одного странного случая помешательства. Я приеду в Бреретон утром.

— Но утром у меня урок! — на лице Гизелы появилась кислая гримаска.

— Не хотела бы ты пообедать со мной в пятницу вечером?

— С удовольствием. В субботу у меня нет уроков. Значит, не нужно торопиться, нервничать, чтобы вовремя возвратиться в школу.

Автомобиль затормозил между Первой и Второй улицами. Не говоря ни слова, они прильнули друг к другу губами.

Наконец Гизела отстранилась, и он выпустил ее из объятий.

— Ради этой встречи я пролетел шесть тысяч миль! — сказал Базиль. — Меня хотели оставить в Японии еще на годик-другой.

— Я очень рада, что ты этого не сделал, — еле слышно ответила Гизела.

— Если рада, то разорви контракт с Бреретоном!

— Ох, право, не знаю, что делать!

— О чем тут думать?

— Сейчас любая женщина, если только она не умалишенная и не калека, кажется тебе очаровательным существом. Но завтра... — Гизела пожала плечами. — Я выйду здесь. Вокзал отсюда всего в двух кварталах.

Машина поехала навстречу ярким огням Лексингтон-авеню. Возле вокзала Базиль наклонился к ней и поцеловал руку.

— Завтра утром я буду в Бреретоне.

— Завтра утром? Но ведь тебе нужно прежде встретиться с Фостиной!

— Я повидаюсь к ней сегодня ночью...

Глава пятая

«Фонтенбло» был типичным порождением другой, предыдущей инфляции, разразившейся после другой, предыдущей войны. Когда-то он задумывался как отель-люкс. Но в настоящее время стал старомодным общежитием для фабричных девчонок, хотя и лишенным внешней позолоты и отлично налаженного быта, отвечающего всем современным требованиям. Сюда не допускались гости мужского пола. Само здание представляло собой небоскреб, расположенный на окраине фешенебельного района, с просторными залами для свиданий на первом этаже, бассейном и теннисным кортом в подвале. Правда, сами комнаты, где жили девушки, были похожи на бедно обставленные узкие кельи. Его владельцы сыграли на двух разновидностях женского характера,— боязнь предстать перед всеми либо в неопрятном виде, либо с подмоченной репутацией. Однако Базиль подозревал, что Фостина остановила свой выбор на плотно заселенном, хорошо охраняемом здании не из-за этих широко распространенных опасений.

Войдя в холл «Фонтенбло», Базиль вдруг вспомнил о том времени, когда двадцать лет назад, по сути дела, совсем еще молодым человеком, он заглядывал в гости к девочкам, с которыми когда-то познакомился в Балтиморе.

С тех пор здесь ничто не изменилось. Залы для свиданий по-прежнему сияли искусственным мрамором и металлическими пластинами, обитыми планками из красного дерева. В этот поздний час здесь еще было полно девушек, будущих волчиц или крольчих, которые сегодня выглядели безобидными и милыми лисичками или куницами. Они живо щебетали, прощаясь со своими безвкусными кавалерами, которые доставили их домой из театра или кино. Наивная простота радостных мордашек, не сложившееся еще выражение губ, длинные шишковатые запястья рук заставили его почувствовать себя мудрым, озабоченным стариком в их компании. Он решительным движением руки снял трубку внутреннего телефона и попросил позвать мисс Крайль.

— Я вас слушаю.

— Меня зовут Базиль. Базиль Уиллинг. Вы меня не знаете, но я приятель Гизелы фон Гогенемс.

— Да, да. Я слышала, как она называла ваше имя.

— Я только что посадил ее в поезд, отправляющийся в Бреретон. Мы вместе пообедали, и она рассказала о ваших затруднениях. Я хотел бы поговорить с вами.

— Очень любезно с вашей стороны. Может, завтра...

— Дело не терпит отлагательств. Я нахожусь внизу, в холле. Встретимся сейчас? Думаю, еще не слишком поздно?

— Нет, что вы! В нашем здании, на крыше, есть небольшой садик. Садитесь в лифт-экспресс. Я там вас встречу.

Когда Базиль вышел из лифта в садик, то понял, что там никого нет, кроме него самого и еще одной парочки, забившейся в дальний угол. Он облокотился о парапет. С наступлением темноты свет с улицы и других высотных зданий превращал всю округу в какой-то колдовской сумеречный мираж. В выложенном изразцами желобе кустилась чахлая растительность, а вокруг стояли металлические столы и стулья, покрытые толстым слоем городской пыли. Вид отсюда просто захватывал дух. Сотни тысяч кубических метров каменной кладки всей своей громадой причудливым образом устремлялись в ночное небо, сверкая мириадами желтых огней. Казалось, сотни торжественных процессий с факелами над головами карабкаются на сотни Лысых гор, чтобы там, на самом вершине, отпраздновать Вальпургиеву ночь. Трудно было себе представить, что такое искусственное великолепие было лишь случайным разрастанием города, который теснился на своем островном месте рождения. Чувства Базиля к «Фонтенбло» постепенно теплели. Может, этот отель и давал какой-нибудь девчонке из провинциального Ошкоша то, что она никогда не увидела бы из окна третьего этажа своего кирпичного дома.

— Доктор Уиллинг?

Ему сразу понравился ее голос — спокойный, с какой-то подчеркнутой ясностью произносимых слов. Он обернулся и увидел девушку — очень хрупкую, с такими узкими, сутулящимися плечами, что трудно было принять ее за взрослую женщину. Она прошла мимо, направляясь к стульям, стоявшим рядом с низеньким столиком.

— Начну с объяснения, почему я оказался здесь,— приступил к делу Базиль.— Мне не нравится то, что происходит в Бреретоне. Гизела снова отправилась туда, и я очень обеспокоен. Из-за нее.

— Из-за нее? — повторила за ним спокойным, лишенным эмоций голосом девушка.— Не вижу для этого никакой причины. Что ей может угрожать?

Базиль уже начал раскисать в том, что согласился встретиться с Фостиной здесь, на крыше небоскреба, так как в этих искусственно созданных сумерках он никак не мог рассмотреть выражение ее лица. Высокая, хрупкая, с плоскими бедрами и узкими плечами, она казалась ужасно худосочной и даже какой-то нематериальной, как бумажная кукла.

— Гизелу всегда в школе связывали с вами. Теперь, когда вас там больше нет, злоумышленник может переклочить свое внимание на нее. Она ведь была тем человеком, которому вы доверяли?

— Да, я рассказала ей обо всем, что произошло.

— Обо всем?

Даже если после такого вопроса цвет лица Фостины изменился, или она в недоумении вскинула глаза, он все равно не мог бы этого заметить. Она по-прежнему сидела перед ним, облитая слабым светом, и, видимо, не теряла самообладания. Ее ответ был простой отговоркой:

— Мне больше нечего добавить. Доктор Уиллинг, ведь вы — психиатр, не так ли?

— Да, это моя специальность.

— Поэтому Гизела и направила вас ко мне? Она на самом деле уверена, что все это — лишь игра моего воображения?

— Мисс Крайль, буду с вами откровенен. Гизела так не считает. Но об этом подумал я, когда она мне обо всем рассказала...

— Ну а теперь? Что вы скажете?

— Трудно сказать что-то определенное без проведения тщательного психиатрического обследования.

— Мое психическое здоровье никогда и никем не подвергалось сомнению,— горячо запротестовала Фостина.— Мое физическое состояние никогда не выходило за пределы нормы. Правда, я немного анемична, но я принимаю железистые соединения и витамины. Вы и впрямь

считаете, что необходимо провести психиатрическое обследование?

— Все можно выяснить и другим, гораздо более простым способом, если только, конечно, вы на это отважитесь.

— В чем он заключается?

— Разрешите мне поговорить с миссис Лайтфут от вашего имени. Она обязана дать какие-то объяснения. Мне она может сообщить такое, о чем никогда не расскажет вам.

— Ах...— Фостина все еще оставалась какой-то незримой, несуществующей в этих густых сумерках, но голос ее выдал. Базиль так и не понял, была ли она оскорблена бесцеремонным отношением к ней со стороны миссис Лайтфут или же просто сердита на нее. Но чего же она боялась?

— Гизела говорила, что у вас нет ни семьи, ни близких. Это правда?

— Да. У меня действительно никого из близких не осталось, кроме мистера Уоткинса. Он был адвокатом моей матери. После ее смерти он стал моим доверенным лицом и опекуном.

— Он знает о случившемся?

— Мистер Уоткинс — старый, практичный человек, который не терпит неясностей. Но что определенного могла я ему сообщить, кроме того, что меня уволили без каких-либо объяснений на этот счет?

— Кто-то из нас должен повидать миссис Лайтфут. Либо он, либо я от вашего имени.

— Лучше, если это будете вы.

— Но такой шаг грозит вам серьезными испытаниями. Готовы ли вы?

— Я согласна.— В ее голосе, казалось, все еще гнезился страх, но и чувствовалась нотка отчаянной дерзости, последней вынужденной отваги робких людей, оказавшихся в ловушке.— Я готова к этому. Именно сейчас.

— Умница. Я зайду к вам утром,— торопливо произнес Базиль.— Сколько еще вы здесь пробудете? Насколько дней?

— Да, хочу воспользоваться представившимся шансом, чтобы немного отдышаться и прийти в себя.

— Ну а потом?

— Если мне удастся найти другую работу, поеду в Нью-Джерси. Мать оставила мне коттедж на берегу моря в Брайтси. Я могу перебиться там эту зиму.

— Надеюсь, вы не утратите благоразумия. Не сочтите меня нахалом, но... каково ваше финансовое положение?

— Во-первых, мне положено жалованье за шесть месяцев в школе миссис Лайтфут, во-вторых, у меня есть кое-какие сбережения. В общем, достаточно, чтобы протянуть несколько месяцев, если не транжирить деньги.

— И это все?

— К тому же в день своего тридцатилетия я унаследую от матери еще кое-что. Драгоценности. Большой частью — безделушки, но, по мнению мистера Уоткинса, там есть несколько весьма дорогих камней. Мистер Уоткинс готов выдать мне в качестве аванса часть их залогой стоимости, если мне понадобятся деньги до осени следующего года. Мне исполнится тридцать в октябре.

— Почему вы не унаследовали и остальную часть вместе с коттеджем?

— Этот дом не представляет большой ценности, и мать передала мне его сразу, когда я автоматически получила право на наследство, достигнув совершеннолетия. Но несколько драгоценных камней являются моим единственным надежным капиталом на всю жизнь, и мать опасалась, как бы я их не продала и не растратила деньги, если бы получила их в наследство в незрелом возрасте, когда еще не умеешь по достоинству оценить такое достояние. Видите ли, когда она умерла, мне было всего семь лет. Она оставила мне достаточно наличными, так что я без хлопот могла закончить школу и колледж. На каникулы мистер Уоткинс обычно отправлял меня в летние оздоровительные лагеря за свой счет. У него не было ни жены, ни детей, и он на самом деле не знал, что со мной делать. Я помню свою мать. Это была очень красивая женщина с золотисто-каштановыми волосами, в накидке из тюленьей кожи, в белых перчатках на руках и фиалками, прищипленными к муфте. Я совсем не помню отца, так как он умер, когда я была еще совсем младенцем. Я не раз интересовалась родственниками с его стороны. Пару раз спрашивала об

этом мистера Уоткинса, но он всегда заверял, что у меня нет родственников ни с той, ни с другой стороны, и что я должна привыкнуть к мысли о своем одиночестве в этом мире.

— После встречи с миссис Лайтфут мне хотелось бы поговорить с мистером Уоткинсом. Как можно с ним связаться?

— Его контора находится на углу Бродвея и Уолл-стрита.

Базиль удивился.

— Уж, случайно, не Септимус Уоткинс? — Он предполагал, что «мистер Уоткинс» — какой-то заштатный крючкотвор, располагающий небольшой конторкой в полутемном переулке. Ничто в облике Фостины не говорило о том, что адвокат ее матери — одно из знаменитых светил юриспруденции его поколения.

— Да. Но если вы хотите встретиться с ним, придется подняться ни свет ни заря. У него весьма странные часы приема посетителей — от шести до семи утра.

— На самом деле? — Базиль был уверен, что она ошибается. Вероятно, пустяковое дело — связаться с секретаршей Уоткинса и условиться о более позднем времени для встреч, если действительно потребуется встретиться и поговорить с этим человеком.

Базиль поднялся.

— Я очень рад, что вы полны решимости взяться за это дело.

Фостина проводила его до лифта.

— Надеюсь, вы позвоните мне, когда вернетесь в Нью-Йорк?

— Непременно. — Он окинул ее внимательным взглядом. — Хочу спросить у вас еще об одном. Как вам в голову пришла идея взять с полки Гизелы первый том «Воспоминаний» Гете? У вас были на то какие-то особые причины?

— Нет, никаких. Я всегда интересовалась Гете.

Давний опыт врача-психиатра научил Базиля тут же распознавать неумелого лгуна. Но сейчас, в такое время, нельзя было обвинять в этом несчастную девушку. Вначале необходимо заручиться ее полным доверием. Уже сам факт, что она так неуклюже попыталась ему соврать, произвел на Уиллинга должное впечатление.

Было ясно, что в душе она — честный человек. Трудно было представить Фостину ключевой фигурой в каком-нибудь масштабном надувательстве или недостойных, низких интригах.

— Доктор Уиллинг...

— Я вас слушаю.

Фостина глубоко вздохнула.

— Что бы завтра ни рассказала миссис Лайтфут, прошу вас, верьте мне, верьте в мое чистосердечие.

— Я ведь собираюсь отстаивать ваши интересы, — с серьезным видом ответил Базиль. — Не хотите ли сказать мне еще что-нибудь?

Загремела открывающаяся дверь лифта. Он прищурился от внезапного, словно удар, снопа яркого света. Впервые он увидел четко ее лицо — тонкое, бледное, с каким-то по-особому мягким выражением. Можно было сказать, — совершенно невинное лицо, если только оно не было бы искажено проступившими на нем беспокойным сомнением и неуверенностью в успехе их предприятия.

— Нет, ничего, — прошептала она, — просто мне хотелось бы увидеться с вами сразу же после вашего возвращения из школы.

— Я позвоню завтра вечером. Вы едете со мной? — спросил он, указывая на кабину лифта.

— Нет. Это лифт-экспресс, а я живу на шестнадцатом этаже. Спокойной ночи, благодарю вас.

Стремительно приближаясь в лифте к первому этажу, Базиль пытался ответить на вопрос, что бы она ему еще рассказала, если бы кабина прибыла на верхний этаж на минуту-другую позже...

На следующее утро, в половине десятого, Базиль поручил своей секретарше позвонить в адвокатскую контору Септимуса Уоткинса и условиться об удобном времени для встречи с главой фирмы. Она положила трубку и, с удивлением взглянув на шефа, сообщила довольно странную вещь:

— Его секретарь говорит, что мистер Уоткинс не назначает встреч с клиентами.

Раздраженный таким бесцеремонным отказом, Базиль сам взял трубку и повторил вопрос. Мужской голос нараспев произнес фразу, словно какой-то ритуал:

— Мистер Уоткинс не назначает встреч своим клиентам.

— Но...

— Вы при необходимости можете встретиться с ним в любой день, но только рано утром, между шестью и семью часами.

— Вы что, шутите? — возмущенно закричал в трубку Базиль. — Вы даже не соизволили поинтересоваться, кто говорит с вами.

— Простите, сэр. Этого не требуется. Мистер Уоткинс с шести до семи утра принимает любого клиента без предварительного согласования.

Базиль в сердцах швырнул трубку и спустился вниз, к машине. Чтобы доехать до Бреретона, потребовалось два часа непрерывной езды «с ветерком». Он притормозил, въезжая в старые железные ворота и окидывая придирчивым взглядом особняк, представлявший собой безвкусную казарму красной кирпичной кладки, которая казалась сероватой в сумеречном свете, пробивавшемся через ноябрьские облака.

На его звонок вышла горничная в голубом фартуке. Скучающее выражение на ее лице сразу же испарилось, как только она заметила незваного гостя-мужчину.

— Дома ли миссис Лайтфут?

— Она вам назначила, сэр?

— Нет, но, думаю, она примет меня, если вы соизволите передать ей мою визитку.

Губы девушки беззвучно шевелились, когда она разбирала содержание визитной карточки: «Доктор Базиль Уиллинг, помощник прокурора нью-йоркского округа по медицинской части». Она взглянула на него с нескрываемой жадной закоренелой любительницы автографов, но вдруг, вспомнив о требованиях хорошего тона, сказала:

— Прошу вас, сэр, войдите. Я выясню, дома ли миссис Лайтфут...

— Доктор Уиллинг? — громко произнесла миссис Лайтфут, стоя у края письменного стола в своем кабинете. Она пренебрежительно зажала визитную карточку Базиля между большим и указательным пальцами. — Но здесь ведь Коннектикут, а не Нью-Йорк. И вообще я не вижу, с какой стороны может заинтересовать Бреретон окружного прокурора или его помощника по медицинской части.

— К сожалению, у меня в кармане оказалась только эта карточка, — пояснил Базиль. — Моя работа в окружной прокуратуре — лишь часть моей деятельности. Прежде всего я врач-психиатр.

Слово психиатр, судя по всему, так же подействовало на миссис Лайтфут, как и словосочетание «окружной прокурор».

— Кажется, вы — знакомый одной из моих преподавательниц, мисс фон Гогенемс. Я помню ваш телефонный звонок сюда, в школу.

— Мисс фон Гогенемс познакомила меня с мисс Фостиной Крайль.

Миссис Лайтфут тяжело вздохнула.

— Не хотите ли вы тем самым сказать, что намерены вернуться к этому злосчастному делу? — Она мастерски демонстрировала сдержанное негодование. — Это может самым неприятным образом отразиться на всех заинтересованных лицах, да и на самой миссис Крайль прежде всего.

— Неужели вы считаете, что поступили справедливо, уволив учительницу без характеристики и не приведя при этом никаких серьезных причин?

— Садитесь, пожалуйста, доктор Уиллинг.

Она тоже уселась за письменный стол. У нее были припухшие, как у ребенка, руки, которые она сцепила над промокашкой на столе, но в ее приземистой фигуре, в ее профиле правильной формы на фоне красной шторы, висящей за стулом, угадывались большой человеческий опыт и твердость характера. Само собой разумеется, она многое оценивала, пропуская через призму своей любви к школе и заботы о ее процветании. Чувство собственного достоинства было тем профессиональным

вкладом в общее дело, который она постоянно умножала. Она была интеллигентной и агрессивной по характеру женщиной, и ей был неведом покой. При случае она могла и пренебречь щепетильностью, если что-то затрагивало ее собственные интересы.

Миссис Лайтфут внимательнейшим образом изучала его, а Базиль, в свою очередь, ее. Чуть изогнутая дугой бровь подсказывала ему, что его приход сильно ее озадачил. Она, несомненно, ожидала увидеть перед собой человека, связанного с нью-йоркской окружной администрацией, завязанного политика, типа какого-нибудь пламенного ирландца или горячего выходца из Италии. Но этот визитер совсем не был похож на тип людей, которых она распознавала по нескольким произнесенным словам или жестам. Это был индивидуум, в котором, вероятно, таилась бездна противоречий, которого, вероятно, сбивала с толку или даже раздражала обычная, повсеместно распространенная практика.

— Вы утверждаете, что я уволила мисс Крайль, не предъявив ей никаких формальных обвинений. Это правда. Я даже не стала расследовать более чем странные обвинения, выдвигаемые против нее другими.

— Почему?

— Потому что я не обладаю вульгарным любопытством.

— Вульгарным любопытством? — переспросил Базиль и улыбнулся. — Любопытство — это побочный корень нашей интеллектуальной жизни, наиболее ценная из наших обезьяноподобных черт.

Миссис Лайтфут ответила ему улыбкой на улыбку, правда, ценой небольшого усилия над собой.

— Позвольте вам лучше объяснить смысл моих слов. Даже если все невероятные истории, которые рассказывают о мисс Крайль, являются ложью или галлюцинациями, мне абсолютно все равно. Так как их воздействие на школьную атмосферу — ложь они или правда — от этого не меняется.

— Но это далеко не все равно для мисс Крайль. Почему ей ничего не объяснили? Ведь она, несомненно, чем-то заслужила такое повышенное к себе внимание!

— В большинстве случаев, может, и да. Но суть не в том. При таких обстоятельствах чем скорее все будет

забыто, тем лучше для всех действующих лиц. Так что же вы хотите, доктор Уиллинг?

Он ответил ей с той же откровенностью.

— Выяснить, по какой причине была уволена мисс Крайль. Вы выдали ей шестимесячное жалование всего за пять недель работы. За этим, вероятно, кроется какой-то нешуточный мотив?

— Да, конечно. А сама мисс Крайль не намекнула вам на этот самый... нешуточный мотив?

— Она не в состоянии этого сделать, поскольку не имеет понятия о причинах...

— Я никогда до конца не была уверена в том... что мисс Крайль на самом деле представляла себе, что происходит здесь, в Бреретоне. Иногда мне казалось, что она все же отдает себе в этом отчет, более того, сама является зачинщицей, хотя я никак не могла уразуметь, в силу каких причин. Иногда мне приходила в голову мысль, что она стала жертвой каких-то внешних сил, ничего о них не знает и не в состоянии сдерживать их натиск.

— Внешних сил? — удивился Базиль. — Все это звучит весьма расплывчато. Конечно, существуют какие-то обстоятельства, тающиеся в тени, которые могут вызывать подозрения и не поддаваться проверке. В таком случае вы могли бы уволить мисс Крайль, так как не желали брать на себя определенный риск. Но вы сделали бы это, конечно, не приводя истинных причин, так как она могла бы привлечь вас к суду за клевету или необоснованные обвинения в ее адрес. Именно так рассуждают многие, когда узнают об увольнении мисс Крайль без указания побудительных причин. Это ведь тоже не красит вашу школу.

Оторвав взгляд от стола, миссис Лайтфут посмотрела на Базиля.

— Здесь ничего подобного не происходило. Вероятно, все же мне придется рассказать вам обо всем.

— Почему вы меня боитесь? — спросил он без прежней напористости.

Ее ответ неожиданно поразил его.

— Потому что вы мне не поверите. — Она вздохнула. — Да и сама я в это с трудом верю. И все же лучше, если вы узнаете обо всей этой истории из уст некоторых

очевидцев. Тогда вы не станете подозревать меня во лжи. Это не займет много времени, так как осталось всего четыре свидетеля. Остальные семеро уехали.— Она нажала кнопку звонка на столе.— Но прежде, чем появится Арлина, я хочу вам кое-что пояснить. Я до сих пор не знаю, правда ли все то, что говорилось здесь о мисс Крайль, или ложь. Но я знаю другое. Она могла быть причиной всего того, что здесь происходило, но могла и не быть ею. Но теперь, когда ее здесь нет, все прекратилось. Поэтому она и должна была уехать, и поэтому я не возьму ее назад. независимо от того, с какой горячностью вы станете взывать к моему состраданию.

Ее речь прервал стук в дверь.

— Войдите!

Дверь отворилась, и в комнату вошла та же горничная, которая встречала Базиля на пороге дома. На этот раз Базиль рассмотрел ее более внимательно. У нее было мешковатое, лишенное отточенных форм тело, а лицо похоже на какой-то обрубок, которому в величайшей спешке чьей-то малоискусной рукой придано человеческое подобие. Ей совсем не шел голубой наряд — блузка с высоким воротником, длинными рукавами, широкая юбка. Миссис Лайтфут в сражении с ней удалось отстоять низкие каблуки, передник и чепец, но Арлина все же внесла в свой актив два очка — губную помаду и чулки яркого цвета.

— Вы звонили, мадам?

— Да. Вот, доктор Уиллинг, перед вами наша вторая горничная — Арлина Мёрфи. Закрой дверь, Арлина, и подойди поближе. Будь любезна, повтори специально для доктора все, что ты рассказала мне о мисс Крайль.

— Но ведь вы сами предупреждали меня, чтобы я ничего не рассказывала.

— Я освобождаю тебя от обещания, но только на этот раз.

Арлина с любопытством разглядывала Базиля. Изпод чепца на голове выбились пышные волосы, но у нее не было бровей. Это придавало ее лицу какой-то необычный, оголенный вид. «Вероятно, расстройство желез», — отметил про себя он. Кроме того, она дышала ртом, что

говорило о нарушении функций носовых пазух или наличии аденоидов. А это, в свою очередь, свидетельствовало о ее нищенском существовании в детстве и отсутствии к ней всякого внимания. Может, ее дурные манеры объяснялись тем пренебрежением к ней со стороны других девушек в Бреретоне, чья холеная кожа, белоснежные зубы, блестящие волосы столь красноречиво свидетельствовали о той заботе, которую могли проявлять в богатых и интеллигентных семьях в отношении своих членов-подростков? Разве ей не приходилось с завистью разглядывать их шубки в кладовке или же с презрением мусолить пальцем их красивые дорогие учебники? Но что можно было ожидать от девушки того же возраста, что и воспитанницы, которым она должна была заправлять постели по утрам и вытирать пыль с мебели в их комнатах? У кого же была богаче и разнообразнее жизнь?

— В первый раз это случилось месяц назад, как раз две недели спустя после начала нового учебного года,— приступила к рассказу Арлина.— Я была наверху, в комнатах, и разбирала постели на ночь. Закончив работу, я начала спускаться по черной лестнице. Мне нужно было пройти в гостиную, чтобы разжечь там камин и выбросить мусор из корзины. Я бы, конечно, могла сэкономить пару минут, если бы спустилась по парадной лестнице, но миссис Лайтфут требует, чтобы мы спускались только по черной. Ну, я и выполнила ее распоряжение.

Уже темнело,— продолжала Арлина,— но еще было достаточно светло, чтобы разглядеть ступеньки. Черная лестница отделена стеной, в которой есть два окна. У нее два витка. Вот тогда...— Она нервно хихикнула, а по внезапно побледневшему лицу пробежала нервная дрожь.— Вот тогда я и увидела мисс Крайль, которая поднималась по лестнице мне навстречу. Я не придавала этому никакого значения. Просто мне показалось забавным, что она пользуется черной лестницей. Я столкнулась с ней совершенно случайно, на первом повороте, и прижалась к стене, чтобы дать ей возможность беспрепятственно пройти, сказав при этом: «Добрый вечер, мисс!» Она ничего не ответила, даже не посмотрела на меня, а просто продолжала подниматься на второй этаж. Это мне показалось весьма странным, но я не придавала

этому большого значения. Я отправилась на кухню, и вдруг опять,— Арлина снова осеклась, чтобы сглотнуть слюну,— там оказалась... мисс Крайль! Клянусь перед Богом, сэр, она не могла пройти на кухню через холл наверху, парадную лестницу и столовую за такое короткое время, которое понадобилось мне, чтобы спуститься на кухню с черной лестницы. Она никак не могла этого сделать, даже если бы стремглав пробежала весь путь. Я стояла на кухне, словно ошарашенная, и во все глаза смотрела на нее. Мне казалось, что я схожу с ума. Затем, придя в себя, я сказала: «Боже, мисс, ну вы меня и напугали!» Она была крайне удивлена и спросила: «Кто? Я? Что ты имеешь в виду?» Я ответила: «Могу поклясться, что только что видела вас на черной лестнице. Вы поднимались по ней мне навстречу, когда я с нее спускалась». На что она заявила: «Вероятно, ты ошиблась, Арлина. Я с трех часов сидела на лужайке и писала этюд. Я с минуту назад вернулась в дом и еще не поднималась наверх».

Кухарка подтвердила ее слова. «Действительно,— сказала она,— мисс Крайль находится рядом со мной с того момента, как вошла сюда со двора».

Я не сдавалась: «Но я видела вас, мисс Крайль. Все-го пару секунд назад, когда спускалась по лестнице, а вы в это время поднимались мне навстречу». На что мисс Крайль ответила: «Это, вероятно, был кто-то другой, на ком было похожее голубое пальто».

Я настаивала: «Извините меня, мисс, но это были вы, и никто другой. Я видела собственными глазами... ваше лицо».

— А чем занималась мисс Крайль на кухне? — спросил Базиль.

— Она принесла туда свой мольберт, ящик с кистями и промывала их в мойке. Все время перед этим она провела во дворе, где рисовала крохотные пурпурные цветочки, которые распускаются поздней осенью.

— Были ли эти две женские фигуры одинаково одеты? Та, с которой ты столкнулась на лестнице, и та, которую ты видела на кухне?

— Да, сэр. Их наряды были похожи как две капли воды. Коричневая фетровая шляпка и голубовато-серое пальто.

— Достаточно ли отчетливо видела ты лицо мисс Крайль?

— Видела ли я его отчетливо? И да, и нет. Во-первых, я ведь не старалась на нее глазеть. Во-вторых, край шляпы был опущен на глаза. Но вот ее подбородок, ее рот я видела отчетливо. Готова поклясться, что это была она. Очень скоро другие горничные стали рассказывать точно такие же истории о мисс Крайль. В тот самый день, когда мисс Крайль уезжала, она находилась на кухне, собирая букеты цветов, а мисс Айтчисон с мисс фон Гогенемс возвращались домой через черный ход. Я слышала, как мисс Крайль сказала в разговоре с мисс Айтчисон: «Последние полчаса я провела в саду», а мисс Айтчисон ответила ей с какой-то странной интонацией в голосе: «А мне показалось, что я видела ваше лицо в окне второго этажа». Эти слова меня так потрясли, что я выронила из рук поднос. Видите ли, дело в том, что в это время я была наверху, где разбирала постели на ночь, как обычно. Там никого не было, но вдруг я услышала шаги...

— Доктора Уиллинга интересует только то, что ты видела собственными глазами,—вмешалась миссис Лайтфут.

— Могу побиться об заклад, он мне не верит.— Арлина скосила глаза на Базиля.— Поначалу и миссис Лайтфут не верила. Она устроила мне допрос, в результате чего посоветовала обратиться к врачу. Я показалась врачу, и он не нашел ничего подозрительного.

— Да, Арлина действительно обратилась к своему семейному доктору. Обычный терапевт, практикующий в небольшом городке. Вряд ли ему под силу поставить точный диагноз в таком сложном случае. Я предложила ей оплатить все расходы, если она обратится к какому-нибудь психиатру в Нью-Йорке, но она наотрез отказалась. Попроси мисс Айнинг и мисс Чейз явиться ко мне в кабинет немедленно.

— Слушаюсь, мадам! — Лицо Арлины вновь стало замкнутым и угрюмым. Мягко ступая по полу, она вышла из кабинета и тихо закрыла за собой дверь.

— Ну,—миссис Лайтфут с вызовом посмотрела на доктора,—вы, вероятно, этого не ожидали?

— Едва ли. Но я начинаю понимать кое-что.— Он

загадочно улыбнулся.— Гете. Первый том «Воспоминаний». Серая обложка с золотым тиснением. Вы входите в комнату, появляетесь на улице, идете по проселочной дороге. Вдруг замечаете впереди себя какую-то фигуру — осязаемую, вещественную, трехразмерную, в ярком наряде. Она движется, подчиняется всем законам оптики. Ее одежда и походка вам кого-то отдаленно напоминают. Вы убыстряете шаг, чтобы посмотреть на нее поближе. Она поворачивает голову — и вы видите себя самого. Или скорее собственное зеркальное отражение. Вы начинаете отдавать себе отчет в том, что перед вами — двойник. Но больше всего вас пугает, что, по преданию, тот, кто видит своего двойника, должен в скором времени умереть...

— Как психиатр, вы, вполне естественно, знаете историю сего предмета, — перебила его миссис Лайтфут. — Я лично познакомилась с этим явлением всего несколько дней назад. Предание об этих явлениях весьма любопытно с психологической точки зрения.

— Но, вероятно, оно вызывает излишнее любопытство, чего нельзя поощрять в школе для девочек?

— Совершенно верно. Мне хотелось бы знать, являются ли такие видения чем-то абсолютно субъективным, или же, при некоторых неизвестных нам обстоятельствах, определенный слой воздушной атмосферы может играть роль зеркала?

Базиль в упор посмотрел на собеседницу:

— Скажите, может ли какая-нибудь из ваших воспитанниц иметь зуб на мисс Крайль?

— Нет. А почему вы задаете такой вопрос?

— Традиционно двойник всегда ассоциируется со смертью, независимо от того, перед кем он предстает. Таким образом, появление двойника мисс Крайль, что бы он там ни затевал, может стать символическим знаком скорой смерти мисс Крайль. В психологическом плане его можно уравнивать с угрожающим анонимным посланием. Мисс Крайль не пользовалась здесь любовью, но, может, кто-то особенно ее ненавидел?

Миссис Лайтфут открыла было рот, чтобы ему ответить, как в дверь кабинета постучали...

Глава седьмая

Мэг и Бет благопристойно вошли в кабинет и вежливо присели, когда миссис Лайтфут представила их Базилю.

Мэг была юной и свежей, словно пунцовая роза на рассвете, но Базиль по чувствительному изгибу губ сразу заметил ее нервный темперамент. Бет являла собой разительный контраст с подругой. У нее были светло-коричневые волосы, подстриженные под голландского сельского паренька, а узкое лицо сплошь усыпано веснушками.

Обе они с самым серьезным видом выслушивали то, что им объясняла миссис Лайтфут.

— Вы обе дали обещание никому больше не рассказывать о случае, который произошел с вами в классной комнате, когда там находилась мисс Крайль. Теперь я освобождаю вас от него. Но только на этот раз. Я хочу, чтобы вы подробно рассказали доктору Уиллингу обо всем, что случилось...

— Это случилось в прошлый вторник,— начала Мэг.— Мы сидели вдвоем в классной комнате на первом этаже, я писала письмо своему брату Раймонду, а Бет — своей матушке. Все наши девочки и большинство учительниц прогуливались по тропинке для верховой езды. Для ноября выдался очень теплый денек. Окно в нашем классе было открыто настежь, и солнце сияло всю, ярко освещая лужайку, которая сбегает вниз, к ручейку. Мисс Крайль сидела как раз напротив окна, и я ее отчетливо видела. Она установила свой мольберт посередине лужайки и начала рисовать какую-то акварель. На ней было голубое пальто и коричневая шляпка. У ее ног стоял ящик с красками, и она держала в левой руке палитру. Задумавшись на минуту, что же мне писать дальше, я подняла голову и принялась наблюдать за тем, как ловко она орудует кистью. С минуту она размешивала краски на палитре, а затем, в следующее мгновение, ловко наносила их на лист белого картона.

— Так быстро? — перебила ее Бет.

— Да, в эту минуту она работала быстро,— огрызнулась Мэг.

— Все это верно. Ты забыла про кресло.

— Какое кресло? Ах, то, с голубой обшивкой! — Мэг повернулась к Базилу: — В холле, сразу за этим классом, стоит кресло с чехлом из твида голубого цвета. Его хорошо видно из классной комнаты, когда открыта дверь. Мы называли это кресло «стулом мисс Крайль», так как она частенько на нем сидела. Ей нравилось любоваться оттуда нашим садом из растворенного окна в холле.

— Я ожидала, что она, как обычно, придет домой и усядется в свое любимое кресло, — добавила Бет. — И вот тогда все это и произошло.

— И что же случилось? — нетерпеливо переспросил ее Базиль.

— Разве миссис Лайтфут вам не говорила? — Мэг, которая отличалась живостью, вдруг словно окаменела, и Бет, взяв на себя инициативу, продолжила рассказ с апломбом выдавшей виды взрослой женщины.

— Я подняла голову и увидела мисс Крайль, которая совершенно бесшумно вошла в холл. Я совсем не слышала ее шагов. Через минуту она уже сидела в голубом кресле, опустив руки на колени и прислонив голову к спинке, словно устала от работы. Глаза ее были открыты и устремлены куда-то вдаль.

— У нее был рассеянный взгляд, — попытался подсказать ей Базиль.

— Да, это я как раз и имею в виду. На ней по-прежнему было голубое пальто и коричневая шляпка. Но рядом не было ни ящика с красками, ни мольберта. Она не смотрела в мою сторону и не пыталась заговорить со мной. Просто неподвижно сидела в кресле. Тут я нечаянно выглянула в окно и... — Бет осеклась, видно, у нее сдали нервы. — Расскажи-ка об этом лучше ты, Мэг, — обратилась она к подруге.

— Но он... он мне не поверит, — возразила Мэг.

— А ты все же попробуй! — предложил Базиль и, видя, что она колеблется, задал ей наводящий вопрос: — А в это время мисс Крайль спокойно рисовала за окном, не так ли?

— Откуда вам это известно? — Мэг бросила стремительный взгляд на Базилья. — Наверное, вам рассказала миссис Лайтфут. Видите ли, в этот момент я услышала, как Бет начала задыхаться. Я оглянулась. Лицо ее

ужасно побледнело, стало белым, как полотно. Она, не отрываясь, разглядывала обеих мисс Крайль — одну, сидевшую в кресле в доме рядом с нами, и другую — ту, которая находилась за окном и сидела за мольбертом на лужайке.

— Ты заметила какое-либо различие между двумя фигурами? — поинтересовался Базиль.

— Та, которая была в кресле, сидела в нем абсолютно неподвижно, не шевелясь. Та, за окном, продолжала двигаться, только... — Голос у Мэг упал.

— Только что?

— Вы, вероятно, помните из моего рассказа, как быстро и ловко она работала кистью. Она у нее просто летала от палитры к полотну, словно клювик у птички, клюющей зерна.

— Ну и что?

— А после того, как мы увидели фигуру, сидевшую в кресле, вторая фигура там, за окном, замедлила движения. Они у нее стали какими-то вялыми, тяжеловесными, словно она смертельно устала.

— Она мне напоминала лунатика, — вставила Бет.

Базиль припомнил ту же любопытную деталь в версии инцидента, предложенной ему Гизелой. А это был такой свидетель, которому он не мог не доверять, свидетель, который при этом не видел второй фигуры и даже ничего о ней не слышал...

— На каком расстоянии от вас находилась каждая из фигур?

— Та, на лужайке, находилась от нас на расстоянии добрых сорока футов, — быстро сообразив, ответила Бет. — Я знаю, что от лужайки до ручья шестьдесят футов, а она сидела как раз посередине. Та, которая отдыхала в кресле, находилась от нас на расстоянии около тридцати футов, — так я предполагаю. Наш класс — это узкая, вытянутая комната, а холл широкий, в нем много свободного пространства.

— Ты сказала, что лужайка была ярко освещена солнцем. А насколько светло в это время было в холле?

— Мы писали письма при дневном свете, — сказала Мэг. — Было около трех часов дня, и еще не начинало темнеть. Но эта сторона дома освещается полуденным солнцем, поэтому венецианские жалюзи на окнах были

наполовину подняты. Значит, в холле было чуть темнее, чем обычно. Вероятно, еще и от того, что за окном свет был значительно ярче.

— Как долго наблюдали вы за второй фигурой, сидевшей в кресле?

— По крайней мере минут пять,— неуверенно произнесла Мэг.

— Но точно засечь время всегда трудно. Вы определяли время по своим часам или по настенным?

— Нет, конечно. Но я уверена, что прошло несколько минут после того, как мы впервые ее увидели.

— Это было просто ужасно! — голос Бет сорвался на визг. — Вы только представьте себе, сидим мы вдвоем. А напротив в кресле расположилась эта странная фигура, а настоящая мисс Крайль находится там, за окном, сидит на лужайке и рисует.

— Уже после этого мы обдумывали, что могли бы предпринять тогда,— сказала Мэг. — Ну, например, войти в холл и прикоснуться к фигуре в кресле. Или же позвать из окна мисс Крайль, разбудить ее или вывести из транса,— не знаю уж, что там с ней приключилось. Но когда все происходит у вас на глазах, то об этом просто не думаешь. Одолевает страх...

— Я сидела за партой и все время пыталась убедить себя в том, что все это — выдумка и ничего особенного не происходит. Но ведь все это как раз и происходило у нас на глазах. Тогда я решила их закрыть. Когда я снова их открыла, картина передо мной не изменилась. Я все время убеждала себя: послушай, это ведь не может длиться вечно. Когда-то это должно все-таки прекратиться. — Бет замолчала, переводя дыхание.

— Может, этот инцидент занял минуту, другую, но тогда мне казалось, что минули столетия,— продолжала за нее Мэг. — Затем фигура, сидевшая в кресле, поднялась и бесшумно удалилась из холла. Казалось, она растворилась в густых тенях в дальнем его конце, возле столовой. В этот миг Бет завизжала и упала в обморок, а мисс фон Гогенемс вбежала в классную комнату из библиотеки.

— Придя в себя, я увидела, что в ней ничего не изменилось,— добавила Бет. — Я имею в виду, конечно, мисс Крайль. Она быстро двигалась и говорила с нами

так, словно ей ничего не известно о том, что здесь произошло.

— Ты заметила лицо женщины, которая сидела в кресле?

— Конечно,— уверенно сказала Бет.— Это было лицо мисс Крайль.

— Это был первый случай, когда вы столкнулись со странностями мисс Крайль?

Девочки переглянулись.

— Мы слышали разные истории. Но своими глазами увидели все впервые.

— Какие истории? — поинтересовался Базиль.

— Ну,— опять начала Бет.— Говорили, что мисс Крайль появляется неожиданно в таких местах, где никак нельзя было ее ожидать. Дело в том, что ее видели, скажем, в одном месте, а через мгновение в другом. Сначала все считали, что это какая-то ошибка, просто недопонимание. Но когда такое происходит пять или шесть раз подряд и все время только с мисс Крайль, все начинают перешептываться, искать в этом что-то предосудительное, выискивать странности в поведении самой мисс Крайль...

— Странности,— повторил за ней Базиль.— В чем же они выражались?

Красивые, полнокровные губы Мэг задрожали, когда она выступила в защиту Бет.

— Она боится сказать, что думает, доктор Уиллинг. Она опасается, как бы вы не подняли ее на смех.

— В данный момент мне, увы, не до смеха,— заверил он ее с самым серьезным видом.

— Судя по всему, нечто подобное случалось и прежде,— наконец отважилась Бет.— Правда, это было не часто. Но случалось. Люди об этом боятся говорить, так как заранее уверены в том, что им никто не поверит. Поэтому они обычно хранили молчание, но несколько лет назад одна шотландская девушка, помощница няни, рассказала мне историю о двойнике, которого видели у нее на родине, в этой древней стране, как раз перед смертью одного человека. Она называла его «gavan Voke». Я эту историю давно забыла, но случай с мисс Крайль заставил меня вновь вспомнить о ней. Тогда я рассказала об этом Мэг.

— И вскоре о ней заговорила вся школа,— добавила миссис Лайтфут,— ученики, прислуга, даже некоторые из учителей, а ведь вроде образованные люди...— Она недоуменно пожала плечами.— Спасибо, девочки. Если у доктора Уиллинга нет вопросов, можете идти.

Базиль отрицательно покачал головой. Мэг с Бет во все глаза глядели на него: чувствовалось, что их так и распирало задать доктору кучу вопросов, но они не осмеливались сделать это в присутствии миссис Лайтфут.

Базиль встал со своего стула, подошел к двери и распахнул ее. Девочки, расплывшись в улыбке, нараспев протянули:

— До свидания, доктор Уиллинг.

Он закрыл дверь и повернулся к миссис Лайтфут.

— Ну,— сказала она с ноткой усталости в голосе.— Может ли перед женщиной практического склада возникнуть более фантастическая история? И все же даже в ней есть своя деловая сторона. Можете представить себе, что чувствовали родители детей, когда самые изощренные версии стали просачиваться из школы и доходить до их ушей? Девушки сообщали обо всем в своих письмах домой. В результате уже пять воспитанниц покинули мою школу.

— Вы обмолвились, что выбыло семь свидетелей.

— Кроме этих пяти учениц, уехали две горничные, даже не поставив меня в известность. Их примеру могут последовать другие. Родители могут забрать еще многих, если только этим разговорам не положить решительный конец. Вот почему мисс Крайль должна была отсюда уехать. Конечно, родителям невдомек, что все эти рассказы о мисс Крайль — истинная правда. Они считают, что все это темное дело, приступ истерики среди суеверных воспитанниц, а это свидетельствует о неспособности нашей школы сохранять на должном уровне интерес девочек к нормальной учебе, работе и театральной практике.

— Но ни Маргэрит, ни Бет еще не уехали,— сказал Базиль.— Написали ли они своим родителям о том, что здесь происходит?

— У Маргэрит нет родителей, один брат. Довольно легкомысленный молодой человек лет двадцати четырех, который спустя рукава относится к своим обязан-

ностям опекуна. Родители Элизабет в разводе. Ее мать обивает пороги судов, пытаясь добиться от бывшего супруга большей суммы алиментов, а отец — завсегдатай ночных клубов на Пятьдесят второй улице. Она пришла к нам в школу девятилетней девочкой. Маргэрит появилась у нас этой осенью.

Базиль стоял посередине кабинета, опершись одной рукой о плиту камина.

— Скажите, кто-нибудь еще в вашей школе видел двойника мисс Крайль на таком близком расстоянии, которое позволяло бы произвести надежную его идентификацию? Кроме двух тринадцатилетних девочек и горничной семнадцати или восемнадцати лет?

Миссис Лайтфут сразу догадалась, что имел в виду доктор.

— Как вы помните, я говорила еще и о четвертом свидетеле. Это человек среднего возраста, трезво мыслящий, рассудительный и наблюдательный, причем настроенный довольно скептически.

— И кто же он?

— Я.

Рука доктора Уиллинга резко соскользнула с каминной плиты.

— Вы серьезно?

— Абсолютно. Будьте настолько любезны, сядьте на свое место и закуривайте, если хотите. Это случилось в тот день, когда мисс Крайль уезжала. Меня пригласили на обед в одно семейство. Завершив свой туалет, около шести вечера я вышла из комнаты в своей накидке и перчатках. В это время в холле верхнего этажа всегда горит пара светильников. В каждом ввинчена 100-ваттовая лампочка под маленьким абажуром из пергаментной бумаги, и свет от них заливает всю первую площадку парадной лестницы. Ниже площадки в тот памятный для меня вечер на лестнице было довольно темно, так как Арлина забыла включить свет в нижнем холле.

Я спустилась по лестнице, держась одной рукой за перила и продвигаясь довольно медленно из-за своей длинной, сдерживающей шаг юбки. Когда я дошла до первой площадки, кто-то, вероятно, спешивший больше меня, пронесся мимо, без всяких извинений, и я заметила, что это была мисс Крайль. Но я почувствовала

ее присутствие там еще до того, как ее увидела. Она меня не задела, но я ощутила сквознячок, небольшое перемещение воздуха, обычно возникающее тогда, когда кто-то проходит мимо вас быстрой походкой. Когда она проходила мимо, мне не удалось разглядеть как следует ее лицо. Опередив меня на лестнице, она так и не повернулась. Но я прекрасно узнала ее по виду сзади—знакомую фигуру, осанку и одежду. На ней была коричневая шляпка и застегнутое наглухо пальто голубого цвета — единственный ее наряд для выхода на улицу.

Я была просто возмущена такой грубой выходкой. Конечно, у нее были основания сердиться на меня, но что может быть противнее выражения своего гнева с помощью дурных и развязных манер. Я остановилась и стояла как вкопанная. Повывсив голос, я постаралась придать ему как можно больше строгости и негодования. Должна признаться, мне это удалось. Я громко позвала ее: «Мисс Крайль!» И она тут же откликнулась: «Да, миссис Лайтфут». Но голос мисс Крайль донесся из холла верхнего этажа, расположенного над моей головой, хотя в эту самую минуту я отчетливо видела удаляющуюся от меня вниз по лестнице фигуру. Она тут же растворилась в темноте нижнего холла.

Я отшатнулась от перил, со мной такое случается нечасто. Быстро повернув голову, я обвела взглядом всю лестницу и на верхней площадке увидела мисс Крайль. На ней была та же коричневая шляпка и то же наглухо застегнутое пальто голубого цвета. Ее яркие, полные жизни глаза заглядывали в мои, и она повторила: «Да, миссис Лайтфут, вы звали меня?» Я никак не могла принять ее за кого-то другого. Это была мисс Крайль. Но кто же тогда торопливой походкой проскочил мимо меня по лестнице, оставив за собой характерный сквознячок? Я еще раз посмотрела вниз. Там, в нижнем холле, не было ни души, ничего, кроме причудливых теней.

Помедлив секунду, я спросила: «Давно ли вы там стоите?»

«Всего несколько секунд,—ответила она.—Я так спешила, что хотела обогнать вас на лестнице, прошмыгнуть мимо. Но, конечно, вовремя остановилась. Я не могла допустить такой грубости».

Значит, у нее был какой-то, так и не реализованный импульс обогнать меня на лестнице... Трудно объяснить, почему все это меня до такой степени взволновало. Именно волнение испытала я, стоя там, на лестнице, доктор Уиллинг. Во-первых, в памяти тут же всплыло воспоминание о том, что лунатик часто во сне подчиняется тому импульсу, который был ранее подавлен им, когда он находился в бодрствующем состоянии. Могу признаться вам, что мне стоило немалых усилий продолжить спуск по лестнице и вступить в эти чудовищные разлапистые тени. Конечно, там никого не было, никого, кроме Арлины, которая выходила из кухни через столовую, чтобы зажечь свет в гостиной и холле. Я спросила, не видела ли она кого? Она ответила отрицательно.

Но у той женщины, которая обогнала меня, были только две возможности выйти из холла нижнего этажа — либо через гостиную, либо через парадную дверь. А я отвлеклась от этой двери буквально на несколько секунд, когда посмотрела наверх, туда, где стояла мисс Крайль.

Базиль хотел спросить: «А не могла ли Арлина?..» — но его вопрос повис в воздухе.

— Исключено. В этот момент она разговаривала с кухаркой.

— Вы упомянули об ощущении сквозняка в тот момент, когда двойник быстро прошел мимо вас. Слыхали ли вы при этом какой-нибудь звук? Шелест платья?

— Я не слышала ничего.

— А шаги?

— И шагов тоже. На лестнице положен толстый мягкий ковер.

— От любого человека обязательно исходит какой-то слабый запах или даже определенное сочетание запахов, — принялся вслух размышлять Базиль, — пудра, помада, тальк для волос, лосьон для перманента или одеколон для бритья, йод или какое-то другое лекарство. Запах пищи, вина, табака. Запахи, исходящие от одежды, — нафталин, вакса для обуви, раствор для выведения пятен. Вы единственный свидетель, который оказался в непосредственной близости с двойником. Вам удалось почувствовать какой-нибудь, пусть мимолетный, запах?

Миссис Лайтфут энергично замотала головой.

— Не было там никакого запаха, или я его не почувствовала, доктор Уиллинг.

— Очень в этом сомневаюсь,— он бросил взгляд на целую вереницу цветочных горшков, выстроившихся на подоконнике.— Только женщина с очень тонким обонянием может наслаждаться такими нежными и слабыми запахами, которые издают розовая герань или лимонная вербена.

Миссис Лайтфут улыбнулась.

— Да, я пользуюсь лимонной вербеной, употребляю ее даже для носового платка. Это — один из моих недостатков. А одна французская фирма выпускает эссенцию вербены, от которой я просто схожу с ума,— мужской лосьон «после бритья». Так что, вероятно, я — единственная женщина в мире, пользующаяся этим мужским средством.

— А какими духами обычно пользовалась мисс Крайль?

— Лавандой. Она всегда брызгала ее на свой носовой платок.

— Вы не почувствовали запаха лаванды, исходящего от двойника?

— Нет,— Миссис Лайтфут перешла на ироничный тон.— Нельзя же ожидать запаха от отражения в зеркале, не правда ли? Или, скажем, от миража?

Базиль затаился сигаретой.

— Это ваше собственное объяснение случившегося?

Улыбка сошла с губ миссис Лайтфут.

— Я вижу здесь три варианта. Во-первых, мисс Крайль может быть любительницей всевозможных трюков. Но если это так, то как ей удалось создать иллюзию своего двойника? И ради чего? Ведь она от этого ничего не выиграла. Напротив, лишилась хорошего места. Во-вторых, мисс Крайль могла оказаться в роли обманщицы бессознательно, не отдавая себе в этом отчета, раздвоенной личностью, со склонностью пугать людей и поражать их воображение. Все эти импульсы не поддавались ее собственному контролю. Такие импульсы она получала от своего двойника, своего второго «я», и подчинялась им в каком-то сонном, безвольном состоя-

нии, а ее первоначальная, сознательная личность ничего об этом не ведала. Ведь такое случается, не так ли?

— В психиатрии существует описание подобных случаев,— признал Базиль.— И это, вероятно, объясняет ее искреннее удивление вашим решением уволить ее и таким образом от нее избавиться.

— Это просто отвечает на поставленный вопрос: «Почему?» — согласилась с ним миссис Лайтфут.— Но оставляет без ответа третий вопрос: «Каким образом?» Каким образом ей удалось убедить двух маленьких девочек в том, что она сидит в холле, в кресле, в то время как на самом деле находилась во дворе и, сидя на лужайке, безмятежно занималась живописью?

— Ну и какова, на ваш взгляд, третья версия?

Миссис Лайтфут посмотрела прямо ему в глаза.

— При сомнамбулизме, гипнозе или раздвоении личности первоначальная, сознательная личность человека погружается в сон, и в это время бессознательная, вторичная личность его начинает целиком овладевать организмом и часто приводит в результате к таким действиям, которые вызывают заторможенность в состоянии бодрствования. Предположим, не поддающееся контролю, автономное действие подсознательного усиливается какими-то факторами. Маргэрит с Элизабет утверждают, что Фостина Крайль двигалась, словно во сне, при появлении ее двойника. Вероятно, мне пришлось наблюдать, как двойник подчинялся тому импульсу, который в себе подавила мисс Крайль. Этот так называемый двойник, вероятно, и был визуальной проекцией подсознательного мисс Крайль.

Вы меня понимаете? Предположим, что чье-то бессознательное может вобрать в себя столько жизненной энергии, что ее окажется достаточно, чтобы произвести чисто визуальное собственный «имидж» или собственное отражение в воздушной среде. Может, с помощью какой-то формы преломленного излучения. Какой-то формы наподобие сна, которая является видимой как для человека, в него погруженного, так и для окружающих его людей, видимой, но нематериальной. Отражение в зеркале тоже видимый, но нематериальный фактор, как, впрочем, радуга или мираж. Они настолько видимы, что их можно зафиксировать на фотопленке. Но к ним нель-

зя прикоснуться, у них нет третьего измерения, и они беззвучны. Они не существуют в нормальном представлении о времени и пространстве.. По мере вашего передвижения они перемещаются вместе с вами. Поэтому еще никто не сумел прикоснуться к такому двойнику или услышать его. Его можно только видеть.

— И вы верите в это? — спросил Базиль.

— Я — современная женщина, доктор Уиллинг. А это означает, что я ничего не принимаю на веру. Я родилась без веры в религию и утратила веру в науку. Я не понимаю теорий Планка и Эйнштейна. Но я достаточно соображаю, чтобы понять, что наш вещественный мир может оказаться лишь притворством, а не миром реальным. Все, что мы видим, слышим, к чему прикасаемся, может быть настолько же обманчивым, как иллюзия, отражение в зеркале или мираж в пустыне. Все это, насколько мне известно, Эддингтон называл «пляской электронов». Любопытно отметить, что индусы называли материальную жизнь «иллюзией», а символом понятия «майя» был танцор. По их мифологии, танец призван отвлечь человека от созерцания высшей реальности, точно так, как эротический танец отвлекает его от всего прочего своим гипнотическим эффектом ритмически движущегося тела...

Что скрывается за танцем «майя»? Нам это неизвестно. Даже наши мозги — лишь часть целого, не больше. Каким образом воздействует ваш мозг на тело, когда вам вдруг захочется двинуть рукой? Этого вам не скажут ни психологи, ни физиологи... Итак, они отрицают раздвоенность души и тела. На протяжении всей истории науки всегда наблюдалась тенденция отрицать то, что никак не поддавалось объяснению. Проще было сказать: «Мы этого не знаем». Легенда о двойнике стара, как мир. В любом языке существовал термин для его обозначения...

Таков, доктор Уиллинг, мой третий вариант. А если предположить, что такое случается на самом деле? Предположим, что Фостина Крайль — человек ненормальный, причем ее ненормальность проявляется каким-то чрезвычайным способом, который не доступен для понимания современной психологии, не говоря уже об исследовании?

Если миссис Лайтфут рассчитывала своим яростным приступом скептицизма, который является сам по себе уже признаком подспудной веры,— дурак опасается, как бы его самого не одурачили,— поразить доктора Уиллинга, то она сильно недооценила своего собеседника. Базиль спокойно сказал:

— Другими словами, вы предполагаете, что мисс Крайль может оказаться бессознательно действующим медиумом?

Она залилась краской.

— Ненавижу это слово. Я не сентиментальная эгоистка, жаждущая сохранить свою жизнь за порогом смерти.

— Я бы не назвал вас сентиментальной.— Базиль устремил взгляд на лужайку за окном, где осенний легкий ветерок сгонял в кучи опавшие листья и резвился в них, взметая вверх, словно расшалившийся котенок.

— Но вы бы назвали меня эгоисткой?

— Может быть! — он снова повернулся к ней.— Столкнувшись с опытом, вдребезги разбивавшим все ваши прежние представления о вселенной, вы все же не пожелали их как следует изучить. Вас беспокоил больше всего тот эффект, который они могут оказать на вашу школу. Почему бы вам не подойти к мисс Крайль и все не рассказать? Почему вы не дали ей возможности объясниться перед вами?

— Послушайте, доктор Уиллинг. Как можете вы или кто-то другой намекнуть ей, что она являет собой какое-то чудовище, перед которым пасуют все наши познания как в теории, так и на практике? Приходило ли вам когда-нибудь в голову, что, признав реальность таких вещей, мы тем самым ставим в ужасное положение самого медиума? За повсеместным представлением о тебе как о мошеннике последует утрата привычной социально-экономической жизни — сердитое, раздражающее недоверие, науки, фанатические гонения со стороны церкви, постоянные насмешки острословов, коммерческая эксплуатация циниками, взлет печально знаменитого суеверия, предательство близкого друга. Кроме того — как будто уже этого одного недостаточно, — вам придется страдать от своих недоказуемых представлений о том, что вы явились невинной жертвой неизвестных, сверхъ-

естественных сил, возможно, несущих угрозу и творящих зло, сил, от жесткой хватки которых вас не освободит ни один человек на свете. Может ли еще кто-нибудь чувствовать себя более отрезанным от остального человечества? Что за жизнь в тоскливом одиночестве при постоянном терроре, осуществляемом со всех сторон! По неволе будешь искать выход в алкоголе или наркотиках, как и поступают так называемые медиумы. Это одна из причин, в силу которой вы, надеюсь, не станете передавать мисс Крайль этот разговор.

— Но все же я считаю, что она имеет право знать правду.

— А я думала, что если вы узнаете всю правду, то согласитесь с моим нежеланием передавать ей то, что нам известно!

Базиль улыбнулся.

— В этом и заключается ваша ошибка.— Он поднялся, взял в руки шляпу и автомобильные перчатки. Затем выдержал паузу: — А как вы объясните тот факт, что двойник мисс Крайль появился только здесь, в школе Бреретон?

Миссис Лайтфут приберегла свою тяжелую артиллерию напоследок.

— Не хотелось вам говорить. Молли Мейдстоун — моя подруга. Она рассказала правду несколько дней назад, вырвав у меня клятву о неразглашении того, что сообщила. Ладно, теперь я скажу.

— Что именно?

— Мисс Крайль в прошлом году покинула школу Мейдстоун точно по той же причине, по какой была вынуждена уехать отсюда, из Бреретона.

Глава восьмая

В то утро, во вторник, Гизела проснулась на рассвете. Яркие лучи солнца уже пробивались в окно. Она спустилась по лестнице к главному входу, прошла по южной лужайке к увитому виноградными побегами летнему домику и выбрала себе место поудобнее, чтобы полюбоваться садом. Это был утопленный в земле продолговатой формы сад, куда можно было спуститься по пролету каменных ступеней. Гизела сошла с последней ступеньки на песочную дорожку, ведущую к расположенному в центре пруду с застывшим зеркалом воды. Весной и ранней осенью это место благоухало какими-то тяжелыми, сиропными запахами и переливалось сочными красками. Здесь еще сохранилось несколько пожелтевших, клочковатых хризантем, издававших скорее терпкий, чем обычный медовый запах. Она опустилась на мраморную скамью, подперла рукой подбородок и залюбовалась задумчивой поверхностью пруда.

— Кто рано встает, тому Бог подает!

Молодой мужской голос заставил ее вздрогнуть. Закинув голову, она увидела над собой моложавое лицо, под стать голосу, — классический овал, говорящий о наличии в незнакомце итальянской крови, хотя кожа его была абсолютно белая, а черты лица почти детские. Озорные искорки в его голубых глазах то вспыхивали, то гасли за густыми золотистыми ресницами. Губы нервно дрожали, и, казалось, с них вот-вот вспорхнет насмешка.

— Кажется, я вас не знаю.

— А я вас знаю. — Не ожидая приглашения, он плюхнулся на другой край скамьи и забросил ногу на ногу.

— Вы — Гизела фон Гогенемс. Я узнал многое о вас из одного безупречно чистого источника, и вы мне ужасно нравитесь.

— Почему?

— Ах, — он сделал широкий жест рукой. — Несчастная беженка, без гроша в кармане, красивая и молодая, предпринимая недюжинные усилия, чтобы добиться чего-то в чужой стране. Даже люди, которые вас никог-

да не видели, вправе восхищаться вами, а теперь, когда вы предстали передо мной...

Он дерзко улыбнулся.

— К великому сожалению, вынуждена испортить набросанную вами романтическую картину,— произнесла Гизела.— Во-первых, я не столь молода, а во-вторых, отнюдь не без гроша. Я здесь неплохо зарабатываю.

— Вся загвоздка в слове «зарабатывать». Вы ничего не должны зарабатывать, а просто неподвижно сидеть и демонстрировать свою красоту.

— И помереть от тоски? Нет уж, благодарю. Ну, а вы-то отдаете себе отчет в том, что находитесь на территории женской школы? У нас предусмотрены определенные часы для посещений лиц мужского пола. А шесть утра в распорядке не упоминаются.

— Ну вот, опять эти правила, строгая регламентация жизни! — с возмущением воскликнул он.— Терпеть не могу правил и всегда их нарушаю. Имейте в виду.

— Не думаю, что такое объяснение удовлетворит нашу директрису, миссис Лайтфут.— Гизела встала.— Помоему, вы не пьяны, но...

— А почему бы и нет?

— Но кто пьет в такую рань?

— Вот вам еще одно правило, которое я неизменно нарушаю. Но на сей раз я трезв... Я уничтожен. Раздавлен. И кем бы вы думали? Вами!

— Рей, дорогой! А я и не знала, что ты уже здесь! — невысокая девичья фигурка в темно-голубом платье бежала к ним, продираясь через густые заросли жимолости.— Рей! Рей! — Маргэрит Вайнинг, словно снаряд, влетела в его объятия.

— Послушай, малыш! — он мягко высвободился из ее объятий и опустил девочку на землю.

— Ну, теперь понятно,— сказала Гизела.— Вы — Раймонд, брат Маргэрит. И она — ваш незамутненный источник информации.

— Совершенно верно.— Его улыбка поблекла, он с нежностью взирал на девочку, сжимавшую его руку. Затем снова посмотрел на Гизелу, на сей раз отрезвевшими, почти виноватыми глазами, только его губы все еще слегка дрожали, и вот-вот, казалось, им овладеет приступ беспричинного смеха. Сходство между братом и

сестрой, особенно когда они стояли рядом, было просто поразительное.

— Мисс фон Гегенемс! — Маргэрит все еще держала его за руку и, не отрываясь, смотрела на него снизу вверх. В глазах ее сквозило обожание. — Как вы считаете, позволит миссис Лайтфут моему брату Рейю пригласить меня на завтрак в деревенскую гостиницу? Он обещал позавтракать со мной до того, как придет к нам на школьный вечер. Он сказал, что закажет оладьи, сосиски и клубничный джем.

— И ни одного витамина, — добавил с ухмылкой Вайнинг. — Насколько мне известно, девочкам здесь до чертиков надоели витамины.

— Можешь спросить у миссис Лайтфут разрешения. Она появится в восемь, — сказала Гизела, обращаясь к Вайнтингу.

— Я уверена, что она позволит, если к ней обратится Рей. — Мэг скакала на одной ножке, держась за руку брата, чтобы не упасть. — Рей всегда добивается того, чего хочет.

Школьные вечера проводились раз в месяц. После заседания попечительского совета миссис Лайтфут устраивала для его членов чаепитие вместе с учителями и воспитанницами, которым по такому случаю разрешалось приглашать родителей или родственников. Для более молодых преподавательниц этот вечер был серьезным испытанием, так как в такой день от них требовались особая элегантность и непременная педагогическая благопристойность, дающаяся обычно с таким трудом.

В тот вечер Гизела посмотрела на себя в зеркало и пришла к выводу, что ей удалось в своем внешнем виде достичь счастливого компромисса — белое шерстяное платье с золотым ожерельем и браслеты на руках.

Когда она направилась к холлу, то заметила, что дверь комнаты Алисы распахнута настежь. Бросив на нее мимолетный взгляд, она сразу поняла, что та была менее скромна в своем туалете. На ней был длинный, перевязанный шнуром шелковый халат такого же ярко-оранжевого цвета, что и шарф на шее. На ногах туфли — «лодочки» из черной замши на умопомрачительных высоких каблуках с большими застёжками, украшенными искусственными бриллиантами. Впервые Алиса пока-

залась Гизеле красивой, дерзкой и пылкой. Но ничто не могло скрыть безвкусицы ее наряда.

Повернувшись, Алиса заметила Гизелу:

— Ты выглядишь как Мэг Вайнинг или Бет Чейз, если бы, правда, им позволили одеться по собственному вкусу,— прокомментировала Гизела ее наряд.

— Плевать! — отрезала Алиса и пошла к двери под хруст переливающегося шелка. На ее щеках горел румянец какого-то странного абрикосового оттенка. Ее газельи глаза отливали золотистым цветом под модной прической темно-коричневых волос.

— А ты подумала, что на это скажет миссис Лайтфут?

— Еще чего! Я не намерена больше здесь торчать! — Алиса взяла Гизелу под руку. — Сегодня все прояснится.

— А если нет?

— Ну тогда тем более.

Когда обе девушки прошли через арку дверей в просторную гостиную, на Гизелу никто не обратил внимания. Алиса же намеренно задержалась в дверях и приняла драматическую позу. Старая мисс Челлис в поношенном платье из тафты синего цвета чуть не выронила поднесенную к губам чашку с чаем. Мадемуазель де Витре, в просторном вельветовом костюме лилово-красного цвета, казалось, была готова лопнуть от зависти и злости. Мисс Додд — новая учительница по искусству, очень привлекательная в своем отлично сшитом креповом платье, вероятно, сильно переживала, опасаясь, что теперь обиднее впечатление от нее поблекнет. Миссис Грир, волосы которой были подернуты серебром седины, в бледно-голубом платье с большими пармскими фиалками на груди, оставалась, как всегда, невозмутимой. Но все девочки в белых платьицах из тонкой полупрозрачной белой ткани были просто поражены. На их лицах было написано: «Вот это да! Высший класс! Так и мне надо вырядиться при первой представившейся возможности!»

Гизела вдруг вспомнила, что сама Алиса была всего на год взрослее самых старших воспитанниц в Бреретоне.

Миссис Лайтфут выглядела превосходно. Ни единым неловким движением она не выдала тех чувств, которые охватили ее при виде появившейся в дверях разодетой

в пух и прах фигуры. Как ни в чем не бывало, она продолжала беседовать с каким-то пожилым джентльменом, сидевшим в кресле справа от нее. На губах ее играла улыбка, а взгляд выражал полное безразличие ко всему.

Гизела была рада, что нашла спасение в компании миссис Чейз, матери Элизабет.

— Я слышала, что моя дочь в этом году принимает участие в постановке греческой драмы! Только подумать! Элизабет будет говорить и читать по-гречески! Все эти буквы кажутся мне следом от куриных лапок. Но когда я была девочкой, никто особенно не заботился о нашем образовании, — так, немного французского и танцы. Я закончила школу, когда мне исполнилось шестнадцать лет. В семнадцать начала выезжать в свет, а через год вышла замуж. Это был мой первый брак.

Гизела внимательно на нее посмотрела и попыталась про себя определить ее точный возраст. Темно-каштановые волосы с красноватым отливом были настолько же искусственными, как и томатно-красный цвет губ и ногтей; такая крутая краска делала ее кожу и глаза еще более бесцветными. Ее вздернутый нос и круглый подбородок носили на себе несмываемую печать детства, а незаметная цепочка шрамов на шее, на границе волосяного покрова, объясняла причину глянцевої гладкости ее лица. Когда она принималась перебирать на коленях перчатки, то на ее маленьких шишковатых пальцах вспыхивали два больших квадратных изумруда. Кожа на ее руках была на десять лет старше кожи лица.

— Скажите, о чем эта пьеса? — продолжала миссис Чейз.

— «Медея»? — переспросила Гизела, не находя точного ответа. — Ну, это пьеса о ревности и убийстве.

— Убийстве?! — Изумруды погасли. — И такое вы показываете в женской школе? Ну, знаете ли, фрейлейн. — Обращаясь к любой учительнице — немке, она называла ее «фрейлейн», а к французенке «мадемуазель».

— Но ведь они по радио слушают сногшибательные пьесы о гангстерах, — возразила Гизела. — А это полная трагизма поэзия, выдержанная в самой чистой греческой традиции.

— Какую роль в ней играет Элизабет?

— Она со своей подружкой Мэг Вайнинг играет роль сыновей Медеи, которых та убивает, чтобы отомстить отцу за супружескую измену.

— Мать убивает собственных детей? Ради чего? Девочкам еще рано знать об этом!

— Может, вы хотите сказать, что им вообще не нужно образование?

— Но...

Когда миссис Чейз неожиданно умолкла, Гизела подумала, что та приведена в замешательство дерзостью Эврипида. Но тут она заметила, что миссис Чейз вообще ее не слушает. Она смотрела куда-то в противоположную сторону, в дальний конец гостиной, и в ее глазах застыло откровенное изумление.

Там, возле распахнутого французского окна, стояла Алиса Айтчисон. Она была похожа на яркую бриллиантовую вспышку и поневоле приковывала к себе внимание всех присутствующих, словно какое-то заранее рассчитанное на эффект броское пятно на афише рекламной тумбы. В руке у нее дымились сигарета, и она неосторожно смахивала пепел на сухие серые кустики за окном. Рядом с ней остановился какой-то мужчина лет сорока, лысый, довольно плотного телосложения. Его подчеркнутый сельский твидовый костюм выдавал в нем городского человека, который по какой-то необычной причине проводил денек в деревне.

— Кто это? — прошептала миссис Чейз, мать Элизабет.

— Девушка или мужчина? — переспросила Гизела.

— Девушка.

— Ее зовут Алиса Айтчисон. Она — наш театральный режиссер. Не знаю, кто стоит рядом. Может, ее родственник?

— Что это за девушка? — не унималась миссис Чейз, не спуская глаз с Алисы.

— Трудно сказать, — осторожно начала Гизела. — Она умеет находить общий язык с воспитанницами. Она — знающий специалист.

— Понятно. — Рот миссис Чейз вдруг утратил свое детское выражение. — Было так приятно познакомиться с вами, фрейлейн. — Она улыбнулась и поспешила выб-

ратся из толпы. Гизела подошла к столу, на котором приготовили чай. Рядом с ней раздался чей-то голос:

— Так-то вы зарабатываете свое приличное жалование? Пытаясь вбить ценности классического образования в мозг простофиль типа Доротей Чейз?

Она повернула голову и увидела перед собой смеющиеся, озорные глаза Раймонда Вайнинга.

— Вы слышали наш разговор?

— Я ни за что на свете не пропустил бы его мимо ушей. Она убеждена, что Эврипид в свое время был нашим Эдгаром Уоллесом или еще чем-то похуже!

— О боже! Надеюсь, она не обратится к миссис Лайтфут с просьбой заменить «Медю» какой-нибудь чепухой, скажем, нашими современными шедеврами типа «Поллиана» или «Долговязый папашка»?

— Уверен, что именно этим она сейчас занята.

Гизела вместе с Раймондом глянули в ту сторону, где миссис Чейз только что подошла к миссис Лайтфут.

Они стояли в двух-трех метрах от открытого окна, вблизи от Алисы, по-прежнему новозмутимо болтавшей с мужчиной, облаченным в твид.

Подчиняясь какому-то смутному импульсу, Гизела спросила:

— Вы знаете человека, который так оживленно беседует с Алисой?

— Конечно. Это биржевой маклер Флойд Чейз. Отец Бет. Бывший супруг Доротей. Я уверен, что Доротей ни за что бы не пришла сюда, если бы знала, что и он будет здесь. Все-таки он отец их ребенка. Мне всегда жаль таких детей, как Бет, которым приходится снова туда-сюда между родителями, объявившими друг другу войну.

— Было бы еще хуже, если бы она жила в одном доме с враждующими родителями,— возразила Гизела.

— Само собой разумеется,— улыбнулся Вайнинг издевательской улыбочкой. Видимо, он насмеялся над самим собой и заодно над всем миром.— Но так рассуждать нельзя. Мы должны приводить хоть какое-то рациональное оправдание брака, если его мистическое толкование ни к черту не годится. Таким образом, мы притворяемся, что все родительские ссоры оказывают благотворное воздействие на здоровье ребенка, в то время как

прекращение перебранок путем радикального развода может пагубно сказаться впоследствии на его психическом состоянии. Только подумайте, как удобна такая идея для людей, которые не могут позволить себе пойти на столь решительный шаг, как бракоразводный процесс. И они уже не просто несчастные люди, нет,— теперь они чувствуют свое моральное превосходство.

— Да вы, я вижу, мизантроп.

— Вам, наверное, обо мне рассказывала Алиса.

— А с Алисой Айтчисон вы знакомы?

— Очень хорошо. Когда-то мы с ней были помолвлены.

Рей бросил взгляд через всю гостиную к оранжевому наряду, и дьявольская искорка заплескала в его глазах.

— Алиса обожает деньги. У Флойда Чейза их куры не клюют. А у меня их нет.

— Вы удивительно откровенны со мной.

— Очень удобно говорить правду, так как тебе никто не верит. Все уверены, что вы что-то скрываете, изворачиваетесь, что-то искажаете, и стараются выудить из вас «реальную» истину. Вот почему я не люблю эти вечера с чаепитием. Я сейчас иду к своей машине. Не хотите пройти со мной? Это недалеко.

— Нет, благодарю за приглашение.— Гизелу забавляла его неукротимая дерзость.— К тому же я люблю чай... И...— Гизела осеклась. Рядом с ней стояла Арлина.

— Простите меня, мисс фон Гогенемс, вас просят к телефону. Междугородная.

— Благодарю. Кто меня спрашивает?

Коварное любопытство проглядывало через маску показного безразличия опытной прислуги.

— Мисс Крайль.

Гизела поспешила к двери. Когда она проходила мимо окна, возле которого Алиса разговаривала с Флоридом Чейзом, та вдруг окликнула ее:

— Гизела! Познакомься с мистером Чейзом. Мисс фон Гогенемс.

— К сожалению, я должна бежать. Меня ждут у телефона.

Алису это немного позабавило:

— Твоему врачу-психиатру придется выложить приличную сумму за телефонные разговоры.

— На сей раз это — Фостина.

— Неужели несчастная дура все еще тебя преследует?

Не отвечая на грубые слова, Гизела постаралась поскорее пройти мимо этой пары и поспешила закрыть за собой дверь в телефонной будке под лестницей.

— Хэлло!

— Гизела, это ты? Говорит Фостина.

— Как поживаешь? Надеюсь, неплохо?

— У меня все хорошо,— медленно, почти нараспев, произнесла Фостина, словно ей с большим трудом удалось выговаривать слова.— Но я скучаю по тебе. Нет ли новостей? Разговаривал ли доктор Уиллинг с миссис Лайтфут? Он обещал это сделать.

— Да, он был здесь сегодня утром. Но я его не видала. У меня в это время был урок.

— Что же ему сказали?

— Не знаю, но думаю, что он при первой же возможности сообщит тебе обо всем. Может, даже сегодня вечером.

— Хочется надеяться. Я так волнуюсь.

— Сколько ты еще пробудешь в городе?

— До пятницы. Потом поеду в Брайтси. У меня там коттедж. Не хочешь приехать ко мне на уикенд?

— Я бы с удовольствием, только у меня приглашение на обед, как раз вечером, в пятницу,— объяснила Гизела.— Может, ты останешься еще на денек в Нью-Йорке, и мы там с тобой встретимся?

— Но вечером в пятницу у меня назначено свидание с одним человеком в моем коттедже. Я хотела бы вас познакомить. Не могла бы ты приехать туда попозже, после обеда?

— Право, не знаю. Можно позвонить завтра? Когда тебе удобнее?

— Не нужно звонить, не беспокойся. Просто приезжай туда в любое время, когда сможешь,— в пятницу, субботу или воскресенье. У меня нет других встреч, кроме этой, в пятницу.

Ее голос стал еще более холодным и каким-то замедленным, словно в эту минуту она пребывала в летаргическом сне.

— Ну, придумай что-нибудь! — нетерпеливо посоветовала Гизела. — Если уж попала в Нью-Йорк, то попытайся устроить себе настоящий праздник. Тебе это просто необходимо. Поищи старых друзей.

— У меня их нет.

— Сходи в театр. Отправляйся по магазинам. Купи себе что-нибудь.

— Я постараюсь. До свидания, Гизела.

— До свидания.

Она повесила трубку, испытывая смутное чувство горькой вины. С глаз долой — из сердца вон. Последние несколько часов она постоянно думала о Фостине. А теперь вот эта маленькая далекая фигурка все уменьшалась в размерах, уходила куда-то за горизонт ее памяти. Миссис Лайтфут была права: с отъездом Фостины все об этих сумасбродных событиях в Бреретоне забудут через месяц. Это — один из тех незначительных, не поддающихся объяснению случаев, которые мы стараемся обойти стороной в своей повседневной, такой занятой жизни. Годы спустя кто-нибудь из нынешних учениц начнет свой рассказ перед сидящими вокруг костра в день Всех Святых друзьями: «Со мной в жизни никогда ничего странного не происходило, — вот только помню однажды, когда я была девочкой и училась в школе... Этот случай так и не получил своего объяснения. У нас была одна молодая преподавательница по театральному искусству, она...» Остальное в этом рассказе будет подернуто пленкой давнишней памяти, искажено другими, более свежими личными воспоминаниями о том, что же тогда на самом деле произошло...

Гизела вернулась в гостиную, взяла чашку с чаем и отошла с ней к окну. Алисы уже не было, исчезли и Чейз с Вайнингом. Гизела подумала, что вся троица отправилась к машине Вайнинга, чтобы хлебнуть там что-нибудь покрепче чая. Это вполне в манере Алисы...

Поднеся чашку к губам, она бросила через окно взгляд во двор, к летнему домику, который выглядел таким сиротливым и беззащитным на фоне обнаженных деревьев сада в этот ноябрьский вечер. Ей показалось, что в его смутном интерьере кто-то движется, но

она не была в этом уверена,—слишком большое расстояние отделяло ее от дома. И вдруг темно-оранжевое пятно в саду приковало к себе ее внимание. Она поставила чашку на стол и вышла через французское окно во двор. Через несколько секунд она уже сбегала по каменным ступеням лестницы в сад.

Алиса Айтчисон лежала на земле, и ее ярко освещали лучи холодного ноябрьского солнца. Голова покоилась на последней ступеньке. Ее накрашенные губы выделялись на фоне мертвенного лица кровавым пятном. Слегка наклонясь, чтобы взять ее руку и удостовериться во всем, Гизела уже знала, была уверена в том, что Алиса мертва. Она выпрямилась и тут же почувствовала внезапный приступ тошноты. Закружилась голова. Здесь, на этом ветреном месте, она оказалась одна, наедине с трупом женщины. Так как вся школа в эти дни зубрила Эврипида, ей пришли на память такие его слова: «Какого же ужасного поступка мы вправе ожидать от этого высоко парящего, нераскаившегося духа, гонимого отчаянием?»

Алиса играла Медею — этот высоко парящий, не знающий раскаяния дух. Только сегодня днем Алиса сообщила о своем намерении покинуть Бреретон, как женщина, гонимая отчаянием. «Тем лучше», — сказала она. Но ведь это мог быть и просто несчастный случай, пыталась убедить себя Гизела. Так и должно быть. Никто не должен догадываться, что на самом деле это — самоубийство. Ведь запросто можно наступить высоким каблуком на подол своей длинной, ползущей по земле юбки. А он разорван.

Такая идея становилась вполне вероятной. С ноги спала туфля. Она валялась каблуком вверх, недалеко от тела.

Гизела взбежала по ступеням. Более медленным, умеренным шагом прошла по лужайке, направляясь к окну гостиной. Она прокладывала себе путь через густую толпу гостей, подошла к миссис Лайтфут и не успела еще открыть рот, как миссис Лайтфут почти неслышно зашептала:

— Где вы пропадали? Такое поведение по отношению к нашим гостям никак не назовешь цивилизованным. Я не вижу и мисс Айтчисон. Где же она?

— Простите,— Гизела тоже перешла на шепот.— Меня позвали к телефону. Когда я вернулась сюда, то случайно посмотрела в сад. Я увидела там Алису, которая лежала возле лестницы. Она была мертва.

Никогда еще у Гизелы поведение миссис Лайтфут не вызывало такого восхищения, как в эту минуту. Губы миссис Лайтфут чуть дрогнули:

— Вы уверены в этом?

— Да, я дотрагивалась до нее.

— Покажите, где она.— Миссис Лайтфут спокойно поднялась и с извиняющейся улыбкой на губах начала пробираться сквозь толпу. Когда она вышла из дома, улыбка сразу исчезла с ее лица. Спустившись на нижнюю ступеньку, она рассматривала лежавшую на земле девушку с самым непроницаемым видом. Наконец Гизела прервала тишину.

— Может, вызвать доктора? Иногда бывают случаи столбняка, который очень трудно отличить от смерти...

— Я точно определяю состояние смерти, стоит мне только взглянуть на труп,— отозвалась миссис Лайтфут.— Посмотрите на ее шею. Она сломана. Вам, конечно, известно, что это значит. К тому же, я не знаю, где в настоящий момент искать coronera или же медика-следователя.

— Вероятно, смерть наступила в результате несчастного случая,— сказала Гизела.

Миссис Лайтфут вздрогнула и внимательно посмотрела на нее:

— Другого и быть не может.

— Но,— неуверенно возразила Гизела,— существует еще и возможность самоубийства...

— Чепуха! — миссис Лайтфут была настроена решительно.— Мы не допустим никакого скандала. Естественно, будет проведено соответствующее расследование, но окончательный вердикт можно вынести уже сейчас — несчастный случай. Посмотрите на ее разорванный подол и на свалившуюся с ноги туфлю на высоком каблуке. Она поскользнулась. Здесь я не могу доверять никому, кроме своего шофера Спенсера. Ступайте к нему в гараж и попросите немедленно явиться сюда. Пусть он незаметно вынесет тело в гараж до окончания школьного вечера. Мне вовсе не хочется лицезреть об-

мороки моих девочек и их родителей. А это непременно случится, если они увидят труп.

— Но труп нельзя передвигать на другое место! — воскликнула Гизела. — По крайней мере до тех пор, пока его не осмотрит полиция.

— Конечно, при таких обстоятельствах...

— Могу ли быть чем-нибудь полезен? — раздался с верхней ступеньки задорный молодой голос. Обе женщины одновременно подняли головы вверх. Там стоял, глупо улыбаясь, Флойд Чейз. Гизеле показалось, что за это время миссис Лайтфут заметно постарела.

— Слишком поздно, — процедила она сквозь зубы. Чейз спустился по ступеням.

— У кого обморок? — поинтересовался он, продолжая так же глупо улыбаться. — Боже, да это Алиса! Боже, боже, мой! — причитал он, стоя на ступеньке.

— Мистер Чейз, произошел несчастный случай, — начала объяснять ему миссис Лайтфут. — И вы можете нам помочь. Станьте наверху лестницы и никого не подпускайте к нам, пока не уберут тело. Наверное, вам не нужно объяснять, почему мы не хотим, чтобы наши ученицы увидели эту сцену?

Он посмотрел на миссис Лайтфут так, словно видел ее впервые, и хриплым голосом спросил:

— Что здесь произошло?

— Не знаю, — резко отозвалась миссис Лайтфут. — В последний раз я видела мисс Айтчисон в гостиной, когда она разговаривала с вами.

— Нашу беседу прервала моя бывшая жена. — Его голос выдавал внутреннее потрясение. — Алиса тут же отошла в сторону и вышла из дома. Я перекинулся парой слов с Доротеей, но постарался отделаться от нее поскорее и тоже вышел, чтобы присоединиться к Алисе.

— А куда направилась ваша «бывшая»?

— Не знаю.

— Флойд! Что ты здесь делаешь? Я повсюду тебя ищу, даже на кухню заглянула.

Доротея Чейз уже поставила ногу на верхнюю ступеньку. Бет изо всех сил тащила за руки свою мать вниз.

— Она там, там! — кричала Бет. — Я ничего не думаю. Это произошло на самом деле!

— Доротея! Не тащи сюда ребенка, не делай этого!
Впервые Гизела почувствовала симпатию к Флойду Чейзу. Но тут сварливо заговорила его бывшая супруга.

— Да это не я, это она меня тащит! Ну теперь-то я обязательно спущусь, чтобы посмотреть, почему это ты мне запрещаешь! Я...

Голос ее осекся, и она остановилась, молча рассматривая тело погибшей девушки.

— Элизабет! — закричала она. — Немедленно отправляйся обратно!

Но Бет как будто застыла рядом с матерью. Она тоже рассматривала труп, испытывая одновременно и ужас, и жуткий интерес.

Чейз выругался. Миссис Лайтфут сделала шаг вперед, закрыв своей широкой юбкой лежащую на земле Алису от глаз ребенка.

— Миссис Чейз, видели ли вы Алису, когда вышли из дома в поисках своего супруга?

— Нет, я находилась с другой стороны, — ответила та с полным безразличием, как будто не понимая всей остроты вопроса.

— Я видела ее!

Все разом повернулись к Бет.

— Ну, — чуть заикаясь, проговорила она. — Мама велела мне найти отца. Я пришла сюда, по эту сторону дома. Я высматривала его в саду, а мисс Айтчисон стояла наверху этой лестницы.

— Что же она делала? — спросил ее Чейз.

— Разговаривала...

— Значит, — поддаваясь охватившему ее страху, спросила миссис Лайтфут, — она была не одна?

— Нет, нет. Миссис Лайтфут, я и не говорила, что она была здесь одна, не правда ли?

— Ну и кто был с ней?

— Еще одна учительница. Ну та, худая и бледная, которая обучала нас технике рисунка и созданию театральных декораций. Мисс Крайль!

— Не может быть! — воскликнула Гизела. — Я с ней только что разговаривала по телефону. Она звонила по междугородной из Нью-Йорка!

— Но я же видела ее собственными глазами, мисс фон Гогенемс! — возразила Бет. — Когда я об этом сказала маме, она мне тоже не поверила, поэтому я и привела ее сюда, чтобы она сама во всем убедилась. На мисс Крайль, как всегда, было ее голубое, наглухо застегнутое пальто и коричневая шляпка. Когда мисс Айтчисон подошла к летнему домику, там уже стояла мисс Крайль и, вероятно, поджидала ее. Мисс Айтчисон что-то сказала, но я не разобрала. Тогда мисс Крайль вскинула руку и что было силы толкнула мисс Айтчисон. Та вскрикнула и упала на спину, а затем покатилась по лестнице. После этого мисс Крайль исчезла... так, как делает всегда, совершенно тихо, без шума, не издавая ни единого звука...

Глава девятая

В тот вечер сотрудники и попечители больницы «Мюррей Хилл» собрались на заседание в кабинете председателя совета, одного из издателей газет. Уже после двенадцати часов ночи Базиль вышел из здания на улицу и пошел вверх по Бродвею в направлении Седьмой авеню. Там на стоянке он оставил машину. Мирное время превратило Бродвей в какую-то лишенную вкуса, кричащую улицу, похожую на Кони-Айленд. Хотя он смертельно устал, громадные квадраты бегущей яркой рекламы и половодье электрических огней привлекали его внимание то к одной компании по производству сигарет, то к другой, производящей виски. Безвкусица такой рекламы самим своим существованием напроочь отвергала искусство как таковое, — все эти гигантские, механические игрушки, предназначенные для переросших детей, которые были просто в восторге от броских фраз, примитивных цветов и однообразных повторяющихся движений. Яркий, брызжащий свет от рекламных огней заливал темный асфальт, превращая ночь в подобие дня. Когда разносчик вложил ему в руку номер завтрашней утренней газеты, Базиль прочитал заголовок на первой полосе: «Учительница, сломав шейные позвонки, умирает». Его внимание привлекла дата сообщения: «Бреретон, четверг, 17 ноября...» Он задержался на нем на несколько секунд, а затем дочитал остальное: «Преподаватель театрального искусства мисс Алиса Айтчисон была обнаружена сегодня вечером мертвой на территории школы Бреретон другой учительницей мисс Гизелой фон Гогенштейн. Тело пострадавшей лежало на ступеньке каменной лестницы, ведущей в сад. По словам представителя полиции, смерть мисс Айтчисон наступила в результате перелома шейных позвонков, которое произошло во время падения с лестницы после того, как она наступила своим высоким каблуком на оторвавшуюся подкладку длинной юбки.

Как утверждают, этот инцидент был засвидетельствован одной из воспитанниц школы, мисс Элизабет Чейз, тринадцати лет, которая отправилась сообщить об этом своей матери, гостившей в это время в школе.

Но до этого мисс Гизела фон Гогенштейн самостоятельно обнаружила труп. Отец ребенка, Флойд Чейз, не разрешил репортерам взять у девочки интервью, но, по слухам, она видела, как мисс Айтчисон перед разыгравшейся трагедией разговаривала с бывшей преподавательницей школы Фостиной Крайль, которая в настоящее время проживает в отеле в центре Манхэттена. Связаться с ней не удалось из-за позднего часа.

Мисс Айтчисон была дочерью покойного Стэнли Мордента Айтчисона, биржевого маклера, который закончил жизнь самоубийством в 1945 году после финансовых неудач на Уолл-стрите. В похоронах примут участие только родственники и близкие семье люди.

Базиль сложил газету, засунул ее в карман пальто и поспешил к автостоянке. Если «Гизела фон Гогенштейн», по мнению репортера, является Гизелой, то ко всему сообщению нужно подходить осторожно, не доверяя и в прочих деталях. И все же... Базиль крутанул баранку, и его автомобиль влился в широкую реку уличного движения.

Около часу ночи он добрался до «Фонтенбло». В холле гостиницы не было ни души. Базиль показал свою визитку ночному дежурному.

— Я не репортер, и мне необходимо увидеться с мисс Крайль. Будьте любезны, сообщите ей, что я жду ее внизу.

— Но у нее отключен телефон с шести вечера, — ответил клерк. — Вероятно, она уже спит.

— Дело не терпит отлагательства.

Клерк, взглянув еще раз на карточку, повернулся к внутреннему телефону.

— Мисс Крайль спустится через несколько минут.

Когда она шла к нему через холл, Базиль, наконец, смог ее отчетливо рассмотреть при ярком свете. Она по-прежнему оставляла впечатление хрупкой девушки, но уже не была столь воздушной и бесплотной, как прежде. У нее были тонкие сухие светлые волосы, а бело-голубые глаза казались какими-то нереальными, абстрактными, подернутыми сонной пленкой. На ней было вязаное платье из светло-коричневой шерсти, а ее желтовато-бледный приятный цвет лица портил вскочивший на щеке прыщ. От ее прежнего неуловимого

шарма в приглушенном свете на крыше здания остались лишь мягкость и спокойствие.

Они сели в угол большого холла.

— Ну, вы видели миссис Лайтфут?

— Да, видел.— Базиль зажег сигарету и откинулся на спинку стула.— Мисс Крайль, где вы были сегодня в пять часов вечера?

— Здесь, наверху, в своем номере.

— Вы были одна?

— Да, одна.

— Чем вы занимались?

— Я говорила по междугородному телефону. Я уже сообщила об этом представителю нью-йоркской полиции. Затем меня начали донимать репортеры, и я была вынуждена отключить телефон.

— Известно ли вам, по какой причине полиция устроила вам допрос?

— Из-за смерти Алисы Айтчисон. Они сказали, что это простая формальность.

— Они всегда так говорят — «простая формальность». Но это далеко не так.— Базиль вытащил из кармана газету.— Вот, прочтите.

Фостина добралась только до второго абзаца, и газета выпала из ее рук.

— Но это же невероятно! Я никак не могла быть в районе Бреретона в этот вечер, что подтверждает мой телефонный разговор с Гизелой.

— Именно поэтому они не стали допрашивать вас дальше.

— К счастью, я могу доказать, что весь день провела в номере. В отеле только один выход. Лифтер, администратор, привратница — все знают меня в лицо. Им прекрасно известно, что в этот вечер я не выходила из отеля.

— А что вы скажете о пожарной лестнице или о служебном входе?

— Полиция все проверила. Через служебный вход можно выйти, но для этого нужно пройти через кухню ресторана. Там весь день крутились повар и два его помощника. А вход на черную лестницу находится в кухонном коридоре. Нельзя пройти туда незаметно.

Злоумышленника обязательно либо увидят, либо услышат.

— Чем вы занимались после телефонного разговора с Гизелой?

— После разговора? Ну, я... легла спать.

— В пять вечера?

— Да, разговаривая с Гизелой, я вдруг почувствовала, что засыпаю на ходу. После приезда сюда у меня появилась привычка спать по вечерам.

Базиль согласно кивал головой, постигая то, что она от него утаила. Фостина была настолько удивлена, сломлена, поражена своим увольнением из Бреретона, настолько устала от всех этих событий, что просто не находила себе места и искала забытья от действительности в дневном сне, словно старуха или грудной ребенок, которые, как правило, не способны долго выносить бремя сознательного бодрствования.

Озноб, который он почувствовал в эту минуту, объяснялся не только сырой ноябрьской погодой.

— Вы никогда не испытывали желания убить Алису Айтчисон?

— Конечно, нет! — Фостина, казалось, была поражена таким вопросом. Но ведь подсознательный импульс подавляется, а она ничего не могла знать об этом.

— Вы ведь не любили ее, не правда ли?

— Да, не любила, — откровенно призналась девушка. — Она была грубой и всегда старалась проявлять недоброжелательность ко мне. Иногда я просто ее ненавидела.

Базиль вновь понимающе кивнул. Он мог себе представить ненависть Фостины к Алисе, — слабый обычно ненавидит сильного, называя при этом собственную слабость утонченностью, а силу другого — «грубостью». Те люди, которые не могут физически нанести удар по своему недругу, бьют по призракам своих врагов, сохраняя таким образом в своей психике полную свободу и свою безопасность. Ненавидеть кого-нибудь, значит, желать его исчезновения, и единственный способ заставить исчезнуть ненавидимого человека, вызвать его смерть. Дети это инстинктивно понимают. Как часто они кричат: «Я тебя ненавижу. Чтоб ты сдох!» Легла ли накануне вечером Фостина спать с садистской фантазией о

смерти Алисы? Погружалась ли она в сон с этим желанием смерти? Поднялась ли с постели, уже находясь в сомнамбулическом трансе?

Нет, конечно. Расчет времени говорит о том, что это невозможно. Будь то в сонном или бодрствующем состоянии, Фостина не могла незамеченной покинуть «Фонтенбло» и добраться из Нью-Йорка до штата Коннектикут за те несколько минут, которые прошли со времени ее телефонного звонка Гизеле и смертью Алисы Айтчисон. Если только... ее «бессознательное» не сумело сконцентрировать в себе столько жизненной энергии, чтобы спроецировать чисто визуальный образ или собственное отражение в воздушной среде... ведь ни миражи, ни радуги не существуют в привычных представлениях о времени и пространстве...

Смерть, вызванная чьим-то желанием, — преступление, которое приписывается колдуньям с незапамятных времен. Эта сумасбродная, архаичная идея заставила его улыбнуться, и все же ее атавизм удивительно сильно будоражил глубины его сознания, словно нудный, однообразный плеск волн.

— Несомненно, полиция в Коннектикуте решила, что либо Элизабет Чейз ошибается, либо она — истеричка. Ведь в конце концов ей всего тринадцать лет. Но... она что-то видела, мисс Крайль. Как вы думаете, что?

— Я... Я не знаю.

— Мне кажется, что вы... знаете. Или догадываетесь.

Ее голубые глаза поблекли. Она сидела в полной неподвижности, как будто рассталась с собственным телом и унеслась в какой-то сон, приносящий ей больше утешения, чем суровая реальность.

Что сказал отец Чернокожего Энди о Тэде Лапрайке? Кажется, люди сжигали таких за рассказанные ими сны... На шотландском эта фраза звучит более зловеще. И так было. Было время, когда девушек, подобных Фостине Крайль, сжигали заживо, и они корчились в огне и вопили диким голосом. Такова была жертва собственного невежества и страха, которую люди приносили богам.

— Послушайте, мисс Крайль. Вы со мной ведете нечестную игру. Еще вчера вам было известно, что мне

сообщит миссис Лайтфут. Начнем сначала. Почему в прошлом году вы ушли из школы Мейдстоун?

Она вздрогнула, и лицо ее исказилось гримасой. Как будто выход из собственной скорлупы и очередной контакт с реальным миром приносили ей невероятные страдания. Она по-прежнему молчала, чтобы не давать ему в руки козырную карту.

— Уж не хотите ли вы заставить меня поверить, что вам незнакомо древнеанглийское поверье о двойнике? Двойнике-призраке, который есть у каждого живущего на земле человека? Если это не так, то вы навряд ли позаимствовали бы у Гизелы том «Воспоминаний» Гете.

Он ожидал услышать какой угодно ответ — удивленный, возмущенный, наконец, резко отрицательный, — но так и не сумел предусмотреть ее реакции. Она закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Доктор Уиллинг! Что же мне делать?

Он бросил взгляд через холл на дежурного за столом. Клерк сидел на расстоянии приблизительно двадцати метров, склонившись над каким-то грессбухом, но ничего не заметил. Доведенная до отчаяния Фостина рыдала очень тихо. Да и сидели они в темном углу.

— Почему вы ничего не сказали об этом перед тем, как отправили меня к миссис Лайтфут?

— Я вас туда не посылала! — слабо запротестовала Фостина. — Вы сами настаивали на поездке. И я... я ничего не знаю.

Она безжизненно опустила руки, повернулась к нему лицом, на котором было написано страдание. Она, казалось, совсем позабыла о своих распухших, покрасневших веках и залитых слезами щеках.

— Я никогда не видела... этого... Я не знаю, что это... такое. Я знаю только то, что мне рассказывали в Мейдстоуне. А теперь, кажется, такое произошло вновь, но на сей раз в Бреретоне. Я ничего не знала... Миссис Лайтфут мне ни о чем не говорила. Я ее не могла спрашивать по этому поводу. Ведь она все равно мне ничего бы не сказала. Вот почему я не возражала против вашего посещения школы. До этого я ничего не могла вам сказать, вы бы просто посмеялись надо мной. Или сочли бы неврастеничкой. Еще год назад я бы са-

ма посчитала безумцем любого, кто мог всерьез воспринимать все это. Но я понимала, что если вы услышите об этом из уст миссис Лайтфут, то вам будет уже не до смеха. А я... Я... очень боюсь.

— Вы считаете, что миссис Лайтфут неврастеничка?

— Ну, а была неврастеничкой миссис Мейдстоун? И все другие учителя, ученики и прислуга в обеих школах? Доктор Уиллинг, когда теряешь работу по одной и той же причине дважды, то тут уж не до смеха, не до утверждения, что все это — игра воображения. Понятия не имею, как это назвать. Может, совсем не то, что все они думают, но только — не игра воображения. Что-то здесь есть. Я хочу сказать, что за этим скрывается что-то вполне реальное. Но не я. Я знаю, я не злоумышленница. Вы в этом, конечно, сомневаетесь, так как вынуждены верить только моему слову. Но я-то знаю. Ну и каков результат? Остается предположить, что я все вытворяю в бессознательном состоянии... Но это физически невозможно. Даже пребывая в сомнамбулическом состоянии, я не могу оказаться в двух разных местах одновременно, а именно это, по их словам, произошло. Может, все они вступили в заговор против меня, чтобы пустить эту «утку»? Не понимаю, почему такие непохожие друг на друга люди, как миссис Мейдстоун в Вирджинии и Арлина Мёрфи в Коннектикуте, могут организовать бессмысленный заговор и с торжествующим видом разыгрывать столь бесполезный для них фарс на протяжении года? Чтобы только мне досадить и сделать мою жизнь невыносимой? Не знаю, но... я... я... очень боюсь.

Она посмотрела поверх него, в пустоту ярко освещенного холла.

— Вы можете представить, чем все это мне грозит? Я постоянно, находясь в полном отчаянии, задаю себе одни и те же старые, как мир, вопросы, на которые пока не даны ответы: для чего нам дана жизнь? Для чего мы, люди, страдаем? Почему мы с такой легкостью принимаем на веру, что Бог добр хотя скорее всего он жесток? Может, мы просто какая-то случайность, непонятная химическая реакция, в которой нет ни начала, ни конца, ни смысла? Может, все мы какие-то суперколлоиды, разыгрывающие жестокую, бессердечную ко-

медию? Или же мы всего сон Божий, как утверждают буддисты? Не потому ли мы все в раннем детстве любим смотреть в зеркало на свои лицо, руки, ноги и повторять при этом: «Вот это я, Фостина Крайль. А не кто-нибудь другой. И все же, как бы вы ни старались познать саму себя, самого себя, в глубине души вас не покидает чувство, что это еще не вся истина, что и ты, Фостина Крайль, существуешь временно, в ограниченном пространстве. Что ты запросто могла быть другой. Вот что делает нашу жизнь похожей на сновидение — чувство собственной нереальности...

Я прочитала основные книги по философии, науке и религии. Они не имеют ничего общего с самыми насущными потребностями реальной жизни и личными проблемами человека. Разве у этих мужей, сражающихся в интеллектуальные шахматы друг с другом, есть хоть какое-то представление о том, как люди, попавшие в беду, мучительно ищут ответа на то, что их волнует, такого ответа, который успокоил бы сердце и рассудок? Просишь у них хлеба, а получаешь в ответ пустые слова. Ну как, скажите на милость, могу я дальше жить с тем шлейфом, который неизменно ползет повсюду за мной? И так до конца жизни? Что же со мной будет?

Она вновь начала тихо плакать. Базиль подождал, пока ей стало легче. Затем, набравшись терпения, он сказал:

— Расскажите, что произошло в Мейдстоуне.

Когда она вытащила носовой платочек, чтобы вытереть глаза, он почувствовал слабый запах лаванды. Ее лицо разгладилось, она взяла себя в руки, ни никак не могла унять дрожь в грудном голосе.

— Это была моя первая работа после окончания колледжа. Я была счастлива, что оказалась в Мейдстоуне, и очень гордилась своим местом. Это — школа-пансионат со спортивным уклоном. Там царят такие же строгие порядки, как и в Бреретоне.

Через неделю я вдруг начала осознавать, что за мной постоянно следят и шушукаются за спиной. Я никак не могла понять, почему это происходит. Я чувствовала, как одна из девочек с любопытством взирает на меня, но стоило мне повернуться к ней, как она торопливо отводила глаза в сторону. Когда я входила в комнату, где

велись разговоры, то все присутствующие тут же умолкали и возобновляли беседы в совершенно ином ключе. Таким образом, становилось ясно, что речь шла обо мне. Но мне и в голову не приходило, о чем они могли судачить. Другие преподавательницы сторонились меня. Девочки в моей компании чувствовали себя принужденно, не в своей тарелке, и были в разговоре со мной крайне сдержанны. Прислуга, судя по всему, опасалась меня и ненавидела, как это произошло впоследствии и в Бреретоне. Но тогда такое случилось со мной впервые, и я не принимала все эти странности всерьез. Мне казалось, что им что-то во мне не нравится — одежда, речь, манеры.

Постепенно начал вырабатываться определенный стереотип. Скажем, я сталкиваюсь с кем-нибудь на лестнице или в холле. Встречная выражает свое искреннее удивление и говорит: «Как вы здесь оказались? Только что я вас видела наверху». А я, ничего не подозревая, отвечаю: «Вы, вероятно, ошиблись. Весь вечер я была в саду». Тогда удивление сменяется подозрением. После двух или трех подобных казусов я начала задаваться вопросом: «Что все это значит? Почему все считают, что видели меня в тех местах, в которых в указанное ими время я находиться никак не могла?» Все это было необъяснимо, и с самого начала сильно беспокоило меня. А потом от миссис Мейдстоун поступило уведомление... о моем увольнении и чек с суммой, причитающейся за год работы.

Тогда я была гораздо смелее, чем сейчас. А миссис Мейдстоун была куда более приятной и мягкой по характеру, чем миссис Лайтфут, и куда более доступной. С уведомлением в руках я вошла в кабинет к миссис Мейдстоун. Вначале она весьма уклончиво отвечала на мои вопросы, но мое отчаяние, наконец, сломило ее сопротивление. Она вытащила из шкафа какие-то книги и посоветовала мне их прочесть.

Я не спала всю ночь, читала эти книги, правда, с трудом понимала, о чем идет речь. Я всегда подтрунивала над спиритами, и мне было хорошо известно, что их в равной мере презирует как наука, так и религия. Но их авторы не были спиритами. Они не верили ни в привидения, ни в бессмертие. Большинство из них были

атеистами. Но они считали, что в мире существует какая-то толика необъяснимых явлений, которые с порога были отвергнуты ортодоксальной наукой без должного анализа. А они не были чокнутыми обскурантами. Один из них, психолог Уильям Джеймс, исследовал подобные вещи в частном порядке, так как предание гласности своего опыта грозило ему гибелью карьеры. Шарль Рише, тоже психолог, занимался этой проблемой открыто и вынес все последовавшие за этим насмешки и издевательства, как необходимую дань, которую вынужден выплачивать любой нарушитель табу, установленных закоренелой ортодоксией.

Вскоре я начала понимать, зачем миссис Мейдстоун выбрала для меня именно эти книги. В них приводились фактические описания так называемых «двойников» — бодрствующих сновидений, призраков живущих на свете людей, упоминалось и об опытах, поставленных Гете. Вот почему я взяла с полки Гизелы его «Воспоминания». К тому же известен один случай с молодой учительницей французского, который произошел около ста лет назад в Ливонии и был поразительно схож с моим.

После этого я отодвинула книги в сторону, так как их авторы даже не пытались объяснить природу подобных явлений, и просто сидела в полном одиночестве в своей комнате возле окна, наблюдая за звездой Орион и россыпью Большой Медведицы. Отзвуки событий последних дней отдавались в моем сознании: «Мисс Крайль, что это вы делаете здесь, наверху? Мгновение назад я выглянула в окно и увидела, как вы шли по дорожке в саду... Мисс Крайль, это вы только что были на балконе? А я думала, что вы играете в данный момент на фортепиано в музыкальной комнате...» Подобные случаи не были единичными, а повторялись раз пять-шесть...

Больше мне не хотелось читать эти книги, так как их авторы, собрав и обобщив несколько подобных случаев, даже не пытались объяснить их природу. Все они по своему складу были учеными-агностиками. Они просто приводили слова свидетелей и, по сути дела, утверждали следующее: «Все эти люди рассказывают о том, что произошло. По нашему мнению, большая их

часть — обманщики. Но во имя торжества научной дискуссии мы предполагаем, что их показания истинны. В таком случае, если они считают, что свидетели посвоему говорят правду,— то какова же причина этого явления? Каким образом все происходит, и что, наконец, это значит?

Если только они говорят правду,— это «если» с тех пор не покидает меня. У меня нет на это ответа, как не было и у них. Но я по крайней мере теперь знала, что говорят обо мне за моей спиной в Мейдстоуне.

Я сама тогда в это не верила, но была ужасно напугана, так как понимала, что за всем этим что-то кроется... Может, просто глупый трюк, или неудачный розыгрыш, но все же это означало какой-то недружественный по отношению ко мне жест.

На следующее утро я отправилась к миссис Мейдстоун и вернула ей книги. Она призналась мне, что скрывает свой интерес к подобным случаям, так как от директрисы школы требуют строжайшей ортодоксальности. Она была добра ко мне. Она на полном серьезе толковала со мной о какой-то моей «исключительной психической энергии». Сама она, конечно, в это верит. Но как раз по этой причине она, к сожалению, не могла держать меня в своей школе ни минуты дольше. Как видите, миссис Лайтфут избавилась от меня, считая меня либо обманщицей, либо трюкачкой, либо жертвой обмана или трюкачества, а миссис Мейдстоун поступила таким образом потому, что была уверена в моей невиновности. А это ее больше всего беспокоило. Как, впрочем, и меня. Если бы меня обвинили в трюкачестве, я могла бы отрицать такое обвинение и доказать свою невиновность. Но я была лишена всякой судебной защиты от такого необычного обвинения. Здесь я ничего не могла доказать. Я сама не знала истины.

Миссис Мейдстоун испытывала ко мне жалость, так как не верила в мою виновность. И вот однажды, подчиняясь женской слабости, она написала мне рекомендательное письмо, которое помогло мне получить работу в Бреретоне и...

— Позвольте перебить вас, Фостина,— сказал Базиль.— Как часто видели вашего двойника в Мейдстоуне?

— Вначале я не считала эти инциденты, так как не придавала им никакого значения. Но из разговора с миссис Мейдстоун я узнала, что, по ее подсчетам, это наблюдалось семь раз. Два раза меня видели ночью на лужайке из лестничного окна, а в это время я спала в своей комнате. Три раза утром на балконе, а я в это время давала урок в классе. Дважды днем, когда я проходила с внешней стороны дома мимо открытого окна в конце холла, а в это время я находилась внутри здания совершенно в другом месте, у главного входа.

— Во всех этих случаях на вас были голубое пальто и коричневая шляпка?

— Та же шляпка, но разные пальто. Тогда у меня было пальто из верблюжьей шерсти. Такие пальто пользовались большой популярностью в Мейдстоуне, они как раз подходили для тамошнего холодного климата, особенно зимой.

— И все же, несмотря на все эти странные случаи, вы решились поехать в Бреретон?

— Эти поразительные происшествия не столько меня пугали, сколько озадачивали. Даже если все это было ловко придуманным розыгрышем, если даже так называемый мой «двойник» был результатом каких-то коллективных галлюцинаций, то в другом месте такое не повторится. Со мной прежде такого никогда не случалось, и я считала, что причиной таких явлений могли стать какие-то особые условия в Мейдстоуне, например, воздействие климата, или какое-то особое психологическое состояние учениц и преподавательниц.

Я была очень счастлива от того, что мне удалось получить работу в Бреретоне и покинуть после такого унижения Мейдстоун. Я отчаянно старалась всем угодить, и мне казалось, что в первую неделю пребывания там это удалось сделать. Я часто вспоминаю эту неделю как относительно счастливый период в моей новой жизни, первый за последний год, и вот затем...

Однажды я столкнулась с пожилой миссис Челлис наверху, в холле, и она мне сказала: «Мисс Крайль, миссис Лайтфут против того, чтобы преподаватели пользовались черной лестницей». На что я возразила: «Прошу прощения, миссис Челлис, но я не пользовалась черной лестницей». Она сильно удивилась: «Как же так?

Минуту назад я видела вас в саду. Теперь вот, поднявшись по передней лестнице в холл второго этажа, я вижу вас здесь. Но ведь вы не проходили передо мной по этой лестнице, значит...»

Тогда я поняла, что все начинается сначала, и испугалась. Как мог мой «двойник» добраться из Мейдстоуна в Бреретон через столько времени, если он не существовал на самом деле? Я была единственным связующим звеном между двумя школами, следовательно, всему причиной была только я. Если это был чей-то нечистоплотный трюк, то мне нужно было попытаться изловить злоумышленника. Каким это было бы облегчением для меня...

— Но существует по крайней мере еще одно связующее звено между Мейдстоуном и Бреретоном,— возразил Базиль.— Это — Алиса Айтчисон. Можете ли вы объяснить, почему Гизела «пожалует», если обратится ко мне с просьбой расследовать эти нелепые слухи?

— Мне кажется, Алиса боялась, как бы миссис Лайтфут не рассердилась на Гизелу, если та сообщит на сторону о том, что происходит в школе...

— Были ли мисс Айтчисон в числе тех лиц, которые видели «двойника» в Мейдстоуне?

— Нет, нет, но она слышала все истории обо мне, которые там распространялись. Когда я встретила Алису в Бреретоне, то ужасно боялась, как бы она не начала распространять здесь мейдстоунские рассказы. При первой же нашей встрече наедине я умоляла ее дать мне твердое обещание, что она не станет об этом рассказывать никому в Бреретоне. Она обещала, и я уверена, что она сдержала слово. Но Алиса имела обыкновение упоминать об этом в разговорах со мной в присутствии других,— все эти намеки на загадочные явления были мне понятны, но недоступны для понимания окружающих. Она прекрасно понимала, что тем самым заставляет сидеть меня как на иголках, но ей, видимо, мои страдания доставляли удовольствие. В день моего отъезда она даже сообщила мне, что видела мое лицо в окне верхнего этажа, хотя в это время я была в саду. Но я была уверена, что это притворство, что ничего она не видела и говорила так, чтобы лишний раз мне досадить.

— Как вы это поняли?

— На ее лице не было никаких признаков испуга. Она явно издевалась надо мной, ее выдавали глаза. Видите ли, Алиса была уверена, что во всем повинна я. В тот день, когда она дала мне обещание не разглашать моей тайны в Бреретоне, у меня на глазах выступили слезы, а она, не обращая на это никакого внимания, продолжала выговаривать мне в своей обычной язвительной манере: «Такие вот робкие, заторможенные девицы, как ты, всегда кончают истерикой. Если ты хочешь сохранить свое место здесь, в Бреретоне, тебе следует научиться держать под контролем свои подсознательные импульсы». Я была совершенно шокирована. Попыталась выяснить, что она имеет в виду, и она ответила, что существует только одно разумное объяснение моему поведению — я сама инсценирую все эти невероятные трюки. Она сказала, что я все вытворяю в сомнамбулическом состоянии, а потом ничего не помню. Вероятно, поэтому Алиса всегда с презрением относилась ко мне и никогда не обнаруживала страха передо мной. И, вероятно...— Фостина помедлила, словно была в чем-то неуверена, и медленно произнесла: — это и стало причиной ее гибели.

Базиль вздрогнул.

— Что вы имеете в виду?

— Вспомните, доктор, как была убита Алиса. Никакого осязаемого орудия убийства — ни веревки, ни ножа, ни пули. Она поскользнулась, упала с каменной лестницы и сломала себе шею. Несчастный случай. Но разве так называемые «несчастные случаи» не происходят так же часто под воздействием как изнутри, так и извне? Разве страховые компании не располагают статистикой, утверждающей, что некоторые люди имеют «склонность к несчастным случаям»?

— Верно, — согласился Базиль. — Большой бизнес пришел на выручку Фрейду. У него есть одна теория, в соответствии с которой несчастным случаям подвержены такие люди, которые обладают импульсами вины и самонаказания. Высокий каблук и отпоротившийся подол юбки могут стать попутным обстоятельством при несчастном случае, но не его причиной. Она глубоко запрятана в склонном к предательству сознании

жертвы. Это что-то вроде бессознательного самоубийства.

— Но, предположим, что подсознание одного человека получает доступ к подсознанию другого и имплантирует в него импульс самоубийства, причем ни первый, ни второй даже не подозревают об этом процессе. Что это будет — убийство? Как по-вашему? Новый способ убийства, который не поддается раскрытию? Он неизвестен ни самому убийце, ни его жертве. Поэты на протяжении столетий утверждали, что любое проявление ненависти — это уже убийство.

— Убийство с применением телепатии? — усмехнулась Базиль. — Тогда никто из нас не может считать себя в полной безопасности. К счастью, пока не существует прямых доказательств, свидетельствующих о влиянии психики одного человека на психику другого на расстоянии и без гипноза.

— Я не говорю ни о телепатии, ни о гипнозе, — сказала Фостина. — Я просто думала...

— О чем же? — наводил ее на мысль Базиль.

— Я думала о том, что свидетельство маленькой Бет Чейз может оказаться достоверным. Люди обычно оступаются и падают при испуге. Отлетевшая в сторону туфля, разорванная подкладка юбки часто могут быть следствием падения, а не его причиной. Что могло испугать Алису Айтчисон? Мое видение, моя фигура, стоявшая на верхней ступеньке лестницы, а она знала, что Гизела только что разговаривала со мной по междугородному телефону.

Видите ли, Алисе были известны все версии рассказов обо мне, и она никогда не верила ни одной из них. Именно по этой причине она могла испытать сильный шок, когда вдруг лицом к лицу столкнулась в Бретоне со мной, причем днем, а она была уверена в том, что в данный момент я нахожусь в Нью-Йорке. Она вдруг обнаружила, что все, над чем она потешалась, оказалось реальностью. Такое открытие могло оказаться для нее чувствительным ударом. А если еще это изваяние протягивает руку и сильно ее толкает, то со страха она вполне могла оступиться и скатиться по каменным ступеням.

— Значит, вы полагаете, что перед Алисой предстал ваш призрак, потому что вы, испытывая к ней ненависть, направили к ней свое изображение в сонном состоянии, совершенно бессознательно, не отдавая себе в том отчета?

— Но какое иное объяснение может соответствовать всем фактам? — в отчаянии воскликнула Фостина. Легкая краска, залившая от перевозбуждения ее лицо, придала всему ее облику новое свойство, — в ней появилось какое-то внутреннее сияние, которое иногда быстро возникает и столь же быстро исчезает, давая о себе знать через прозрачную кожу истинного праведника. Если бы она обладала большей жизненной энергией, более высоким уровнем обмена веществ, более теплотворной, быстрее пульсирующей кровью, то она могла бы быть весьма привлекательной, даже красивой девушкой. Ее фигура, цвет кожи и лица в основном отличались приятностью. Было, правда, что-то вялое, инертное, медлительное в ее натуре, что превращало это милую девушку в какое-то бесцветное, незаметное существо. Теперь ему удалось увидеть проблеск того, какой она могла быть при иных жизненных обстоятельствах.

Он был уверен, что ее отчаяние не было наигранным. Но, как это ни парадоксально, он был не менее этого уверен и в том, что ее отчаяние теперь блекло, растворялось в том удовольствии, которое она испытывала от чувства своей силы, — ощущение столь же приятное, сколь и непривычное. Она никого не просила наделять ее такой силой, но теперь была уверена, что такая сила снизошла на нее. Она бы не была столь человеческой, если бы испытывала при этом какие-то более сложные чувства, чем откровенный ужас. Но вместе с ним она переживала и какие-то еще более утонченные чувства. Не слишком огорчалась из-за того, что она, Фостина Крайль, эта обычная, робкая, пренебрегаемая всеми женщина, покарала смертью свою дерзкую красавицу-подругу, которая с таким презрением, с таким высокомерием и жестокостью издевалась над ее искренними чувствами.

Впервые Базиль понял, почему многие ведьмы и колдуны в семнадцатом столетии признавались в предъявленных им обвинениях в совершении преступлений с

радостным блеском в глазах. Такие ложные признания добывались не только с помощью пытки. Они получали искреннее наслаждение от возможности вселять жуткий страх в своих обвинителей, даже тогда, когда сами умирали мученической смертью. То была единственная, оставшаяся у них месть. Само собой разумеется, наиболее упорные из них умели убедить самих себя в том, что они наделены какой-то дьявольской силой, ибо такое представление о себе было гораздо приятнее, чем сознание того, что ты лишь беспомощная жертва дикого разнузданного варварства. Интересно отметить, что ведьмами большей частью становились такие женщины, которые не находили никакой отдушины для выхода наружу внутреннего ощущения своей магической силы. Или, как мог добавить Чернокожий Энди, молодые, некрасивые, отвергаемые всеми девушки, не имеющие ни собственности, ни устойчивого положения в обществе. С психологической точки зрения ведьмы появляются из того же социального слоя общества, что и заключенные и истерички, все они — испытывавшие разочарование в жизни отщепенцы, которые исподтишка стремятся каким-то изощренным способом отомстить обществу за то, что оно предоставило им так мало возможностей для получения удовольствий и проявления снедавшей их гордыни.

Но, принимая все это во внимание, один громоздкий и неудобный вопрос остается без ответа: диктовалась ли такая месть разочарованием в самом себе? Был ли способен человек, это создание природы, под влиянием какого-то сильного психологического стресса, в силу все той же причины излучать какую-то особую психическую энергию, превращая себя в властителя над людьми, ведущими обычную, здоровую жизнь? Разве это случайность, что во всех религиях мира существуют три великие фрустрации, то есть психологические крушения? Это — безбрачие, пост и бедность, которые стали признанным горючим материалом, способным в результате своего горения вызывать видения, рассматриваемые как проявление высшей духовности?

— Не думаю, что вы должны разделять вину за гибель мисс Айтчисон, — постарался успокоить Фостину Базиль. — В науке существует разумное соответствие

между нужными доказательствами и вероятностью существования того, что вы намерены доказать. По сути дела, требуется немного свидетельских показаний, чтобы самым убедительным способом подтвердить все уже имеющиеся в распоряжении факты. Но если вы хотите доказать то, что противоречит установленным фактам и разработанной теории, то вам потребуются для этого горы безукоризненных свидетельств, для собирания которых нужен труд многих поколений. Полиция считает, что смерть мисс Айтчисон наступила в результате чисто материальной причины — высокий каблук, длинная юбка, распоротая подкладка, пролет каменной лестницы, на котором она сломала себе шею. Здесь нет ничего таинственного, кроме показаний Бет Чейз, но тринадцатилетняя девочка — это не самый надежный свидетель. Я убежден, что в Бреретоне замысливается зло, и я еще не вполне уверен, что оно, это зло, бесплотно. Все это напоминает мне... между прочим, вы составили свое завещание?

Фостина глубоко вздохнула.

— Еще нет.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Вы же знаете, что из родственников у меня никого не осталось. Мне даже в голову не приходило, кому я могу передать в наследство кое-что из своей собственности.

— Тогда выберите кого-нибудь наобум — пусть это будет случайный знакомый, в общем, кто угодно. Всегда впоследствии можно изменить завещание, скажем, в случае вашего брака или появления каких-то близких друзей. Но ни один человек, которому, судя по всему, грозит опасность от неизвестного субъекта, не может идти на риск, не составив предварительно завещание. В таком случае из вашей смерти может извлечь выгоду любой.

Фостина рассеянно улыбнулась.

— Если бы у меня была какая-то стоящая собственность, то такой шаг имел бы смысл. Но в моем положении никто от моей смерти не получит никакой выгоды, независимо от того, умру я, оставив завещание, или же вовсе без него.

— Завтра я навещу мистера Уоткинса и попытаюсь выведать у него что-нибудь относительно связей вашей семьи, несмотря на то, что он выработал какую-то дикую заморскую привычку принимать посетителей в такую рань. Для этого мне нужно будет встать в пять утра. Я позвоню вам завтра вечером.

— Меня не будет.

— Почему?

— Мне необходим отдых и полное одиночество. Я хочу улизнуть от всех этих назойливых репортеров, отправиться в свой коттедж и провести там остаток зимы.

— Не делайте этого, — запротестовал Базиль. — Еще не время. Если вам не нравится этот отель, найдите другой. Но я прошу вас оставаться здесь, в этом большом, ярко освещенном, шумном отеле, где полно швейцаров и лифтеров. Обедать ходите в главный ресторан. Никогда не гуляйте одна. Держитесь ближе к людям. И, пожалуйста, закрывайте на ключ двери своего номера. Я вам скоро позвоню и дам о себе знать.

— Закрывать двери на ключ! — рассмеялась Фостина. — Вы думаете, запертая на ключ дверь может помешать, если... придется узреть своего «двойника»? Это как раз и произошло однажды с Гете.

— Значит, вы сами никогда его не видели?

— Только раз, но это было мимолетное видение. Теперь я даже не уверена, что видела. Это было в тот вечер, когда я уезжала из Бреретона. Я стояла на верхней площадке передней лестницы. Ниже на лестнице находилась миссис Лайтфут. Мне показалось, что я увидела какое-то движение в сгустке теней в самом низу лестницы, больше ничего. Но поведение миссис Лайтфут заставило меня заподозрить, что она видела все более отчетливо. Что бы там ни было, но ее это сильно расстроило.

— А вас?

— Я не испугалась. Если бы все кончилось этим, то я бы пережила. Какое-то еле уловимое движение в тенях, за освещенным пространством... Меня бы, вероятно, не смутило появление женщины, издали похожей на меня, при неясном свете в течение нескольких секунд, да-

же если в эту минуту рядом со мной стояли свидетели. Это могло быть чем-то, но могло быть и ничем, скажем, оптическим обманом. Я могла бы даже смело заглянуть в лицо этой женщины, если бы увидела его на каком-то расстоянии. Это тоже можно было объяснить каким-нибудь ловким трюком или иллюзией. Но представьте себе, если этим не ограничиться...

— Но что же еще может приключиться?

— Неужели вы и в самом деле не понимаете? — Фостина понизила свой и без того тихий, дрожащий, словно в ознобе, голос. Ее тонкие руки впились в подлокотники стула. — Представьте себе, как в один прекрасный день или ночью, когда я в полном одиночестве сижу в своем номере в отеле, погасив свет и заперев дверь на ключ, передо мною вдруг появляется чья-то фигура, приближает свое лицо к моему, и я вижу, что это мое собственное лицо, его точные очертания, все отдельные памятные детали, каждый дефект, как, скажем, вот этот прыщик на щеке. Тут уж не может идти речь ни о подделке, ни об иллюзии. Если такое случится, то у меня больше не останется никаких сомнений в том, что это я сама или какая-то часть меня, моего тела путешествует в неизвестных весах. Мне, конечно, так никогда и не станет известно, каким образом я туда попала, почему я там оказалась или что я там делала... Я буду знать только одно — что я там была. И я стану испытывать страх перед этой частью самой себя. Можете ли вы представить себе тот смертельный шок, который мне придется в таком случае испытать? Мне придется поверить в реальность происходящего перед глазами и умереть...

— Оставьте эти мысли, — успокоил ее Базиль. — Ничего подобного не произойдет, и вы сами прекрасно знаете об этом...

Он был гораздо честнее с самим собой, чем многие люди, получившие гуманитарное образование. Несколько минут спустя, выйдя из отеля, он, задрав голову, начал разглядывать эти вечно бодрствующие звезды — яркие, молчаливые, безличностные и немыслимо далекие от нас, если только все предположения астрологов имеют под собой реальную почву. В университете его учили, что чем дальше отрываешься от земли, тем становится

значительно холоднее. И вот в ходе последних исследований выявлены какие-то альтернативные слои холода и тепла, во всяком случае, на том расстоянии, куда ученым удалось доставить свои теплоизмерительные приборы. Никто из них не смог объяснить, почему там, вверху, не было сплошного холода, как предполагалось раньше.

Базиль продрог и поднял воротник пальто. Стук его каблучков об асфальт гулко разносился в холодной, ночной тишине. Подойдя к перекрестку, он пробормотал: «Кто я такой, чтобы с уверенностью утверждать, что может, а что не может произойти в этом почти незнакомом нам мире?»

Глава десятая

Но нам неведомо, что уж судьба,
Вытаскивает сеть из жизни тины,
И в ней сверкнешь, как миру похвальба
В последний раз, Фастина...

Настойчивый стук в дверь слуги Юнипера прервал здоровый сон Базиля, длившийся несколько часов. Проклиная эксцентричное время приема посетителей, установленное Септимусом Уоткинсом, Базиль с трудом поднялся с постели и усилием воли заставил себя встать под холодный душ, отчего его кожа тут же покрылась синеватыми пупырышками, хотя холодная струя и не принесла желаемого ощущения свежести. Низкие, серые облака затемнили рассвет. Расстилавшийся по земле туман затягивал белой пеленой город. Базиль прошагал два квартала к гаражу, где стояла его машина.

Он знал Уоткинса только по его репутации. Этот человек принадлежал к клану адвокатов, которые никогда не являлись в суд, но, несмотря на это, он на протяжении полустолетия был консультантом и доверительным лицом почти половины владельцев громадных состояний в Нью-Йорке. Он направлял деятельность их трестовских фондов, улаживал брачные и бракоразводные дела, исполнял их волю, хранил перечни ценных бумаг. Он пользовался такой широкой популярностью и так редко показывался на людях, что почти превратился в легенду. Бесконечные анекдоты лишний раз подчеркивали мудрую гибкость его ума и здравомыслие его жизненных суждений, но у Базиля, как и у большинства людей, не было ни малейшего представления о том, кем является этот человек, лишенный ореола привычного мифа.

Без десяти шесть холл большой конторы, расположенной на пересечении Бродвея и Уолл-стрит, был пустым, если не считать скучающего лифтера и уборщицы, устало водившей грязной шваброй по выложенному мозаикой мраморному полу с медными вкраплениями. Выйдя из лифта на двадцать шестом этаже, Базиль остановился у двух соединенных дверей с непрозрачным стеклом, за которыми не горел свет. Большими буквами на стекле было начертано: «Уоткинс. Фишер. Андервуд. Вэн Арсдейл и Трэверс». Он pokrutil ручки. Обе две-

ри были заперты. Он обнаружил маленькую кнопочку в стене и нажал ее. После четвертого звонка он начал подумывать о том, уж не водил ли умышленно за нос людей Уоткинс, изобретя такой простой способ, чтобы отбиваться от напора посетителей. Он уже хотел повернуться и направиться обратно к лифту, как вдруг стекло двери изнутри окрасилось желтоватым цветом, и она широко распахнулась. На пороге стоял щупленький живой человечек. С седыми, но густыми выющимися волосами, широким скуластым лицом и розоватыми щеками. Он казался мужчиной средних лет, волосы которого преждевременно поседели. Но ведь Септимусу Уоткинсу было уже за семьдесят.

— Надеюсь, мистер Уоткинс на месте в столь ранний час? — Базиль все еще никак не мог поверить в реальность такого необычного для приема посетителей времени. — Не передадите ли ему, что пришел доктор Уиллинг.

— Я и есть Уоткинс. Проходите, пожалуйста. Вы, должно быть, доктор Уиллинг, психиатр? Моя контора прямо по коридору. Сюда, пожалуйста.

Они прошли через просторную приемную, длинный коридор, через три частных офиса — просторных, пустых и неосвещенных. Наконец, он толкнул какую-то дверь в угловом офисе, который был больше других; из его окон по обеим сторонам открывался чудесный вид на нью-йоркскую бухту. Болезненное ноябрьское солнце боролось с белым плотным туманом, все еще закрывавшим небоскребы.

Базиль остановился перед камином из рыжевато-коричневого мрамора, в котором желтые языки пламени лениво лизали березовые поленья, удаляя из помещения утреннюю прохладу.

— Я не видел, как топят камин дровами со времени моего пребывания в Лондоне. Вы здесь готовите свой обычный пятичасовой чай?

Уоткинс ответил сердечной, открытой улыбкой человека, которого никто не сумел ни смутить, ни обмануть за все эти долгие годы.

— Я привык к определенному комфорту везде, где бы ни находился. Я не очень люблю чай, но у меня есть

небольшой бар за этой панелью. Если хотите выпить, нажмите кнопку.

— Нет, благодарю вас.— Базиль вновь полюбовался панорамой самого крупного в мире морского порта.— Не удивляюсь, что вы приходите сюда так рано. На вашем месте я вообще бы переехал сюда жить.

— Но я здесь так рано не по этой причине,— сказал Уоткинс, и в его голубых глазах проскочила хитрая искорка.— Вы, вероятно, были этим удивлены? Но я постараюсь вам все объяснить по порядку. Много лет назад, когда у меня была не столь обширная клиентура, я пришел к выводу, что деловому человеку постоянно мешают люди, которым просто некуда девать время. Решительно настроенная секретарша может оградить от явных надоед, от агентов по страхованию, продавщиц, торгующих шелковыми чулками, от самозванных филантропов, ходатайствующих об организованном милосердии, и просто от обычных бродяг, которые являются сюда за подаванием.

Она может даже отвадить нахальных репортеров, окружных руководителей, обычных «чайников» или просто мошенников. Но что вы прикажете делать с собственными клиентами, со своими партнерами, если они приходят ко мне, чтоб просто посидеть и потрепаться. Ведь нельзя же работать, когда они здесь торчат, но у вас не будет никакой работы вообще, если они прекратят появляться в конторе.

В конце концов я остановился на таком решении. Я назначаю особые часы для приема. Каждый день я прихожу в свой офис и нахожусь здесь с шести до семи утра. Я никому не отказываю в приеме, особенно тем, кто желает поговорить со мной лично, независимо от того, какой пост этот человек занимает и какое дело или отсутствие такового привело его ко мне.

Но здесь и кроется большое «но». Чтобы встретиться со мной, он обязан явиться ко мне в контору к шести утра. Значит, он должен встать с постели в пять, а то и в четыре тридцать. Из моих наблюдений за природой человека я сделал предположительный вывод, что ни один клиент не поднимается в такую рань только ради того, чтобы потрепаться со мной, не имея при этом никакого действительно важного дела.

— И вы оказались правы в своих расчетах?

— За последние двадцать три года мне пришлось только дважды толочь воду в ступе, принимая многоречивых визитеров, которым, в сущности, нечего было сказать. Я не имел против этих двоих ничего. Я понимал, что если им нравилось столь бездарно терять время, что ради этого они были готовы встать в пять утра, то они, конечно, заслуживали с моей стороны определенного внимания.

Большинство клиентов, узнав, что им предстоит прийти сюда к шести часам, если только они хотят застать меня в конторе, предпочитают встречаться с моими партнерами в более удобное для них время и обычно просят передать мне подробности интересующего их дела. Вы удивитесь, как мало у меня посетителей, но я все же рассматриваю свои условия как дело чести и никогда не отказываю никому в личной встрече, если только проситель возьмет на себя труд и явится ко мне в указанное время. И я на самом деле уверен, что за этот только один час никем не прерываемой работы я выполняю больший ее объем, чем за восемь часов, когда мне мешает постоянный поток посетителей. Само собой разумеется, я отключаюсь ровно в семь, перед отъездом. Всю оставшуюся работу я забираю с собой домой.

Базиль горько улыбнулся.

— Хорошо, мистер Уоткинс, я постараюсь быть не очень многоречивым. Мое дело не имеет абсолютно никакой важности для вас, но весьма важно для меня, иначе я бы не стоял здесь перед вами.

Уоткинс рассмеялся.

— В этом вся суть. Если это важно для вас, то я слушаю. Я всегда был против людей, донимающих меня «делами», не имевшими и для них абсолютно никакого значения, и приходящих, чтобы послушать самих себя. Садитесь, пожалуйста, и рассказывайте, что вас привело ко мне.

Базиль сел лицом к окну, повернувшись спиной к огню.

— Вы, или по крайней мере ваша фирма, действуете в качестве опекуна некой мисс Фостины Крайль. Мне хотелось бы узнать, кто унаследует ее собственность в случае ее внезапной смерти.

В глазах Уоткинса сразу же исчезли озорные искорки.

— Адвокаты не вправе предоставлять подобную информацию случайным посетителям.

— Я не совсем случайный. Я — помощник по медицинской части окружного прокурора и к тому же друг мисс Крайль. Вам известно что-нибудь о тех обстоятельствах, при которых она покинула Бреретон?

— Мне только известно, что она оттуда уехала, — осторожно ответил Уоткинс. — Она не сообщила мне причину отъезда. Во всяком случае, ей нечего особенно расстраиваться. В день своего тридцатилетия, в ноябре будущего года, она получит неплохое Христово яичко в виде своего наследства. Ее собственность в любом случае останется неприкосновенной.

— Я не говорю о ее собственности, — сказал Базиль. — Меня скорее беспокоит ее здоровье, может, даже и жизнь.

— Она консультировалась у вас как у психиатра?

— Нет, она не входит в число моих клиентов. Она консультировалась со мной как с другом. Но, как психиатр, я не могу закрывать глаза на то, что ее нынешнее положение в конечном итоге может сказаться на ее психическом здоровье. Не обратили ли вы внимание на тот факт, что последние два года она потеряла одно за другим два места. Не кажется ли вам, что в этом есть что-то странное? И всякий раз это случалось через несколько недель после начала учебного года. Оба раза ей пришлось расторгнуть договор.

— Будучи единственным попечителем мисс Крайль, я бы хотел узнать поподробнее о переживаемых ею трудностях. Может, вы сочтете мое любопытство за покушение на то доверие, которое она оказывает вам?

— Думаю, что нет. В любом случае я готов поступиться ее доверием, если это спасет мисс Крайль.

— Спасет? Но от кого?

Базиль кратко изложил адвокату приключения Фостины в Мейдстоуне и Бреретоне. Уоткинс внимательно его слушал. Когда Базиль закончил, в кабинете повисла напряженная тишина. Затем Уоткинс встал со своего кресла.

— Поразительную историю рассказали вы мне, док-

тор Уиллинг! Я слишком стар и умудрен опытом, мне ведь приходилось сталкиваться со множеством странных случаев, поэтому я не намерен отмахиваться от всего этого, как от истерики какой-то школьницы. Однако это не означает, что я принимаю объяснения, связанные с проявлением сверхъестественных сил. Не знаю, что и сказать.

— Я нахожусь точно в таком же положении. Но ведь существует вероятность, что у кого-то есть вполне определенный мотив, чтобы довести мисс Крайль до самоубийства или до безумия. Такой мотив может диктоваться каким-то психопатическим злым умыслом, но может объясниться и самой прозаически-материальной причиной в мире — собственностью. Вам известны наследники мисс Крайль или, может, наследник?

— Да, известен. У нее только один наследник.

— Кто он?

— Это я... — Уоткинс улыбнулся, заметив удивление на лице Базиля. — Видите ли, я не был до конца с вами откровенен. По закону я являюсь наследником мисс Крайль. В соответствии с завещанием, составленным ее матерью, если мисс Крайль постигнет безвременная смерть до ее тридцатилетия, то мне перейдут некоторые предназначенные ей драгоценности. Но между мной и ее матерью было заключено вербальное соглашение, по которому в таком случае я должен буду передать их некоторым лицам. Их имена она не пожелала внести в завещание.

— Не могли бы вы мне их назвать?

— К сожалению, я не вправе этого делать.

— Можете ли вы назвать их мисс Крайль?

Уоткинс отвел глаза в сторону и устремил взгляд через ближайшее к нему окно на бухту. Где-то внизу виднелся шпиль церкви Святой Троицы, а сама она была похожа на какого-то карлика, приютившегося среди гигантских офисов финансового мира.

— Нет, этого я тоже не могу сделать. Видите ли, дело мисс Крайль крайне необычно. Я расскажу вам то, что могу, так как, по-моему, это — кратчайший путь, который позволит вывести вас из заблуждений и исключить абсурдное предположение о том, что любая угроза в отношении мисс Крайль может исходить только из одного

направления — моей конторы. Но я буду вынужден опустить все имена. И прошу вас не разглашать наш разговор. Особенно нежелательна его передача самой мисс Крайль. Мне известна ваша добрая репутация. Я вам оказываю доверие, поэтому и вы должны вести себя соответственно в столь деликатной ситуации. Думаю, мне лучше рассказать обо всем самому, чем побуждать вас заниматься расследованием прошлого мисс Крайль.

— Значит, у нее есть прошлое?

Глаза Уоткинса сузились, а губы плотно сжались. На лице появилась какая-то скоротечная гримаска, словно он в данный момент тужился, чтобы сконцентрировать все свои умственные способности.

— Эта несчастная девушка Фостина Крайль — незаконнорожденный ребенок. Ее мать была — ну, как это назвать поделикатнее? — одной из тех, которых Киплинг первым назвал «представительницами древнейшей профессии на земле». Теперь мы знаем гораздо больше о доисторических нравах и отдаем себе отчет, что проституцию можно считать самой современной профессией. Здесь нет никакой собственности, не существует брака, а там, где нет брака, нет и порока.

— Значит, ее мать была проститутка? — воскликнул, не веря своим ушам, Базиль.

— Если выразиться точнее — куртизанкой, выдержанной в лучших традициях Нинон Д'Анкло. — Улыбка сузилась, стала более интимной, вероятно, он про себя смаковал какой-то скандал, выхолощенный неумолимым временем.

— Крайль — это ее настоящее имя. Но в кругу подобных ей профессионалок она была известна под другим.

— Вы, конечно, мне его не назовете.

— Думаю, лучше этого не делать. Она родилась в Балтиморе и была дочерью человека, который сочинял религиозные песнопения. В девяностых годах она убежала из дома и очутилась в Нью-Йорке, а затем в Париже. Там она стала звездой «полусвета» — одной из тех парижских гурий, которых с такими подробностями и с таким блеском описывал Бальзак. Она, по сути дела, была простой американской провинциалкой, но от своих великолепно образованных любовников научилась гово-

рить и писать на прекрасном французском языке, разбираться в музыке, понимать толк в искусстве и беллетристике... Это, конечно, непонятно американцу вашего поколения! Только Париж в девятнадцатом веке и Афины в век Перикла рождали таких женщин. Эта истинная представительница «полусвета» обладала всем, что имели наиболее знаменитые светские дамы, за исключением одного — права на законный брак и соответствующий статус, который этим браком приобретается. Она вела более роскошную жизнь по сравнению с любой респектабельной женщиной. У нее было состояние, она энергично занималась общественной деятельностью, пользовалась любовью и даже уважением со стороны своих обожателей. В наше время, молодой человек, даже порок мог обладать какой-то изысканностью. Но вашему поколению этого никогда не понять. Я говорю, что она была куртизанкой, но что это вызывает в вашем сознании двадцатого столетия? Накрашенные волосы, кроваво-красные ногти и особые слэнговые словечки типа «фрайер». А эта женщина была наделена умом. Она обладала превосходными манерами.

— А кто отец Фостины?

— Этот человек был нью-йоркцем и вложил крупные деньги в торговое судоходство. В 1912 году он без лишнего шума хотел получить развод от своей супруги и ради этого отправился в Париж. Там он нарочно разъезжал в роскошном авто с этой женщиной в Булонском лесу, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание. Одной-единственной прогулки с ней в открытом автомобиле было достаточно, чтобы шокированный таким пассажем пуританский суд признал это неопровержимым доказательством супружеской измены с его стороны. Для этой цели из Франции в Америку были доставлены свидетели, и таким образом он добился от жены желанного развода. В это время широкое распространение получили слухи о том, что он заплатил соучастнице тысячу долларов за привилегию прокатиться с ним в открытом автомобиле в общественном месте и использование ее имени на бракоразводном процессе. Она поставила условие, что он, доставив ее до порога дома, там и распрощается с ней навсегда, не претендуя больше ни на что, кроме, может, поцелуя руки. Но... Фостина — ребенок этой парочки.

— Выходит, они не расстались на пороге ее дома?

— Тогда они расстались. Но затем произошло нечто экстраординарное. А может, ничего такого особенного в этом и не было. Вероятно, она отлично знала свое ремесло. Может, та невероятная выдержка, которую она продемонстрировала во время их выезда в парк, входила в разработанный ею план. Видите ли, он отводил ей роль подставного лица. Эта женщина, в компании которой его все видели, должна была стать предлогом для развода. Однако эта женщина, которая стала для него лишь удобным поводом для осуществления своих замыслов, радикальным образом перевернула его жизнь: он без памяти в нее влюбился. Что, трудно в это поверить? Годы, проведенные в Париже, настолько отточили ее ум, что она стала самой интеллигентной и красивой женщиной, ее волосы казались снопом огня, кожа — белым снегом, а тело у нее было, как у Афродиты с картины Боттичелли...

— Вы близко знали ее в то время? — спросил Базиль и тут же спохватился, осознав, что выражение в таком контексте приобретало несколько иной смысловой оттенок.

— Да, мне была предоставлена такая привилегия, — просто, без подтекстов, ответил Уоткинс, но в его старых глазах промелькнула озорная искорка. — Кроме всего прочего, я был и адвокатом этого богача.

— Вот, значит, каково происхождение этой робкой, анемичной, мечтательной девушки! — Базиль старался обдумать все, что ему пришлось услышать о Фостине.

Уоткинс недоуменно пожал плечами:

— У нас в те времена бытовала поговорка — при флирте зачинают ханжу.

— Подозревает ли она об истинном положении вещей?

— Думаю, что нет. Как ее опекун, я исполнил все пожелания родителей и утаил от нее эти сведения. Поэтому я и не хочу, чтобы вы передали Фостине наш с вами разговор. Она подвержена условностям и вообще чрезвычайно чувствительная девушка. Это еще больше подорвет ее моральный дух, который и без того никогда не отличался особой крепостью.

— А ее мать влюбилась... в этого человека?

На старые глаза адвоката набежала пелена, и он устремил свой взгляд снова на бухту.

— Какой же мужчина может до конца понять такую женщину, как она? Да и зачем ее понимать? Он просто ею наслаждался! — И вновь Базиль заметил, что адвокат прибегает в своей речи к глаголу с двусмысленным значением.

— Он привез ее в Америку, подарил небольшой домик в Манхэттене и летний коттедж в Нью-Джерси, который был ее собственностью много лет. Он получил развод от супруги, но на своей пассивности так и не женился. Даже тогда, когда она от него забеременела.

— Почему?

— Мой дорогой юноша, все началось в 1912 году. Мужчины этого поколения не женились на женщинах такого сорта. Думаю, что сегодня он бы это сделал. Ваше поколение стерло все разграничительные линии. Вы теперь не называете этих женщин представительницами «полусвета». Вы называете их либо хозяйками сомнительных салонов, либо манекенщицами, либо «звездами» и женитесь на них без особых угрызений. Ваш подход к этому делу известен, ваше слэнговое словечко «путана» обычно употребляется в сочетании с прилагательным «дешевая», и вы обычно относите это выражение только к заляпанной грязию, не имевшей успеха в жизни проститутке. Ваше поколение готово стерпеть любое нравственное падение, но только не экономический провал.

— А разве ваше поколение не порождало зло, уподобляя Еву женщине легкого поведения? — возразил Базиль. — И все только ради получения удовольствия от мерзкого разврата. Нет, наше поколение более реалистично и не обладает такой бессердечностью.

— Может быть. Я слишком увяз в старых идеях, и у меня нет никакого желания подвергать их анализу. Само собой разумеется, наши условности заставили Фостину страдать из-за того, чего она не знала и не понимала. Она родилась в 1918 году. Ее матери в то время было сорок три, а отцу за пятьдесят. Он знал, что долго не протянет. Болезнь сердца, которую унаследовала от него Фостина. Он хотел обеспечить свою маленькую дочь и ее пользовавшуюся скандальной репутацией мать, но без особой огласки, что могло лишь нанести вред ре-

бенку. Он посоветовался со мной, и я пояснил ему, что он может не упоминать в своем завещании их имена и не вызывать таким образом грандиозного скандала, так как существовали другие, законные наследники со стороны разведенной жены, которые непременно оспорят в суде правомочность включения в завещание пункта, касавшегося его любовницы. Я предложил ему сделать им дорогой подарок перед смертью, то есть сделать то, к чему теперь часто прибегают, чтобы избежать уплаты налогов на наследство. Но, к сожалению, за день до подписания сделки у него произошел сердечный приступ, и он умер, не оставив матери Фостины почти ничего, если не считать двух домов и нескольких драгоценных камней. Она пришла ко мне за советом. Мы решили сохранить коттедж в Нью-Джерси, а дом в Нью-Йорке продать. Эта сделка принесла достаточную сумму, чтобы обеспечить приличную жизнь Фостине, включая и расходы на ее образование. Я был против продажи драгоценностей, сегодня они могут принести приличные деньги.

— Что вы называете приличными деньгами?

— Что-то около двадцати или тридцати тысяч долларов. Я не могу назвать вам точную сумму, так как давно не проводил переоценку, а рынок, как вы знаете, меняется постоянно. Речь идет о рубиновых серьгах, которые сегодня стоят гораздо дороже, чем раньше, но сколько именно, я не знаю. Эти драгоценности были единственным капиталом, который мать завещала Фостине. Она очень опасалась, что дочь может либо потерять из-за своей неопытности единственный источник благополучия, либо растратить деньги, и поэтому настояла на составлении такого завещания, по которому она становится наследницей только по достижении тридцатилетия. Но такое решение породило тот же вопрос, который задали и вы: кто же получит драгоценности, если и мать и дочь умрут до достижения Фостиной тридцатилетнего возраста?

Когда я задал этот вопрос матери, она долго молчала. Затем ответила: «Я оказывала вам доверие многие годы. Теперь я хочу довериться вам еще в одном. В последний раз. Этот план созрел у меня давно. Есть имена, которые я не могу внести в завещание. Если я это

сделаю, то при его оглашении эти люди будут сильно уязвлены. Поэтому в своем законном, открытом для общественности завещании я оставляю все эти драгоценности вам. Но в частном порядке я представляю вам список близких мне людей. Напротив каждого имени будет опись ювелирных изделий. Если мы с дочерью умрем до достижения ею тридцати лет, вы передадите драгоценности указанным в списке лицам, либо их прямым наследникам».

Это была необычная просьба с ее стороны. Да и всю ситуацию не назовешь рядовой. Я сразу понял, куда она клонит,— в списке были перечислены ее любовники, мужчины, которые когда-то подарили ей эти драгоценности. Большая часть из них, вне всякого сомнения, попала к ней в руки из семейных реликвий, и совесть этой романтически настроенной женщины начала тревожить ее в зрелом возрасте. Если Фостина оказывалась не в состоянии ими воспользоваться, то она хотела вернуть их женам и дочерям, у которых на них было какое-то сентиментальное право. Ну вот, чтобы защитить собственную репутацию, я направил ее к другому юристу, который и составил завещание. В нем я фигурировал в качестве наследника Фостины в случае ее преждевременной кончины. Это завещание хранится в моем сейфе. Если я наследую эти драгоценности, то передам их перечисленным в документе лицам и сожгу список.— Он рассмеялся.— Как видите, и камин в кабинете пригодится для этого случая!

— Не сомневаюсь,— сказал Базиль, размышляя про себя о всех тех скандальных тайнах, которые, вероятно, в этой голове роились под пышной седой шевелюрой.— Сколько лиц ознакомлено с этим списком?

— О нем не знает никто, кроме матери Фостины и меня. Он хранится в большом конверте из плотной манильской бумаги, а на печати из красного сургуча виден след от ее большого пальца. Так как ее уже давно нет в живых, подделать этот документ, сами понимаете, не представляется возможным.

— Скольким лицам известно о существовании списка?

— Я никогда не говорил о нем никому, кроме вас.

— У меня к вам еще один вопрос. Можете ли вы назвать имена, внесенные в список?

Ответ последовал незамедлительно:

— Дорогой доктор Уиллинг, я не вправе сообщить вам об этом. Я не могу предать веру этой славной женщины в мою честность и порядочность. Я также не смею пятнать позором знаменитые уважаемые семьи, которые оказались вовлеченными в этот старый, давно забытый скандал. Но я могу лично заверить вас в том, что это не те люди, от которых вы вправе ожидать какого-то подвоха или прямого насилия.

— Можете ли вы мне гарантировать, что эти люди не прибегнут к подлогу или прямому насилию, если на них будет оказано давление со стороны? — резко возразил Базиль. — Все эти события, по вашим словам, произошли давным-давно. Но финансовое положение семей может меняться с поразительной быстротой. Сегодня, вероятно, кто-то из них испытывает острую нужду в живых деньгах, хотя бы в нескольких тысячах долларов.

— По-моему, ни одна упомянутая в списке семья не может рассчитывать на получение более пяти или десяти тысяч.

— А что произойдет, если несколько лиц из списка умрут, не оставив после себя наследников? Если в конечном итоге останутся две семьи или даже только одна, — могут ли они в таком случае получить крупное наследство? Скажем, сумму настолько большую, которая может сообщить неуравновешенному, предрасположенному к насилию сознанию еще один побудительный импульс, который заставит мужчину или женщину преступить черту закона?

— Сумма, соответственно, возрастет, если в итоге останутся два наследника или один. Само собой разумеется, — признал Уоткинс. — Но почему в этом случае вы ссылаетесь на возможность неуравновешенной психики?

— Если кто-то разыгрывает эти подлые трюки в отношении мисс Крайль, то психику того, кто все это задумал и осуществляет на практике, никак не назовешь уравновешенной. Женщины типа ее матери могут порождать в таком рассудке какой-то садистский раж, который может коснуться и дочери.

— Вы забываете об одном,— перебил его Уоткинс. Печать на пакете остается нетронутой до сих пор, и я никому не говорил о существовании списка. Кроме нас, само собой разумеется. О нем не знает даже Фостина. Ибо если бы я сообщил ей об этом, то она, несомненно, заподозрила бы, что от нее что-то скрывают, и тогда, вероятно, докопалась бы до истины и до всей этой истории, связанной с ее появлением на свет. Поэтому ни одному из этих семейств не известно, что фамилии некоторых их членов внесены в список.

— Вы уверены в этом? Ведь и сама мать могла сообщить одному из мужчин о внесении его имени в список перед смертью. А тот мог передать их разговор другим, например, своим наследникам.

— Вряд ли мать могла вести себя столь опрометчиво. Во всяком случае, смею на это надеяться.

— Я тоже.

— Доктор Уиллинг, в разговоре со мной вы произнесли слово «убийство», хотя и не подразумевали именно это. Давайте будем более откровенны друг с другом. Все убийцы — практичные люди. Они никогда не станут привлекать внимание к своей жертве, разыгрывая в течение целого года тщательно разработанную комедию перед исполнением своего плана, не так ли?

— Мне это неизвестно, как, впрочем, и вам.— Мягким тоном Базиль постарался сгладить остроту брошенной реплики.— Что вы намерены предпринять, если я сообщу о существовании списка в полицию?

— Хочу искренне надеяться, что вы не предпримете столь безрассудного шага, если только еще раз все трезво взвесите. Ведь пока ничего не случилось такого, что могло навести вас на мысль о существовании физической угрозы Фостине.

Базиль уже поднялся со своего места, намереваясь выйти из кабинета, но вдруг остановился:

— Мистер Уоткинс, может, вы все же дадите мне маленький намек? Встречаются ли в списке следующие имена — Лайтфут, Чейз, Вайнинг, Мейдстоун, Айтчисон?

— Ни один адвокат не даст ответа на подобный вопрос.

Когда Базиль вышел из кабинета, Уоткинс все еще недовольно хмурился. Что-то ему, видимо, не давало покоя.

Глава одиннадцатая

Какие, призраки, исчадья зла,
Кружат, не распевая гимна,
Над клумбою, куда вошла
И скрылась в ней Фостина?

Сумерки сгущались, переходя в ночную темноту, когда Базиль вернулся домой после целого дня, проведенного в психиатрической клинике. Еще до войны его низенький домик в нижней части Парк-авеню казался ему бледным подобием того особняка в Балтиморе, в котором прошло его детство. Но и теперь, после стольких лет, проведенных там, за океаном, он оставался для него родным домом и таковым, вероятно, останется навсегда. Он уже привык к этому району, полюбил его, особенно в этот поздний час,— поток автомобилей, движущихся по улице в центр города, размеренно шуршащие по асфальту шины, мягкий свет из зашторенных окон в невысоких одноэтажных домах по обе стороны улицы, широкой старомодной авеню, блестящие, как мишура, огни здания Грэнд Сентрал с его ярко очерченными контурами на фоне голубого вечернего неба. После дня работы, которая требовала от него постоянного, огромного внимания, приятно было представить, как его слуга, заслышав лязг дверной щеколды, тут же отправится на кухню и приготовит ему холодный коктейль с мартини, который он любил выпить перед обедом.

Но сегодня его сладостным мечтам не суждено было сбыться. Базиль, проходя по мраморному, в шахматную клетку, черно-белому полу вестибюля, заметил, как осторожно отворилась дверь, ведущая в комнаты, и из ее проема вынырнула коричневая, вся в морщинах физиономия Юнипера, который тихо предупредил его:

— Вас ждут в библиотеке, доктор Уиллинг. Мистер и миссис Чейз и мистер Вайнинг. Вы подниметесь к ним? Или мне сказать, что вы звонили и сегодня домой не придете?

— Нет, нет, благодарю.— Базиль сразу же позабыл о своей усталости. Он поднялся по лестнице в библиотеку, которая одновременно была и жилой комнатой, и его кабинетом. Услышав шаги Базиля, какой-то молодой человек быстро повернулся и распахнул настежь двери.

Лампа освещала его золотистые волосы, которые мелко курчавились на маленькой головке.

— Доктор Уиллинг? Прошу простить за вторжение, но дело не терпит отлагательства. Я — брат Маргэриг, Раймонд Вайнинг. Миссис Лайтфут посоветовала мне обратиться к вам за консультацией. Я взял на себя смелость привести с собой мистера и миссис Чейз. Это — родители Элизабет.

Элизабет? Маргэрит? Базилю потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, что эти звучные имена принадлежат двум маленьким девочкам, Бет и Мэг, которые рассказывали ему, как видели одновременно и Фостину, и ее «двойника».

Он не видел отчетливо мужчину и женщину, присутствовавших здесь, так как они сидели в тени светильника. Она сидела в кресле возле погасшего камина, и лицо ее было скрыто какой-то причудливой тенью, отбрасываемой полями странной, сверхсовременной шляпы. Ее темная одежда хорошо сочеталась с тусклым фоном комнаты; лампа высвечивала только блестящий мех, наброшенный на плечи, и зеленоватый отблеск изумрудов на ее маленьких, сухоньких руках. Мужчина стоял, повернувшись спиной к камину, широко расставив ноги. У него была короткая, медвежья фигура с какой-то грубоватой статью, и лысая голова, блестящая, словно натертая воском.

Стоя в проеме двери, Базиль почувствовал слабый запах лимонной вербены. Но когда он дошел до середины комнаты, запах улетучился. Он не мог точно определить, от кого из трех гостей исходил этот запах.

Доротея Чейз с сердитым видом обратилась к Базилю:

— Миссис Лайтфут сообщила, что вам известно гораздо больше, чем всем нам, об этом несчастном случае в Бреретоне. Как вы думаете, забрать мне Элизабет из школы?

— Мне кажется, Бет должна немедленно покинуть эту школу, — вставил Чейз. — Надеюсь, вы согласны со мной, доктор Уиллинг? Лично я в данном случае ничего не могу предпринять. Мы с Доротеей находимся в разводе, и она осуществляет опеку над ребенком.

— Я уже почти решил забрать Мэг из школы, — до-

бавил Вайнинг,— но хочу, чтобы мне толково объяснили, что там происходит. Я очень обеспокоен.

Но особого беспокойства на его лице не было заметно. Он стоял небрежно, опершись локтем о книжную полку. У него было узкое лицо и длинные ноги, лишенная бедер фигура, которую писатели викторианской эпохи называли «аристократической». Базилю часто приходилось встречать такую худосочность в семьях фермеров и фабричных рабочих, и поэтому он не верил, что костную структуру человека можно изменить через несколько поколений достатком и бездельем.

— Это такая чудесная школа! — недовольно ворчала Доротея. — Флойд, мой муж, никак не может понять, какую выгоду сулит Элизабет общение с теми девочками, которые учатся вместе с ней. Если забрать ее оттуда, то этот шаг может перевернуть всю ее жизнь!

— Но ведь есть и другие школы? — сухо отозвался Чейз.

— Для нее существует только школа Бреретон, и тебе это отлично известно. В Америке она то же самое, что школа Родиян в Англии.

— Но после всего того, что там произошло, вряд ли она впредь останется таковой!

— Миссис Лайтфут сказала, что ужасная мисс Крайль покинула школу навсегда.

В эту минуту в разговор вмешался Вайнинг:

— Чем же так ужасна мисс Крайль? Мне до сих пор неясна ее роль во всех этих историях. Скажите нам, доктор Уиллинг, мисс Крайль на самом деле была главным действующим лицом, или же она сама оказалась несчастной жертвой?

Базиль важно заметил:

— Судя по всему, жертвой стала Алиса Айтчисон.

Наступила короткая пауза, в которой чувствовалась напряженность. Первой тишину нарушила Доротея:

— Черт возьми, что вы имеете в виду? Ведь произошел несчастный случай? Не так ли?

— Несчастный случай произошел тогда, когда мисс Айтчисон увидела мисс Крайль в такое время и в таком месте, где она никак не могла оказаться, — продолжал Базиль. — По крайней мере такова версия вашей дочери. Падение с лестницы могло привести к гибели мисс

Айтчисон, но что заставило ее упасть? Тот факт, что она увидела мисс Крайль, и неожиданная встреча вызвала у нее сильнейший шок.

— Уж не считаете ли вы, что мисс Крайль намеренно пыталась запугать мисс Айтчисон? — спросил Вайнинг.

— Может, это была вовсе и не мисс Крайль, — ответил Базиль. — У нее есть алиби: в то время она находилась в Нью-Йорке.

— Тогда кто же это был? — воскликнул Чейз. — Что же там, черт подери, на самом деле произошло?

Чтобы ответить на этот вопрос, Базиль подошел к полке, на которой были собраны книги, трактующие о границах ненормальной психики человека. Он взял в руки книгу в коричневом выцветшем переплете, опубликованную сто лет назад, подошел к настольной лампе, стоявшей на камине, и открыл ее:

— Вот что, как полагают, произошло в 1845 году в Ливонии с девушкой по имени Эмилия Саже.

Он начал громко зачитывать текст, вглядываясь в желтоватые страницы с порыжевшими потрепанными краями. Пока он читал, тишина становилась все более глубокой. Ему казалось, что нервы его слушателей напряжены до предела и вот-вот могут просто лопнуть.

История, которую он зачитывал, была удивительно похожа на то, что стряслось с Фостиной Крайль. Только женская школа находилась в Вальмиере, в сорока восьми милях от Риги, а учительница была француженкой из Дижона, ей было тридцать два года. Вначале появились сообщения о том, что мадемуазель Саже видели в разных местах на большом удалении друг от друга, так что практически у нее не было времени, чтобы переместиться из одного пункта в другой. Затем две идентичные фигуры этой женщины были одновременно замечены целым классом — сорока двумя воспитанницами — во время занятий по вышиванию: одна фигура в течение нескольких секунд сидела в кресле в классной комнате, а другая в это время за окном рвала в саду цветы. В то время, как первое видение в кресле пребывало в полной неподвижности, девушка за окном передвигалась «медленной, тяжелой походкой, словно человек, либо не отошедший до сих пор после глубокого сна, либо страшно уставший».

— Помилуйте, но об этом как раз и рассказывала Бет, когда увидела мисс Крайль,— проворчал сквозь зубы Чейз.

Базиль захлопнул книгу и обвел взглядом слушателей. Доротея Чейз сидела, откинувшись на спинку кресла, а ее украшенные драгоценностями тонкие руки по-прежнему покоились на коленях. В темноте можно было различить только ее рот — надутые губки, окрашенные в ярко-красный цвет. Указательный палец, которым Чейз тербил тонкую полоску усов над верхней губой, подозрительно дрожал. Но выражение его глаз оставалось серьезным, и было заметно, что он чем-то озадачен. Вайнинг не изменил своей позы и по-прежнему стоял, облокотившись рукой о книжную полку. Но хотя поза его оставалась неизменной, в его поведении произошла перемена. Он, казалось, впился глазами в чтеца, словно боялся пропустить мимо ушей хоть одно словечко. Глаза у него были такие же, как и у его маленькой сестрички,— ярко-голубые, подернутые странной поволокой, и блестели словно звездочки из сапфира.

— Были отмечены и другие появления «двойника», даже более любопытные,— продолжал Базиль.— В конечном итоге родители всех сорока двух учениц забрали своих дочерей из школы, а мисс Саже была уволена. Она, как утверждают, безутешно рыдала и кричала: «В девятнадцатый раз, начиная с шестнадцатилетнего возраста, я теряю место из-за этого!» С того момента, как она покинула школу Нойвельке, следы ее теряются. Никто не знает, что с ней случилось. Одна из учениц, тринадцатилетняя баронесса Юлия фон Гульденштюббе, рассказала эту историю своему брату, который занимался исследованием психики человека. Благодаря его усилиям этот случай вошел в медицинскую литературу и стал для немногих специалистов классическим примером появления «двойника», или «doppelgänger», хотя он оставался неизвестен широкой публике до настоящего дня.

В 1895 году Фламмарион, оказавшись в Дижоне, проявил любопытство и заглянул в нотариальную запись о рождениях за 1813 год — в этот год, по-видимому, и родилась мадемуазель Саже. В записях фамилия Саже (Sageé) не упоминалась. Но 13 января 1813 года в книге регистраций занесено рождение ребенка жен-

ского пола, родившегося в Дижоне, по имени Октавия Саже (Saget), но в другой транскрипции. По-французски обе фамилии, хотя и пишутся по-разному, звучат одинаково. Любой человек, услышав это имя, не мог знать его точное правописание, тем более тринадцатилетняя девочка Юлия фон Гульденштюттбе, которая к тому же не была французенкой. Вполне вероятно, что она ошибочно назвала учительницу Эмилией, хотя ее звали на самом деле Октавианой. Но в книге регистраций после записи о рождении стояло одно слово, имеющее большое значение для сути дела. Это слово — *незаконнорожденная*.

Такое рождение могло объяснить странствующую или ссыльную жизнь, которую Эмилия или Октавия Саже, судя по всему, вела в Германии и России. Дижон — не большой провинциальный город. Трудно найти где-нибудь еще в мире более подчиненных условиям и более пуританских людей, чем во французской провинции, тем более в девятнадцатом веке. Можно вполне допустить, что сама Саже потворствовала изменению правописания своей фамилии с целью сокрытия своего происхождения. И если и существовала какая-то психологическая основа для необъяснимых событий, произошедших в школе Нойвельке, то корни такого состояния следует искать в психическом расстройстве этой весьма чувствительной девушки в результате воздействия на нее груза представлений о своем незаконном появлении на свет. Но это, конечно, чистой воды спекуляция...

Доротея вздрогнула и повернула голову. Теперь свет от лампы упал ей на лицо. Под маской из косметики Базилю удалось различить ту особую неловкость, которую обычно испытывают фривольные женщины, когда им приходится заставлять себя казаться невероятно серьезными.

— На самом деле, доктор Уиллинг? Не хотите ли вы убедить нас в том, что мисс Крайль и эта девушка-французенка на самом деле могли вызвать какой-то призрак? Но ведь это противоречит здравому смыслу и — она долго подыскивала нужные слова и, наконец, с видом триумфатора, заявила — настолько непрактично!

— Тем не менее во всем этом кроется одно весьма практическое обстоятельство, — возразил Базиль.

— Вы это серьезно? — Вайнинг не скрывал своей язвительной иронии. — В чем же оно проявляется?

— Я имею в виду тесную параллель, существующую между этими двумя случаями. «Дело Крайль», по сути дела, является чистым плагиатом «дела Саже».

— Кроме факта незаконнорожденности, — пробормотал Вайнинг.

— Предположим, — продолжал Базиль, проигнорировав слова Вайнинга, — что тот, кто хотел навредить мисс Крайль, случайно прочитал или услышал историю о мадемуазель Саже и решил повторить ее с какой-то низкой целью.

— Но каким образом этот злоумышленник мог навредить мисс Крайль? — спросил Вайнинг.

— Она уже потеряла два места.

— Два? — Доротея была искренне удивлена.

— Да, именно два. Но это еще не все. Я убежден, что эти происшествия отрицательно сказываются на ее психическом здоровье. Они могут довести ее до... последней черты. Но существует только один инцидент, который не вписывается в «образец» Саже, — гибель мисс Айтчисон. Если только она не стала случайной жертвой какого-то трюка, предназначавшегося для мисс Крайль.

— Если я правильно вас понял, то появление «двойника» в Бреретоне после отъезда мисс Крайль преследовало цель напугать мисс Крайль, которая, конечно, не могла об этом не узнать, — сказал Вайнинг. — Очевидно, предполагалось, что «двойник» должен напугать любого, кто его там увидит. Но вряд ли до такой степени, чтобы испуганный человек упал, прокатился по ступеням каменной лестницы и свернул себе шею. Это просто несчастный случай.

Ум Чейза не мог угнаться за быстрым мышлением Вайнинга.

— Позвольте мне во всем разобраться, Рэй. Вы хотите сказать, что этот «двойник» представляет собой какой-то подлог?

— Естественно, — ответил Вайнинг, теряя терпение.

— Но тогда... — Чейз поглядывал то на Вайнинга, то на Базиля. — Но как это можно сделать? Как можно до такой степени подделать наружность мисс Крайль и выглядеть настолько правдоподобно, чтобы Алиса, увидев ее, сильно испугалась и даже упала от страха?

Вайнинг переадресовал вопрос Базилью:

— Ну, что вы скажете на это?

Базиль в ответ только вздохнул.

— Очень хотелось бы самому узнать.

— Если фигура этой женщины была копией фигуры мисс Крайль, то, вероятно, весь трюк был проделан с помощью какого-то отражения,— предложила свою догадку Доротея.

— Но ведь мисс Крайль рисовала на лужайке за стенами дома, а «двойник» сидел в кресле в самом доме.— Базиль отрицательно покачал головой.— По словам вашей дочери, мисс Крайль выглядела точно так, как и «двойник», но они не занимались одним и тем же в одно и то же время. Никакой рефлектор не способен создать такую иллюзию.

— Все это чертовски странно,— неохотно признался Чейз.— Я все время думал о зеркалах. Разве можно передать какую-нибудь живую картину, не имея при этом экрана?

— Да еще в разгаре дня,— рассмеялся Вайнинг.— Думаю, что нельзя, Флойд. Кроме того, трудно представить себе, как кто-то незаметно доставляет в Бреретон кучу необходимой аппаратуры, а затем столь же таинственно исчезает вместе с ней. В пансионе трудно сохранить секретность.

— Тогда что же это было? — спросил Чейз.

— Я не в силах привести ни одного разумного объяснения,— сказал Базиль.— Как только мне кажется, что я нашел его, тут же возникает какая-то деталь, которая никак не вписывается в общую картину. В одном случае так называемый «двойник», судя по всему, подчинялся тому импульсу, который мисс Крайль в себе подавила, когда он обогнал миссис Лайтфут на лестнице. Таким образом, «двойник» мог быть видимой проекцией подсознательной мысли мисс Крайль. Не знаю, как все это разумно объяснить... Или чем вызвано замедление речи мисс Крайль, когда она разговаривала по телефону, а в этот момент мисс Айтчисон лежала на земле и умирала...

— Может, в этот момент она находилась под влиянием наркотиков,— предположил Чейз.

— Если это так, то их прием был рассчитан с по-

разительной точностью,— ответил Базиль.— Окажись я на месте миссис Лайтфут, я бы с радостью выпроводил из школы и Элизабет, и Маргэрит, включая и мисс Крайль. И я бы уволил Арлину Мёрфи.

Вайнингу такие слова пришлось не по вкусу:

— Не хотите ли вы сказать, что Мэг...

— Каким бы ни было объяснение, здесь где-то должен скрываться человеческий фактор. Если отдалить друг от друга всех, кто в этом был замешан, то, может, все эти странные явления прекратятся.

— Но могут и продолжаться,— резко возразил Вайнинг.— Благодаря вам, доктор Уиллинг, я принял решение. Моя сестра немедленно покинет Бреретон.

— И я требую, чтобы Бет немедленно ушла из этой школы. Ты слышишь, Доротея? Я обращусь в суд, если потребуется,— проворчал Чейз.

— Ну...— Доротея перебирала пальцами свои изумруды.— Может, на следующий год отправить ее в Партингтон? А до конца года я найму ей домашнего учителя. Но все это кажется мне ужасно... непрактичным. Какое отношение мы с Элизабет имеем к тому, что произошло в Ливонии сто лет назад?

Она поднялась, натягивая перчатки. Мужчины вышли следом за ней в вестибюль. Там, при ярком свете люстры над головой, она предстала перед Базилем как законченный образец искусства из какого-нибудь салона красоты — окрашенные хной каштановые волосы, румянец кирпичного цвета на щеках, пунцовые губы и ногти, густо намазанные краской ресницы, и под всем этим слоем искусственной красоты просвечивала старая, высохшая плоть, отмассированная, упомаженная кремами и пудрой. Все это отличалось такой кричащей безвкусицей, что Базилю пришел на память один смешной французский фарс, который ему довелось видеть много лет назад.

Невеста удаляется за экран, чтобы раздеться перед первой брачной ночью. Вначале на пол из-за ширмы летят ее одежды. Потом взлетает парик, фальшивые зубы, ресницы, стеклянный глаз, деревянные протезы рук и ног. Наконец, жених, теряя терпение от столь томительного ожидания, заглядывает за экран, а там никого нет. Только кучка одежды на полу. Может, этот шедевр

галльского остроумия и отражает в какой-то мере и первую брачную ночь Флойда Чейза?

Базиль заглянул в глаза Доротей, эту единственную принадлежность ее тела, которая так или иначе не была подделана. Радужная оболочка у нее была светло-коричневая, и, что особенно любопытно, ее глаза были какими-то мелкими и пустыми. Складывалось впечатление, что глядишь через слой воды в несколько сантиметров на скучное, мутное от грязи лицо. Эти глаза ни о чем не говорили.

Еще в вестибюле Доротей, намеренно игнорируя своего бывшего мужа, обратилась к Вайнингу с предложением:

— Моя машина поджидает возле дома. Не хотите прокатиться со мной до центра?

— С большим удовольствием.

Он отправился за ней через улицу к припаркованному автомобилю. Шофер предупредительно открыл дверцу.

Чейз стоял рядом с Базилем, держа шляпу в руке.

— Мне бы хотелось переброситься с вами парой слов наедине.

Базиль взглянул на него:

— Видите ли, у меня назначена встреча с приятелем в ресторане.

— Разрешите, я вас туда подвезу. Можно поговорить и в машине.

Базиль хотел было ответить отказом, но какое-то униженно-просительное выражение на лице Чейза заставило его переменить решение.

— Хорошо. Подождите минутку. Мне нужно оставить телефонный номер ресторана на случай, если позвонят из клиники.

Когда Базиль вышел из дома, Чейз уже стоял на тротуаре рядом с щеголеватым авто с откидывающимся верхом. Салон его был обит кожей бронзового цвета. Именно такую машину ему давно хотелось иметь.

— Ну что у вас? — спросил Базиль, когда их машина влилась в широкую реку уличного движения.

— Это касается... Алисы.

— Вы имеете в виду Алису Айтчисон? Ту самую преподавательницу, которая погибла в Бреретоне?

— Да. Видите ли... я любил ее.

Глава двенадцатая

Ты яду дашь им, скажем так, Фостина,
Что же еще?

Ресторан находился на Мэдисон-авеню — небольшой, тихий, уютный, только что отремонтированный и сменивший свой интерьер. Здесь подавали нежирные блюда с южно-африканскими острыми приправами. Но на него пока не натолкнулась ни одна знаменитость, поэтому за столиками почти никого не было. Базиль отдавал себе отчет в том, что, когда он придет сюда в следующий раз пообедать, столики в центре уберут и освободившееся место предложат в аренду. Здесь требуется шумная, назойливая реклама, столкновение точек зрения, всевозможные ухищрения, и все только с целью обратить на себя внимание потенциальных посетителей...

Гизела сидела за столиком в одном из кабинетов. Она сняла шляпку. Базиль сразу же заметил ее гладко причесанные волосы и тонкие очертания лица. Она набросила на спинку стула свое бобровое манто. На ней было серое платье, наглухо застегнутое серебряными пуговичками.

Она взглянула на Базиля с улыбкой, затем с удивлением перевела взгляд на стоящего у него за спиной незнакомого мужчину.

— Мистер Чейз решил пропустить с нами по коктейлю, — объяснил Базиль. — Ему это просто необходимо.

— Как мило с вашей стороны, что вы притащили меня сюда, — сказал Чейз, переводя взгляд с него на Гизелу и испытывая, видимо, при этом щемящую зависть. — Я только выпью что-нибудь и уйду. Но, по правде говоря, мисс фон Гогенемс, я очень рад представившейся возможности поговорить с вами, как и с доктором Уиллингом. Дело касается Алисы. Она вам рассказывала... о нас?

— Не очень многословно, — ответила Гизела. — Хотя она и говорила о своем намерении навсегда покинуть Бреретон.

Официант, подойдя к столику, принял от Базиля заказ. Чейз подождал, пока они снова не оказались втроем.

— Да, она приняла такое решение,— продолжал Чейз.— Ведь я сделал ей предложение.

— Ах, вот почему она вырядилась в этот оранжевый капот,— сказала Гизела.— Хотела предстать перед вами во всем блеске, несколько не задумываясь о том, что подумают об этом окружающие.

— Может быть. Хотя, конечно, мне было все равно, как она одета. Я бы продолжал любить ее, даже если на ней была бы надета мешковина. Когда я разошелся с Доротеей, то поклялся больше никогда не жениться. Но у Алисы было все то, чего не было у Доротей,— веселость, теплота, жизненная сила, человечность...

Официант поставил перед ними три бокала. Чейз с рассеянным видом чуть отхлебнул из своего, словно дегустируя напиток, и не выражал при этом никаких чувств.

— Вот почему с самого начала я был уверен, что это — не самоубийство. Ведь она была счастлива. Я это знаю. Она хотела жить. К тому же у меня еще много денег, несмотря на все усилия Доротей конфисковать все до цента. Я мог бы дать Алисе все, что она пожелала бы. Какая глупая, бессмысленная смерть, наступившая в тот момент, когда она была на пороге исполнения всех своих желаний.

— Несчастный случай,— перебила его Гизела.

Чейз остановил ее взглядом.

— Знаете, ведь очень просто сломать шею человеку. Нас этому обучали в армии. В определенном положении стоит положить ладони на голову человека, сделать резкий рывок в сторону, и шейные позвонки выскакивают.

Иллюстрируя такое действие, он поднял обе ладони с растопыренными пальцами вверх, удерживая их на одной высоте на расстоянии размера головы. Его рывок в сторону отличался какой-то противной четкостью и резкостью, словно он в этот момент демонстрировал отдавание воинской чести или какое-то упражнение из военной подготовки, что, естественно, нужно было использовать в подчеркнуто щеголеватой воинской манере...

— После этого можно выпустить тело из рук и не препятствовать его падению на лестничные ступеньки. Можно разорвать подол платья, отшвырнуть туфельку

в сторону. Все это займет несколько секунд. А потом по-
пробуй, докажи, что это не несчастный случай!

Гизела открыла рот: «Но...»

Чейз перебил ее монотонным, печальным голосом.

— Ее ненавидели трое: Доротея, моя бывшая супруга, Раймонд Вайнинг и Фостина Крайль. Доротея при мысли о моем новом браке испытывала страх и ревность. Особенно, если речь шла о такой молодой женщине, как Алиса, которая могла иметь от меня нескольких детей. Таким образом, все они могли претендовать по наследству на те деньги, которые в противном случае оставались бы у Бет. Рэй Вайнинг год назад был помолвлен с Алисой — глупая детская интрижка. Но, кажется, она его отвергла. Мне известно, что между ними вышла ссора. У Алисы был острый язычок, и, как мне говорили, ей нравилось поддразнивать Крайль.

— Мне как-то трудно представить женщину, которая ломает шею другой, — сказала Гизела. — Женщины скорее прибегнут либо к пистолету, либо к яду.

— Охваченная ревностью женщина в гневе способна на что угодно, — возразил Чейз. — Даже столкнуть другую женщину с каменной лестницы. А по словам Бет, мисс Крайль именно так поступила с Алисой... Скажите, мисс фон Гогенемс, вы сами что-нибудь видели?

— Нет, к сожалению, ничего. Только Алису, порванный подол ее платья и лежавшую в стороне туфлю.

— Может, какие-то следы?

— Нет, следов я не видела. Но тогда я и не старалась их обнаружить.

— Ладно. Думаю, все это напрасные надежды. Нам никогда не удастся выяснить, как именно умерла Алиса.

— Вы же знаете, что Фостина в это время была в Нью-Йорке, — продолжала Гизела. — Я разговаривала с ней по телефону как раз перед тем, как обнаружила труп Алисы.

— Насколько мне известно, мисс Фостина Крайль — единственный человек в мире, у которого никогда не будет алиби... Не знаю, что и думать! Спасибо за выпивку. Должен идти. Всего хорошего. — Чейз поставил пустой бокал, встал со своего места и зашагал по проходу между столиками по направлению к гардеробу.

Гизела посмотрела на Базиля.

— Как ты считаешь, что же на самом деле произошло с Алисой?

— Не знаю. Возможно даже, что сам Чейз ее убил. Ведь он мог выуживать у тебя сведения о том, заметила ли ты следы на месте преступления, или какие-то другие улики.

— Любовная ссора?

— Может быть, что-то в этом роде. Скажи, она на самом деле любила Чейза?

Гизела поморщилась.

— Но ты же видел и его, и Вайнинга.

— Вайнинг, конечно, более привлекательный тип для женщины.

— Думаю, что да. Конечно, о таких вещах трудно судить с уверенностью. Иногда довольно уродливые мужчины нравятся женщинам. А мужчин привлекают «прекрасные» уродки. Но нельзя не считаться с тем, что Чейз — состоятельный кавалер, а Алиса ужасно устала от тоскливой жизни обычной преподавательницы в школе... Какой ужас, если Бет Чейз на самом деле что-то видела вчера. Но может ли ребенок в таком возрасте обладать такой остротой ума, чтобы воспользоваться всеми историями, рассказанными в школе о Фостине, и тем самым отвести подозрения от своего отца? А может, все эти невероятные истории с Фостиной — лишь плод оптического обмана?

Базиль покачал головой.

— Не так все просто, дорогая. Миссис Лайтфут сказала мне, что Фостина была вынуждена оставить школу Мейдстоун в прошлом году по той же причине.

— Боже мой, но ведь в этой школе училась и Алиса!

— Да, и при этом Алиса всегда любила поддразнивать Фостину.

— Ты хочешь сказать, что Алиса подстраивала злобные трюки в обеих школах, чтобы досадить Фостине? Эти трюки дважды стоили ей работы. Затем каким-то образом Фостина обо всем узнала и явилась в Бреретон, чтобы отомстить Алисе?

— Но тогда кто же разговаривал с тобой по междугородному телефону?

— Я сразу узнала голос Фостины. — Гизела нахмурилась. — Я ни с кем не могла перепутать этот слабый,

вялый, далекий голос. И мне известно, что действительно звонили из Нью-Йорка. Коннектикутская полиция надела соответствующую справку в телефонной компании.

— Но некоторые люди обладают способностью подражать чужим голосам и делают это весьма искусно,— подчеркнул Базиль.

— Вряд ли Фостина прибегла бы к помощи другого человека и доверилась бы ему.

— Предположим, она притворялась, и телефонный разговор оказался мистификацией.

— Тогда исполнитель был обязан немедленно отправиться в полицейский участок после того, как вечерние газеты опубликовали сообщение о гибели Алисы. Нет, здесь кроется что-то другое. Мог ли трюк, разыгранный Алисой в отношении Фостины, каким-то образом отозваться на ней самой, испугать ее и даже вызвать глубокий шок?

— О каком трюке ты говоришь? Что могла на самом деле сделать Алиса, чтобы вызвать «двойника»? И каким образом это могло сказаться на ней самой?

На этот раз Гизела покачала головой.

— Я задавал себе этот вопрос десятки раз,— продолжал Базиль,— и не могу дать на него ответ. В Бретоне «двойника» видели четверо: довольно глуповатая горничная, две маленькие тринадцатилетние девочки и сама миссис Лайтфут. Взрослые свидетели — горничная и миссис Лайтфут — видели «двойника» при слабом, мутном свете. Никто из них не сумел разглядеть его лица. Никто не видел одновременно саму Фостину и ее... «заманку».

— Заманку?

— Да, если употребить это староанглийское слово. Его происхождение довольно трудно объяснить. Но, вероятно, призрак-двойник живущего человека называется «заманкой», так как его появление обычно символизирует предупреждение о скорой смерти человека. Мы ведь говорим о привлекательном, манящем лице. Такое выражение встречается у Диккенса. Обычно такой образ возникает при тусклом освещении, в сумерках, на заре, при лунном свете.

— Но эту вашу заманку или «двойника» видели в

разгар дня,—напомнила Гизела, пытаюсь опровергнуть его предположение.

— Да, но только дважды. Вначале две маленькие девочки, а потом только одна. Что касается Алисы, то мы уже никогда не узнаем, видела ли она кого-нибудь перед смертью. И только однажды «двойник» был замечен в тот момент, когда и мисс Фостина находилась в поле зрения. И этот самый странный инцидент опять же подтверждается лишь свидетельскими показаниями двух маленьких девочек.

— Но какой смысл им лгать? — спросила Гизела. — Они же на самом деле испугались. Бет даже упала в обморок, губы Мэг посинели и сильно дрожали. И я сама видела, в каком замедленном темпе Фостина совершала движения.

— Не думаю, чтобы они лгали сознательно, — ответил Базиль. — Но даже взрослые люди часто видят то, что хотят увидеть. Обе девочки, конечно, слышали все эти странные истории о Фостине до того, как увидели собственными глазами это — уж не знаю, что. Сплетни подготовили их психику к такому восприятию, и они могли сильно преувеличить сходство фигуры, сидевшей в кресле, с настоящей мисс Крайль.

— Но чья фигура была в кресле? И почему она там оказалась? Была ли это та самая фигура, которую видели в Мейдстоуне год назад?

Базиль вздохнул.

— Вначале я испытывал большой соблазн, хотел поехать в Вирджинию. Но все эти странные случаи произошли там год назад. И теперь тамошние свидетели вряд ли смогли бы вспомнить с большой точностью те детали, которые нам необходимо знать, — я имею в виду подробности об освещенности места встречи, дистанции, отдельные детали одежды и т. д. По словам самой Фостины, «двойника» в Мейдстоуне видели при всех видах освещения — утром, в полдень и вечером, но это всегда происходило на почтительном расстоянии.

— Мог ли, по твоему мнению, кто-нибудь отважиться на такой трюк и повторять его в течение года только ради того, чтобы потерзать несчастную Фостину?

— Ни один человек в здравом уме этого не сделает.

— Бет сказала, что Фостина протянула к Алисе руку и сильно толкнула.

— В результате Алиса могла испытать гораздо более сильный шок, если такой образ оказался нереальным.

— Или если Алиса считала его нереальным,— поправила ее Базиль.

— Ну вот,— рассмеялась Гизела.— Ты никак не можешь примириться с идеей, что такое вполне возможно! Мне это дается легче, так как я воспитывалась в Европе. Наша древняя цивилизация скептически относится ко всевозможным верованиям, даже к тем верованиям современной науки, к которым вы, американцы, проявляете прямо-таки религиозное рвение. Этого о нас, европейцах, не скажешь, так как наша цивилизация прошла через ряд интеллектуальных революций. Вновь и вновь приходилось замечать, как наука одного поколения становилась мифом для следующего. Мы помним, что науке об электричестве от силы два столетия. И ведь только какие-то десять лет назад ученые-физики с весьма солидной репутацией утверждали, что расщепление атома невозможно. Мы слишком хорошо помним печальную старую пословицу: *все пройдет...*

А прошлое всегда с нами, оно дает о себе знать. И в наших привычках, и в наших семьях, домах, наших книгах. Какой-нибудь старинный замок или крепость—это не только место, о котором мы читаем в книгах, там до сих пор живут люди. Странные вещи происходят в этих старинных жилищах типа Вассерлеонбург или Гламис. Но живущие там люди настолько привыкли к необъяснимым явлениям, что утрачивают перед ними страх и даже всякий интерес к ним. Вы либо начнете все отрицать, либо приступите к расследованию. А они просто улыбнутся и, пожав плечами, скажут: *«Все пройдет, и это тоже...»*

— Не пытаешься ли ты заставить поверить меня, что ты не испугалась бы, если бы вдруг столкнулась лицом к лицу с тем, что увидела Айтчисон? В своем первом письме, в котором речь шла о Фостине, ты не проявляла подобной смелости!

— Но тогда я не знала, как это все объяснить. Незвестное всегда наводит ужас. Но теперь я знаю и не вижу, отчего мне бояться любого изображения такой роб-

кой, застенчивой и беззлобной девушки, как Фостина Крайль. Если подобные явления существуют, то они составляют часть природы, так как, несомненно, ничего сверхъестественного в мире нет. То, что происходит, является естественным независимо от того, приемлемы такие инциденты для науки или нет. Только догматически настроенные скептики, вроде Алисы, могут впадать в глубокий шок в подобных обстоятельствах — ужасный шок, как результат внезапного расхождения между тем, во что веришь, и тем, что видишь на самом деле. Я бы не испытала шок, так как мне известны и другие случаи, подобные этому.

— А тебе самой приходилось испытать нечто подобное?

— Нет, не приходилось. Но моя прабабка Амалия де Буасси обладала кое-каким личным опытом. Ее отец служил во французском посольстве в России, и ее отправили в одну частную школу в местечке Вальмиера в Ливонии.

Базиль встрепенулся:

— Школа Нойвельке?

— Ты о ней слышал?

— Да, я слышал об Эмили Саже и о том, что там происходило. В конце концов моя профессия — психиатрия, и любое проявление паранормальной психологии представляет для меня особый интерес. А почему ты прежде не говорила мне ничего об Эмили Саже?

— Ты помнишь наш первый разговор о Фостине? В тот вечер в «Лебедином клубе»? Там я сказала тебе, что в моей зыбкой памяти хранится нечто подобное. Я как раз имела в виду историю с Эмилией Саже. Я слышала ее давно, когда была маленькой девочкой. Наверное, я так долго вспоминала этот эпизод, и, само собой разумеется, случай с «Воспоминаниями» Гете помог восстановить его в моей памяти. Когда тетя Амалия впервые рассказала об Эмили Саже, она также сообщила мне о том, что нечто подобное произошло с немецким поэтом Гете, и дала мне французское издание его «Мемуаров», в которых он сам рассказывает о своем поразительном опыте.

Если вспомнить историю Саже, то можно сказать, что она, в основном, напоминает историю Фостины, за

исключением одной детали — мадемуазель Саже была незаконнорожденным ребенком.

— И Фостина тоже. Но только, умоляю тебя, никому об этом не говори! Она ничего не знает.

— Боже, бедная Фостина...— Гизела явно растрогалась.— Вот почему она мне всегда казалась такой одинокой!

— Ее мать пользовалась дурной репутацией в Париже в начале века. Но она носила другую фамилию.

— Недавно я слышала псевдоним подобной женщины. Всего несколько дней назад... Сейчас... Алиса Айтчисон упоминала о ней, разговаривая с Фостиной в моем присутствии.

— Какое имя она назвала?

— Роза Дайамонд. Я слышала о ней постоянно. Она была королевой утонченного разврата в Париже в 1912 году, не так ли?

Базиль утвердительно кивнул. Роза Дайамонд. Это странное имя звенело в закоулках его памяти, вызывая отдаленные отголоски.

— Не она ли была замешана в скандальном бракоразводном процессе 1912 года? — задумчиво проговорил он.

— Не знаю.

— Вот это я и должен завтра выяснить. Да еще имя одного джентльмена, который фигурировал на процессе, если только Роза Дайамонд на самом деле была матерью Фостины.

— Если? Вероятно, она и есть. Только таким обстоятельством можно объяснить те грубые слова, которые произнесла Алиса.

— А что она сказала?

— Это произошло в день отъезда Фостины из Бретона. Мы обсуждали дизайн одежды Медеи в знаменитой греческой пьесе, разработанный Фостиной. Алиса заметила, что Фостина выбрала такой цвет костюма, который в Афинах носили только проститутки. Фостина возмутилась и призналась, что не знала этого. Алиса рассмеялась и заметила, что Фостине должно быть многое известно о традициях продажных женщин. И поинтересовалась, не слышала ли она что-нибудь о женщине по имени Роза Дайамонд.

— Но может ли ненормальный обладать таким печальным, неистощимым на выдумки чувством юмора? Базиль улыбнулся.

— Ненормальность — это, по существу, непредсказуемость. Вот и все.

В ответной улыбке Гизелы чувствовалась какая-то каверза.

— Из всех твоих предположений следует, что все это — искусно разыгрываемые трюки. Но представь себе на минутку, что существует такое явление, как нематериальный образ живого человека, который в течение какого-то времени могут наблюдать окружающие. А что, если Фостина и является одним из таких редких людей, которые бессознательно создают такой мираж человека?

— Ты разговаривала с миссис Лайтфут?

— Да, разговаривала, а почему бы и нет? Она удивительно интеллигентная женщина. Забудь про науку и подумай, не может ли выдвинутая ею гипотеза быть единственной, которая объясняет каждый шаг в деле о Фостине без всяких ухищрений и натяжек.

— На самом деле? — Его улыбка говорила о непреодолимом скепсисе.

Но Гизела продолжала совершенно серьезно.

— Ее версия объясняет все инциденты, произошедшие с Фостиной как в Мейдстоуне, так и в Бреретоне. И смерть Алисы могла предполагать, что все эти странные трюки дело рук самой Фостины или кого-то другого. Встретившись с Фостиной в Бреретоне, она не стала сплетничать и не понеслась сломя голову к миссис Лайтфут, чтобы посвятить ее в странные события, связанные с новой учительницей. Но она третировала Фостину, постоянно выражала к ней свое насмешливое презрение, которое обычно испытывают такие люди, как Алиса, к истеричкам или обманщикам. Когда же Алиса столкнулась лицом к лицу с обликом Фостины в разгар дня, зная, что я только что разговаривала с настоящей Фостиной по телефону, такая неожиданная встреча вызвала у нее глубокий шок, и она, поскользнувшись, упала на ступеньках. В таком случае, как видно, Бет Чейз говорила правду. Она ясно видела, что происходит у нее перед глазами.

— А теперь, прежде чем ответить на мой вопрос, хорошенько подумай. И постарайся быть поточнее: могла ли ты по выражению лица Фостины догадаться, что ей известно имя Розы Дайамонд?

— Честно говоря, не помню. Все, что тогда говорила Алиса, судя по всему, сильно задевало Фостину. А ей известна история ее матери?

— Адвокат уверяет, что она ничего не знает, но он может и ошибаться. Более того, мне придется прямо спросить об этом у Фостины.

— Но каким образом смогла Алиса разузнать о матери Фостины?

— И это предстоит выяснить. А как твоя тетка узнала, что мадемуазель Саже оказалась незаконнорожденным ребенком?

— Она не знала. Эти подробности годы спустя были опубликованы Фламмарионом, и я прочитала об этом у него.

— Тетка знала Юлию фон Гельденштюттббе?

— Нет, видишь ли, моя тетушка приезжала еще раз тринадцать лет спустя, в 1858 году. Там не осталось ни одной ученицы, знавшей мадемуазель Саже. Но еще жили старые слуги, которые знали ее. И эта история была хорошо знакома всем крестьянам в округе. Она стала неотъемлемой принадлежностью школы, ее традиций, что ли. Ее шепотом из уст в уста передавали девочки в своих спальнях, поздно ночью, сидя за чашкой шоколада в поздний час, когда все они давно должны были лежать в кроватях.

Базиль не смог сдержать улыбки.

— Вряд ли это — метод, позволяющий выявить все факты с полной научной достоверностью.

— Конечно, нет.— Гизела грустно улыбнулась в ответ.— Но одна деталь меня сильно поразила, когда несколько лет спустя тетушка вновь рассказала всю эту историю. «Двойник» Саже так часто появлялся в школе Нойвельке, что в конце концов девочки вовсе перестали его бояться.

— И ты хочешь, чтобы тебе поверили?

— Ты в этом не одинок. Я просто хотела тебе все объяснить. Такое часто случается, особенно с детьми. Ведь они не верят в то, что перед ними что-то невероят-

ное, не существующее на самом деле, так как они еще очень мало знают, и с трудом определяют, что возможно в этом мире, а что нет. По преданию, одна девочка настолько осмелела, что даже прикоснулась к «двойнику» Эмили Саже.

— И что она почувствовала?

— Одни говорят, что ощущение было похоже на прикосновение к туману, легкой прозрачной ткани. Другие вообще помалкивают по этому поводу. Разве можно дотронуться рукой до миража, отражения, даже если вы ясно их видите перед собой?

— Мне бы очень хотелось познакомиться с этой девчонкой! — заметил Базиль. — В ней чувствуется истинный научный дух, неподдельная смелость и мужество.

— Но почему она должна бояться того, что тихо, без всякого шума, на короткий промежуток времени появляется перед всеми и не причиняет никому никакого вреда? Все эти мимолетные видения не вредят человеку. Люди сами причиняют себе вред своими суеверными страхами!

— Как можно быть в этом уверенным? — резко возразил Базиль. — Если такие явления существуют на самом деле, то это, по сути, неисследованный континент. Тут все возможно. Не забывай, что, по словам Бетти Чейз, именно тогда, когда «двойник» протянул руку, Алиса упала и умерла.

Гизела после такого предупреждения несколько утратила свою самоуверенность. У нее расширились глаза, и в них отразилось беспокойство.

Базиль продолжал неумолимо развивать свою логику:

— Ты только что мне сказала, что Алиса поддразнивала Фостину именем матери. Если Фостина поняла такой намек, то она не могла не испытывать в эту минуту ненависти к Алисе, и такая ненависть могла привести к убийству...

— Нет, нет!

— Тебе известно, какое главное обвинение выносили ведьмам в средние века?

Гизела кивнула. Вид у нее был очень несчастный.

— Способность убивать человека на расстоянии? Но я в это не верю!

— Почему же? Ты ведь веришь другим, не менее странным явлениям. Или же только их приятные аспекты заслуживают веры? Ты говорила о старом мире, о его традициях. Но нельзя забывать одного: *не позволяй ведьме жить...* Миф и тайна, кажется, всегда в конечном итоге приводили к жестокости и насилию. Жиль де Рэ и Торквемада. Такова главная причина, в силу которой и в нашем новом мире оказывают яростное сопротивление любому возрождению различных ненаучных верований. В нас все еще живут представления о расовой ненависти, о камере пыток и кострах — темная погожая ночь, лишенная святости и сопровождаемая потрескивающим пламенем и воплями сгорающей на огне жертвы, а в остекленевших глазах верующих отражаются его красные блики...

— В твоих устах это звучит апокалиптически...

— Но так было на самом деле. Действительно, ужасно.

— Ваша современная наука заживо сожгла тысячи людей в Роттердаме, Ковентри и Хиросиме, а в средние века огню были преданы всего несколько сотен человек.

— Но разве одно преступление оправдывает другое?

— Станешь ли ты отрицать то, во что веришь, только потому, что в прошлом это привело к насилию?

— Не в большей степени, чем стал бы отрицать науку только за то, что несколько ученых воспользовались ею во вред другим.

К столу подошел улыбающийся метрдотель и позвал Базиля к телефону.

— Черт знает что такое, — нахмурился вернувшийся через некоторое время Базиль. — Срочное заседание ученого совета в больнице. Будут обсуждать вопросы финансирования. Так что придется идти. Заседание состоится вечером. Всегда что-нибудь да помешает... Позволь по крайней мере, проводить тебя на вокзал.

— Но я не еду поездом. У меня есть машина, одолжила у подружки-учительницы. И у меня возникла более интересная идея — давай-ка я тебя подброшу к больнице.

Больница находилась в каких-то десяти кварталах отсюда. Им обоим хотелось, чтобы в эту минуту она оказалась где-нибудь подальше. Выходя из машины, Базиль

наклонился и поцеловал Гизеле руку, лежавшую на баранке. Он помахал ей на прощанье, затем быстро взбежал на крыльцо и вошел в двустворчатые стеклянные двери.

Гизела сидела неподвижно. Перед ее глазами стелился этот долгий вечер, словно мираж в пустыне. Эмоциональный вакуум следовало непременно чем-то заполнить. *«Не нужно звонить мне. Просто приезжай, когда сможешь... Либо в пятницу, либо в субботу...»* Она резко повернула руль и поехала на другую улицу, ведущую к Пятой авеню, где, если ей не изменяет память, находилась заправочная станция. Замечательная авантюра! Прекрасный сюрприз для Базиля! Может, тем самым ей удастся пробить непроницаемую стену его скептицизма. А чего ей опасаться? Ведь все, что происходит вокруг, вполне естественно. Во всяком случае, так и должно быть, иначе ничего бы не случилось.

Какой-то полусонный человек в замасленном халате подошел к бензиновому шлангу.

— Заправьте, пожалуйста,— сказала Гизела.— У вас есть дорожная карта штата Нью-Джерси?

— Конечно, есть. Какое именно место вам нужно?

— Небольшая деревенька на берегу океана. Она называется Брайтси.

Глава тринадцатая

Тот дикий зверь, алкавший мяса,
Оставил плоть ее и кровь —
И прежняя, дождавшись часа,
Явилась нам Фостина вновь...

«Дворники» на ветровом стекле начали свой танец. Через чистые, отполированные ими прогалены Гизела видела расплывчатые огни уличных фонарей сквозь неподвижную пленку дождя, который поливал черный асфальт дороги. Монотонный ритм танцующих «дворников», равномерный гул двигателя оказывали на нее какое-то гипнотическое воздействие, убаюкивали, клонили ко сну...

Из темноты фары выхватили блестящий щит: «Вы въезжаете в деревню Брайтси». Шоссе становилось главной улицей деревни. Свет горел только в местной аптеке и на заправочной станции. Гизела въехала на заправку и остановилась.

— Не скажете, где находится коттедж мисс Крайль? — спросила она у долговязого мужчины в джинсах и рубашке-джерси.

— Это в трех милях отсюда, там, за деревней. Как раз между океаном и сосновым бором. Нужно будет потом проехать еще с милю по лесной дороге. Затем на развилке свернете направо и увидите коттедж. Это единственный дом у дороги.

Когда Гизела свернула с главной магистрали, мимо промчался другой автомобиль, выскочивший с проселочной дороги в тот момент, когда она выехала на нее. Она сумела различить его густо покрытое каплями дождя ветровое стекло и картонку, на которой большими буквами было написано «ТАКСИ». Встречная машина направлялась к деревне, и вскоре она увидела свет ее фар на шоссе где-то позади себя. Теперь она ехала по ухабистой, вьющейся дороге, полагаясь в кромешной темноте только на свет фар. Низкорослые сосны стеной возвышались по обе стороны. Сосновые иголки усыпали всю землю, забивая подлесок. Оголенные изящные стволы деревьев превращались в подобие органных труб, через которые издавал громкие гортанные звуки бесноватый ветер. Уже слышался отчетливый шум морского прибоя, напоминавший ворчание настроенного на игривый

лад льва. Казалось, она уехала за тысячу миль от Нью-Йорка.

После очередного поворота дорога внезапно пошла под уклон. Огни фар выхватили из темноты высокую, худосочную фигуру женщины, которая брела, словно слепая, по обочине и вдруг попала в яркий сноп света. На ней было легкое пальто с темной шляпкой.

Гизела нажала на тормоза. Словно в каком-то головокружительном кошмаре она почувствовала, как автомобиль разворачивает и куда-то заносит, что она теряет контроль над управлением. Она сбросила ногу с тормозной педали и начала укрощать руль, который, судя по всему, вздумал проявить свой злобный нрав. Свет от фар выхватил глухую стену из сосновых деревьев, полоснул по чьему-то испуганному лицу, белому, как простыня, частично закрытому выброшенной вперед рукой в инстинктивном жесте самозащиты. Облик женщины четко отразился в сознании Гизелы за это короткое мгновение: раскрытые губы, отразившие страх глаза, глядевшие на нее в упор. Затем машина, еще раз содрогнувшись, замерла, и свет фар погас.

Гизела сидела тихо и дрожала. Через несколько секунд она обрела дар речи.

— Фостина! Где ты?

Никто ей не ответил. Но ведь это было лицо Фостины, она его четко видела... Может, она нечаянно сбила ее автомобилем, и Фостина лежит сейчас в канаве без сознания?

Гизела включила фонарик и медленно начала водить им, освещая желтоватым пятном света местность возле автомобиля и дорогу. Выбоину, в которую она угодила, уже затянуло жирной грязью. Дождь почти смыл следы ее покрышек, отпечатавшиеся в сырой, размытой глине. Никаких других следов не осталось, никаких отпечатков обуви. Она въехала на обочину и направила свет фар на сосновые иглы, толстым слоем лежащие перед автомобилем. Вероятно, они скапливались здесь годами.

Она уже не звала Фостину. Выйдя из автомобиля, она прошла несколько метров в обоих направлениях по обочине. Там никого не было. Гизела не заметила в грязи никаких следов. Никаких пятен крови. Ни потерянной перчатки, ни нечаянно сломанного каблука — ровным счетом ничего.

Она замерзла и промокла до костей. Снова забралась в машину. Включила зажигание, нажала на стартер. Двигатель не реагировал, словно боялся нарушить тишину. «Короткое замыкание,— подумала Гизела.— Поэтому, наверное, и погас свет». В темноте она ощупью отыскивала сигареты и прикурила одну из них. Впервые в жизни запах табака вызвал у нее тошноту. Только сейчас она поняла, что отнюдь не холодом, не ветром и не дождем объясняется ее состояние. Нет, это был страх.

Гизела взяла в руки фонарик и сумочку и вышла из машины. В данный момент ей позарез нужна была деревня, с ее светом, теплом, людьми и телефонами. Она пошла назад, не имея ни малейшего представления, куда могло вывести ее выбранное наобум направление.

Через несколько минут ей показалось, что гул прибоя стал более отчетливым. Она снова включила фонарик. Внизу под ногами грязь постепенно уступала место песку, а строй деревьев становился все реже. Вдруг между стволов она заметила свет и пошла прямо на него. Бор закончился, и теперь она шагала между двумя большими дюнами, покрытыми скудной растительностью. Свет исходил из какого-то дома, стоявшего на другой дюне. Гизела все отчетливее слышала гул океана, он, казалось, все время приближался к ней, но там, где он, по ее представлениям, должен был находиться, висела черная пустота беззвездного неба. Вдруг ее охватили сомнения. Но, преодолев страх, она решительно зашагала песчаной тропинкой по направлению к дому.

При свете, заливающим крыльцо, она разглядела чашеобразный изысканный в белую краску штaketника, которым был обнесен сад с растущими в нем дикими розами, восковницами и оливковыми деревьями. Она миновала широко распахнутые ворота и пошла к дому по песчаной тропинке. Дом был сбит из некрашеной дранки, ставшей оловянно-серой из-за воздействия жаркого солнца, а также хлестких ветров, несущих с океана брызги соленой воды и крупы песка. Ставни и оконные рамы выкрашены белой краской — уютный домик, смахивающий на сухонькую старушку в тафте с серебряным отливом и белыми игрушечными перчатками. Вдруг Гизела сбилась с шага. Свет, падавший на дюны, как оказалось, исходил из холла коттеджа. Передняя дверь была открыта и свободно раскачивалась взад-вперед на

петлях, издавая слабый металлический перезвон связкой ключей, свисавшей из замочной скважины.

Поднявшись на крыльцо, Гизела остановилась и торопливо позвала: «Фостина! Фостина!»

Никто ей не ответил. Она сделала еще шаг вперед, вошла в холл и замерла. Электрическая лампочка ярко горела, посылая свой свет через белый сатиновый абажур в металлическом обрамлении. Светильник стоял на телефонном столике, там, где лестница делала поворот, и его приглушенный, такой домашний свет падал на белые доски и обои белого цвета с большими зелеными листьями. Другого источника света в доме не оказалось.

Глухое тикание привлекло внимание Гизелы к старинным круглым часам, висевшим на противоположной от двери стене. Стрелки показывали двадцать минут двенадцатого. Рядом с ними начинала свой изгиб внутренняя лестница, а постланный на ступенках мшистый зеленый ковер послушно повторял каждый ее поворот. У самого подножья стояли два ободранных чемодана, те самые, которые Фостина взяла с собой, уезжая из Бретона.

Гизела начала медленно продвигаться к единственному просвету в комнате — арочному входу, расположенному справа от нее. Через него она увидела в глубине две жилые комнаты, разделенные двустворчатой дверью, сделанной наподобие высокого французского окна — прямоугольные стекла в узких деревянных рамках. Первая комната освещалась лампой, стоявшей в холле. Во второй, расположенной дальше от арочного проема, было сумеречно, и там властвовали темные причудливые тени.

Гизела еще раз громко позвала: «Фостина! Это я, Гизела. Где ты?» Тишина в доме казалась ей невыносимой. Гизела резким движением бросила на маленький столик сумочку и фонарик и обвела взглядом комнату, пытаясь найти выключатель. Наконец она обнаружила его на стене с другой стороны стола и обогнула стол, подняв руку вверх по направлению к кнопке. Вдруг ее нога наткнулась на что-то мягкое. Гизела остановилась. У нее перехватило дыхание.

На полу, лицом вниз, лежала Фостина Крайль. Она, вероятно, здесь и упала, когда пыталась заглянуть в

дальнюю комнату. На ней по-прежнему было наглухо застегнутое голубое пальто, а шляпка валялась рядом. Левая рука, подтянутая к плечу, была в кожаной перчатке. Правая рука лежала на голове, словно она хотела отразить удар. На ней не было перчатки. Она лежала рядом с ней и раскрытой сумочкой, из которой вывалились на пол все ее принадлежности — пудра, помада и кошелек. На одежде не было никаких следов дождя или пятен крови. Даже чулки и подошвы туфель были чистыми и сухими.

Лицо было закрыто покрывом прекрасных светлых волос. Гизела опустила на колени.

— Фостина! Тебе больно? Я ударила тебя бампером?

Трясущимися руками она никак не могла отыскать пульс на уже холодной руке. Но это было еще ничего. Во время войны, когда она училась на курсах медсестер, она не могла часто найти и свой собственный.

Мягким движением руки она убрала волосы с лица Фостины. Оно было таким же бледным, ненакрашенные губы раскрыты. Больше всего напугали Гизелу глаза с сильно расширенными зрачками, которые глядели в пустоту. Только теперь Гизела поняла, что Фостина мертва. Но на ее теле не было ни синяков, ни ран, ни крови.

Гизела вскочила на ноги и нажала кнопку выключателя. Но свет не загорелся. Она посмотрела вверх, на потолок, а затем снова на выключатель. Его рычажок нужно было двигать либо вверх, либо вниз. Теперь он находился в нижнем положении, где стояли три буквы— ВКЛ. Но свет тем не менее не горел.

Она медленно обвела взглядом комнату, словно пытаясь задать вопрос этим стенам, которые были свидетелями того, что здесь совсем недавно произошло. Лампа в холле продолжала гореть, и свет от нее, просачиваясь через арку, падал на бело-зеленые обои и мебель, обитую розовым ситцем. Отсюда она отлично слышала, как разбиваются океанские волны о песок, и больше ничего, даже биения собственного сердца, которое, вероятно, в эту минуту чуть не выскакивало из груди. Гизела была почти уверена, что она одна во всем доме, хотя, конечно, не могла целиком поручиться за это. Увидев на столике телефон, она подбежала к нему...

Глава четырнадцатая

А Дьявол повелел Судьбе
Забрать к себе Фостину...

Окрашенные фосфором стрелки часов показывали 2.57, когда на столике рядом с кроватью Базиля зазвонил телефон. За окнами еще было темно, но в воздухе уже ощущалась предрассветная свежесть. Не совсем очнувшись ото сна, он потянулся за трубкой и инстинктивно произнес:

— Алло?

— Базиль?

Низкий дрожащий голос окончательно пробудил его, словно его окатили ушатом холодной воды.

— Гизела? Ты где?

— В Нью-Джерси. В Брайтси. Произошло нечто ужасное...

— Что случилось? — Впрочем, ему и не нужно было задавать этот вопрос, все и без того было ясно. Только одно обстоятельство могло заставить ее позвонить в столь ранний час. Ее голос казался каким-то далеким, нереальным. Взяв себя в руки, она спокойно сообщила:

— Фостина умерла.

— А что ты там делаешь?

— Видишь ли, когда мы с тобой расстались, у меня оказалась в запасе куча времени. Я вспомнила, что Фостина просила приехать к ней в любое время, и решила выполнить ее просьбу. Когда я приехала сюда, она была уже мертва. Сердечный приступ. Я тут же вызвала полицию, но стражи порядка, судя по всему, сильно сомневаются в моей искренности. Они вели себя довольно грубо, но все же позволили позвонить тебе.

— Кто занимается случившимся? Полиция штата?

— Да, некий лейтенант Сиерс.

— Передай ему трубку. Я немедленно выезжаю в Брайтси. Не нервничай и не отвечай ни на какие вопросы до моего приезда. Где тебя искать?

— В коттедже Фостины... Базиль... я передаю трубку лейтенанту Сиерсу.

Голос в трубке отличался грубостью и резким тоном.

— Послушайте, все произошло в штате Нью-Джерси, а не в Нью-Йорке, вам ясно? Эта леди утверждает, что вы ее приятель и что вы намерены привезти сюда адвоката. Окей. Я не могу позволить ей пользоваться телефоном. К тому же окружной прокурор Нью-Йорка не имеет к нам никакого отношения.

Базиль включил лампу над кроватью и набрал номер домашнего телефона своего старого приятеля, помощника главного инспектора нью-йоркской полиции Фойла.

Инспектор спросонья ответил ему упреком:

— Послушайте, когда наконец вы, голуби, позволите мне поспать хотя бы минут десять! Что вам всем, черт возьми, нужно от меня в такое время? — Но голос Базилья и упоминание имени Гизелы его тут же отрезвили. — Простите, доктор. Я думал, что это кто-то из управления. Они время от времени позванивают старику, когда им приспичит. С этим Нью-Джерси возникнет наверняка куча трудностей. Ребята из полиции штата как-то странно толкуют границы своей юрисдикции. Но я позвоню начальнику полиции штата, своему приятелю, и он вызовет к себе Сиерса. Чем еще могу помочь?

— В Нью-Йорке есть адвокат Септимус Уоткинс.

— Конечно, конечно. Но там еще есть и Статуя Свободы. Я знаю обоих с детства.

— Не могли бы вы заставить его назвать имена людей, которые получают по наследству драгоценности матери Фостины Крайль. Ведь она умерла до своего тридцатилетия. Сам Уоткинс — ее законный наследник, но ему были сделаны устные распоряжения о передаче драгоценностей некоторым лицам.

— Как, говорите, имя матери? Крайль?

— Да, но у меня есть все основания считать, что в кругу лиц ее профессии она была известна под именем Розы Дайамонд.

Фойл присвистнул:

— Значит, она занималась тем же, что и Кора Пёрл. Боже, как давно все это было!

— Выступала ли Роза Дайамонд в качестве свидетельницы в нашумевшем деле о разводе 1912 года?

— Могла, конечно, но я точно не помню.

— Уверен, что она там была. И мне необходимо имя ответчика...

Когда автомобиль Базиля въезжал в Брайтси, солнце уже взошло. Проезжая мимо заправочной станции, он заметил знакомую женскую фигуру и подрулил к краю тротуара.

— Миссис Лайтфут?

В это время она была занята разговором с механиком и, обернувшись, изумленно воскликнула:

— Доктор Уиллинг?

Даже в этот ранний час у нее была превосходная прическа и одежда отличалась элегантностью. По-прежнему от нее исходила сила непререкаемого авторитета. Но было видно — что-то внутри у нее сломалось. Может, какая-то душевная опора, которая поддерживала ее до сих пор. Она была похожа на красивую морскую раковину, переливающуюся всеми цветами радуги, с ее блестящей глазурью, сложными витиеватыми переплетениями. Но стоило заглянуть вовнутрь, и вы обнаруживали там мертвую плоть, которая когда-то сделала эту ракушку, свой дом, темный хрупкий трупик, похожий на высохшее семя фасоли, гремящее в прекрасном, окружающем его полом пространстве стручка.

— Сегодня ночью мне позвонили из полиции штата Нью-Джерси, — начала она объяснять Базилю причину своего появления здесь. — Я приехала на поезде и никак не могу найти машину, которая могла бы отвезти к коттеджу мисс Крайль.

Механик из гаража слушал ее, не пропуская мимо ушей ни слова:

— Послушайте, милая леди, я уже сто раз объяснял, что у меня только один шофер, но в настоящее время он находится там, в коттедже, дает показания полиции, так как вчера вечером подвозил мисс Крайль домой с поезда. Здесь нет никого, кроме меня, а я не могу оставить заправочную станцию.

— Буду рад подбросить вас туда, — предложил Базиль.

— Вы очень любезны. Нужно спешить. Я чувствую свою ответственность за судьбу мисс Крайль. Доктор, как вы думаете, она покончила самоубийством? Если бы ее не уволили...

Механик стоял, прислушиваясь к разговору.

— Обычный сердечный приступ, так сказали поли-

дейские. Всем в округе известно, что у мисс Крайль было слабое сердце.

— Как нам туда добраться?

— Поезжайте прямо по дороге, на перекрестке сверните направо, затем выезжайте на берег океана.

Они ехали через деревню, которая, казалось, вся сияла в лучах восходящего солнца и была такой свеженькой, как умытое после ночного сна лицо. Машина въехала в небольшой еловый лесок, провалилась в выбоину, забитую грязью, и снова выскочила на песчаную дорогу, по обе стороны которой все реже встречались стройные деревья. Здесь их массивные вертикали разрубала, словно ударом топора, низкая линия горизонта, четко просматривающаяся там, где соединялось голубое небо с еще более голубым океаном. Машина мчалась среди дюн и вскоре выехала на широкий берег. Базиль окинул взглядом серый коттедж, расположенный на фоне самой высокой дюны, и подумал о том магнате времен короля Эдуарда, который запрягал в этом злосчастном месте Розу Дайамонд.

Конечно, смена обстановки после парижской жизни пришлась ей по вкусу. Ей не могли не понравиться океан и ветер, тишина и одиночество, если только ее душе не был чужд поэтический порыв. Но она, вероятно, не страдала от одиночества. Жизнь вдвоем с возлюбленным — вот идеал роскошной жизни любой куртизанки.

Около дюжины машин стояло возле белого забора из штакетника. Базиль поставил свой автомобиль рядом и выключил зажигание. К ним направился какой-то человек.

— Что вам здесь надо? — заорал он, демонстрируя полное отсутствие вежливости, которое невоспитанный человек считает проявлением демократичности.

— Мне нужно поговорить с лейтенантом Сиерсом. Мое имя — Уиллинг.

— А кто эта подружка?

— Это миссис Лайтфут. У нее работает мисс фон Гогенемс.

— Лейтенант занят. Что вам от него нужно?

— Спросите об этом у него самого. Он меня ждет.

Тон Базилия вызвал у полицейского прилив крови. Это сразу стало заметно по его лицу.

— Послушайте, я...

Дверь в доме резко распахнулась, и кто-то закричал:

— Добсон!

— Да, сэр?

— Это доктор Уиллинг? Немедленно проводите его ко мне!

— О'кей.— Добсон повернулся спиной к миссис Лайтфут и Базилю.— Вы слышали приказ лейтенанта? Тогда пошевелитесь!

Идя по тропинке, миссис Лайтфут говорила приглушенным голосом:

— Разве это не похоже на сценку из «Алисы в стране чудес»? Лакей, который был рыбой, стоял у двери и наносил оскорбления всем, кто к ним приближался.

Базиль оглянулся. Полицейский Добсон не спускал с них глаз. Он стоял, широко расставив ноги, подперев бедра руками. По выражению его глаз было видно, что он сильно озадачен, а его губы, медленно шевелясь, пытались выговорить фразу: «Лакей, который был рыбой»... Что за чертовщина?

На пороге открытой настежь двери стоял смуглый человек невысокого роста в лейтенантской форме.

— Прошу извинить меня за Добсона,— сказал он с торжественным видом.— Сейчас я занят с репортерами. Не могли бы вы подождать меня несколько минут в холле?

— А где мисс фон Гогенемс? — спросил Базиль.

— Все в порядке. Она скоро к вам присоединится.— Лейтенант стремительно исчез, прошмыгнув под аркой в жилую комнату.— Ну, ребята, давайте, пошевеливайтесь...— Затем его зычный голос перешел на шепот.

Миссис Лайтфут окинула одобрительным взглядом холл с его бело-зелеными обоями.

— словно шкатулка для драгоценностей,— заметила она, обращаясь к Базилю.— Или кукольный домик. Само совершенство в миниатюре.

— Вам известно, кто здесь жил до мисс Крайль? — спросил Базиль.

— Нет, а вам?

— Одна женщина по имени Роза Дайамонд.

— Неужели? — Миссис Лайтфут уставилась на него, не скрывая своего удивления.— Доктор Уиллинг, вы ме-

ня переносите на тысячелетие назад! Я и понятия не имела, что кто-то из вашего поколения мог слышать о Розе Дайамонд. Я и сама узнала о ней, когда была еще ребенком.

— Вам приходилось слышать имя того человека, который привез ее снова в Нью-Йорк из Парижа?

Миссис Лайтфут с подчеркнутым интересом рассматривала стены холла.

— Нет,— сказала она.— Насколько я знаю, такой человек был, но никто не называл мне его имени. Когда она покинула Париж, то больше не появлялась на людях.

— Кажется, он был ньюйоркцем,— добавил Базиль.— Ему удалось добиться развода с женой, которая назвала Розу Дайамонд соответчицей на процессе. Это не наводит вас на какую-то мысль?

Миссис Лайтфут отрицательно покачала головой.

— Видите ли, в то время я была еще совсем ребенком, и мне не полагалось знать, что в мире существуют такие женщины.

В эту минуту в арке дверного проема появился Сьерс с двумя потрепанного вида молодыми людьми.

— Отлично, мальчики. Это все.

— Благодарим, лейтенант.— Они бросили подозрительный взгляд на миссис Лайтфут и Базиль и вышли во двор через парадную дверь.

— Входите, пожалуйста.

Стеклянные двери были распахнуты настежь, а две открывавшиеся взору комнаты ярко освещались веселыми солнечными лучами.

Как только Базиль заметил бледное лицо Гизелы, он тут же позабыл и о Сьерсе, и о миссис Лайтфут. Широкими шагами он пересек комнату и взял Гизелу за руки. Они были холодными, но Гизела постаралась наградить его усталой улыбкой в знак признательности.

— Почему вы до сих пор ее здесь задерживаете? — обратился Базиль к Сьерсу.

Лейтенант довольно вежливо ответил:

— Откуда вы взяли, что я ее задерживаю? Она вольна идти, куда ей вздумается, только...

— Только что?

— Если только она расскажет нам обо всем. В та-

ком случае ей ничего не грозит. Ни ей, ни этому субъекту.

Базиль наконец заметил человека, о котором говорил лейтенант. В самый угол дивана забился какой-то человечек в старой армейской шинели без знаков отличия. У него были печальные, испуганные глаза.

— Но я уже трижды объяснял, лейтенант,— захныкал человечек.— Все было именно так, как я рассказал, клянусь Богом!

— Расскажите в четвертый. Это доктор Уиллинг. Он работает в Нью-Йорке в конторе окружного прокурора. Мой шеф, начальник полиции Ледерер, несколько раз звонил и требовал предоставить ему всю информацию. Всю! Понятно? А мы до сих пор, по сути дела, ничем не располагаем.

Не нарушая тишины, миссис Лайтфут взяла стул, стоявший возле Гизелы, и села, улынувшись ей в знак моральной поддержки.

Ее передвижение по комнате привлекло внимание Сиерса.

— Насколько я понимаю, вы — миссис Лайтфут, работодатель мисс Крайль?

— Да, я была таковой до недавнего времени.

— Почему она оставила вашу школу в разгар учебного года? Мисс фон Гогенемс отказывается назвать причину.

Тщательно подбирая слова, миссис Лайтфут заговорила:

— Мисс Крайль хорошо знала свой предмет — изящные искусства, театральное дело и рисование, но она не умела внушить к себе должное уважение.

— Почему ей это не удалось?

— Не тот характер, мистер Сиерс. Наверное, и в вашей профессии это не последняя деталь?

— Да, иногда может пригодиться,— ответил Сиерс, но в голосе его чувствовалось сомнение.— О'кей, Ронсон, продолжайте.

Базиль, стоявший между Гизелой и директрисой, уловил почти неслышный вздох облегчения миссис Лайтфут. Она откинула голову на спинку стула и прикрыла веками глаза, вероятно, чувствуя сильную усталость. Во

второй раз ей удалось спасти честь своей школы, и Бреттон не попал в заголовки газет.

Они сидели в первой из двух небольших гостиных, которые становятся одной продолговатой комнатой, если распахнуть настежь стеклянные двустворчатые двери. Из выходящего на залив окна в самом конце второй, сообщающейся с первой гостиной открывался прекрасный вид на пенящиеся крутые волны и голубое небо над ними.

Обе комнаты были почти одинаково меблированы — белые с рюшкой занавески, лампы с белыми абажурами, старомодные книжные полки из красного дерева, коврики полинявшего красноватого цвета, как и розы на мебельной ткани кушеток и кресел. Меняли ли здесь мебель с тех давних пор, когда готовили эти комнаты для Розы Дайамонд? Скорее всего нет. Пара выточенных из тикового дерева низких табуреток, с наложенным на сиденья пластиком красноватого мрамора, в крапинках, как сырокопченая колбаса, явно принадлежали тому времени. Цветастая мебельная ткань тогда была последним криком моды, ее только что начали привозить из Англии. Вероятно, Фостина сама занималась отделкой этих двух комнат, выдерживая их в тех же цветах, чтобы их можно было принять за одно помещение при раскрытых настежь дверях. Может, это ей пришла в голову идея соорудить здесь стеклянные двери, чтобы небольшой камин смог хотя бы немного обогреть меньшую комнату в прохладные осенние дни. В доме не было парового отопления. Конечно, трудно рассчитывать на радиатор в старом летнем коттедже. Может, это она сама распорядилась сделать двери наподобие высоких французских окон, чтобы через них, когда они закрыты, любоваться грандиозным видом океана из первой комнаты?

Размышляя об этом, Базиль как бы оживлял на короткое время в своем сознании Розу Дайамонд. Густые волосы рыжего цвета, собранные от ушей вверх, — такова была самая модная прическа в то время; длинная узкая облегающая юбка, которая только что сменила широкую, бывшую в моде несколько лет назад.

Роза в эти короткие мгновения предстала перед ним как нечто вполне реальное — со своей точеной фигурой,

ярко-огненными волосами. То она стояла перед его глазами в этой вот комнате возле окна, выходящего на океан, и оттуда до нее доносился прогретый солнцем солоноватый летний бриз... то в надвигающейся темноте грядущего вечера разливала чай по чашкам, стоящим на плите камина, а в нем весело потрескивали дрова. А рядом, склонившись над ней, вдыхал волнующий тонкий ароматный запах ее волос, прижимаясь к ним губами... Нет, нет... Тут создание мысленного образа давало сбой. Этот человек без имени, который был последним ее любовником и отцом Фостины, оставался где-то в тени, был, по сути дела, пустотой... Испытывала ли она когда-нибудь сожаление? Нет, только не эта женщина, которую Базиль столь живо рисовал в своем воображении. Она, вероятно, просто улыбнулась бы и процитировала Марвела:

«Могила — прекрасное для уединения место,
Но там не заключишь кого-нибудь в объятия...»

Все эти представления, словно искра, скользнули по его сознанию, вероятно, со скоростью, превышающей скорость звука или даже света,— со скоростью самого времени.

Человек в армейской шинели снова заговорил:

— Вчера вечером, сойдя с десятичасового поезда, мисс Крайль взяла мое такси. Я был рад прихватить какого-нибудь пассажира, так как летний сезон уже закончился. Я подвез ее к самому крыльцу, чтобы она не промокла, даже вынес ее чемоданы из машины и поставил их на крыльцо. Затем снова сел в машину и увидел, как она, стоя на крыльце, вставила ключ в замочную скважину. Я завел двигатель и оглянулся, чтобы убедиться, смогу ли развернуться здесь, минуя кусты роз. И тогда я снова увидел ее. Она оставила входную дверь открытой и зажгла лампу в прихожей. Я видел, что чемоданы стояли в холле, а связка ключей свисала под ручкой двери и позванивала от дуновения ветерка. В последний раз, когда я бросил на нее взгляд, она стояла рядом с лампой, которую только что включила. Над ее головой на стене я заметил часы, показывавшие 11 часов 5 минут. То же время показывали мои часы на щитке. Мне с трудом удалось аккуратно развернуться, я по-

ехал по влажному песку и, наконец, выбрался на твердое покрытие. Когда я проезжал через перекресток, мне навстречу попался какой-то автомобиль, который проехал мимо по направлению к коттеджу мисс Крайль. В 11.25 я вернулся в гараж. Вот все, что мне известно...

Базиль посмотрел на Сиерса:

— Ну и что здесь непонятного?

— В автомобиле, проехавшем мимо, находилась мисс фон Гогенемс. Она помнит, что на перекрестке видела такси. Когда она приехала сюда, то увидела, что входная дверь открыта настежь, а связка ключей торчит в замочной скважине. Лампа горела в вестибюле, а на часах было 11.20. Чемоданы стояли рядом с аркой. Мисс Крайль лежала на полу неподалеку от настенного выключателя. Она была мертва. Наш доктор докладывает, что на теле нет никаких следов насилия, просто ее больное сердце не выдержало и перестало биться в тот момент, когда мисс Крайль пыталась дотянуться до выключателя.

— Я все равно не вижу, что же вас смущает,— повторил Базиль.— Два показания — мисс фон Гогенемс и этого парня — совпадают до малейшей детали. Ничего не стоит восстановить остальное... Мисс Крайль сделала то, что на ее месте сделали бы сотни женщин, входя в неосвещенный, пустой дом ночью в полном одиночестве. Она оставила ключ в замочной скважине, чемоданы в холле и торопилась зажечь свет в доме. К несчастью, она умерла здесь, в этой темной комнате, так и не успев зажечь свет. Горел только светильник в вестибюле.

— О'кей, а теперь давайте разберемся во всем более спокойно,— ответил невозмутимый Сиерс.— Она прошла в эту комнату прямо из холла. Она не останавливалась и ничего не предпринимала. Не сняла ни пальто, ни шляпку, ничего, кроме одной перчатки. Даже не потрудилась закрыть входную дверь и забрать ключи. Сколько времени могло уйти на все эти действия?

— Думаю, меньше минуты.

— Отлично. Значит, она умерла в тот момент, когда Ронсон вел свою машину по дороге к сосновому бору и коттедж еще находился в поле его зрения. Он утверждает, что по спидометру держал тридцать миль.

Значит, ему понадобилось восемь минут, чтобы добраться до переезда. А машина мисс фон Гогенемс проследовала мимо него в 11.13. Таким образом, к этому времени мисс Крайль должна была умереть, не так ли?

— Либо умерла, либо умирала,— допустил Базиль.— Вероятно, она упала в 11.05, после того, как от дома отъехал Ронсон, так как даже не успела зажечь свет.

— Нет, нет, как раз времени у нее было достаточно,— поправил его Сиерс.— Она нажала на выключатель, но свет так и не загорелся, так как обе лампочки в потолке вышли из строя. Сколько времени могло потребоваться ей, чтобы нажать на этот выключатель? Насколько секунд?

— Не больше. И что из этого следует?

— А вот что.— Сиерс подался всем телом вперед, в глазах его мелькнул гнев.— Мисс фон Гогенемс утверждает, что когда она проезжала через сосновый бор после одиннадцати тринадцати, то своей машиной чуть не сбила какую-то женщину, в полном одиночестве шагающую под дождем. В ней она признала свою приятельницу мисс Крайль, которая в это время находилась в доме и была либо уже мертва, либо в бессознательном состоянии. Как же могло случиться, что мисс Крайль оказалась на дороге в полумиле от дома, от которого она удалялась в этот момент? Вывод один — кто-то из двух свидетелей лжет. Кто же именно? Ронсон или мисс фон Гогенемс?

Кто-то тяжело вздохнул, и вслед за этим раздался звон стекольных осколков, упавших на паркет. Миссис Лайтфут с удивлением рассматривала свою руку в перчатке.

— Я держала в руке пенсне,— неторопливо сказала она,— и, кажется, раздавила линзы.

Глава пятнадцатая

Нити, влажные от вина,
Легко ткались...

Машина Базиля, легко преодолев подъем, углубилась в сосновый бор и остановилась наверху, возле выбоины.

— Это случилось здесь?

— Да, — ответила сидевшая рядом с ним Гизела и посмотрела вниз, на выбоину, которая после ночной бури была теперь до краев наполнена жидкой грязью. Она начинала подсыхать, ее поверхность покрылась гладкой корочкой, на которой лучами расходились трещины. Чуть дальше этого леска дорога сворачивала влево и бежала дальше между двумя стенами тянувшихся к нему сосен, выстроившихся чередой, словно шеренга солдат, замершая по команде «смирно!». Над верхушками деревьев кружились чайки, купаясь в солнечных лучах, и радостно кричали. До слуха доносились размеренные удары волн — казалось, что лев, оставив свою игривость, издавал мощные утробные рычания.

— Любой адвокат защиты разгромит в пух и прах все свидетельства об опознании, составленные на мимолетном взгляде, да и то при свете автомобильных фар, — сказал Базиль. — И Сиерсу это хорошо известно.

— Это была Фостина. Я четко видела ее лицо, глаза, как вот сейчас вижу твои.

— Но ты ведь видела ее какое-то краткое мгновение! — напомнил ей Базиль.

— Я почувствовала удар, а когда вышла, вокруг никого не было. — Гизела уронила руки на колени, закрыла глаза и прислонилась затылком к изголовью сиденья. Ветер беспечно поигрывал ее волосами. — Фостина умерла... от сердечного приступа. Перед твоим приходом лейтенант Сиерс заметил, что, к сожалению, колапс произошел в такое время, когда никто не мог оказать ей помощь. Ее, вероятно, можно было спасти, если бы вовремя вызвали доктора...

— А не считаешь ли ты, что существует какая-то иная причина ее смерти, которая заставила ее умереть именно здесь и именно при таких обстоятельствах? Да-

же люди с очень больным сердцем не падают замертво просто так, без всякой причины, не так ли? По крайней мере пока на них не обрушится какое-то дополнительное напряжение или нагрузка на сердце.— Она сама внесла чемоданы в холл,— напомнил Базиль.

— Но это не такой большой груз.

— Она устала после поездки и всех терзаний, выпавших на ее долю за последние годы.

— Сомневаюсь.— Гизела широко открыла глаза и, не поднимая головы, устремила взгляд в бездонную глубину над верхушками деревьев.— Разве современная медицина не утверждает, что физическая смерть — это длительный процесс, а не внезапный акт, как это обычно выглядит в глазах закона?

— По закону смерть наступает тогда, когда останавливается сердце и прекращается дыхание,— ответил Базиль.— Но выражение «*ridor mortis*» переводится как «борьба мускулов со смертью», которая ведет к окоченению трупа. Эта стадия процесса умирания происходит уже после остановки сердца и дыхания. Во время войны русские физиологи сообщали о своих опытах по оживлению солдат час спустя после наступления официально зафиксированной смерти с помощью реанимации сердечной мышцы.

— Ну вот! Видишь, зафиксированная законом смерть — это чистой воды фикция! Детально разработанный ритуал захоронения заставил цивилизованных людей позабыть тот факт, что умирание — это длительный, медленный процесс, проходящий в естественном состоянии человека. Может, то, что мы называем «умиранием», относится, по существу, к процессу разложения и до исчезновения тела нельзя считать человека на самом деле мертвым. Адвокаты и судебные медики утверждают, что «момент смерти» наступает в определенный отрезок времени, но на самом деле это отнюдь не мимолетное дело... Это постепенное разложение той организующей силы, которая обеспечивает телу заданный ритм роста и температуры и поддерживает его функционирование как человека, отдельной личности. Последний вздох — это еще не конец жизни, а лишь начало умирания, то есть того процесса, который отнюдь не заканчивается прежде того, как истлеет тело.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что Фостина умерла медленной смертью? Настолько медленной, что смогла пройти по дороге какое-то расстояние, затем вернуться домой, где, наконец, ее схватил удар?

— Нет, я имею в виду другое.— Гизела выпростала ногу, обутую в элегантную туфельку из коричневой кожи аллигатора, запачканную грязью.— Подумай только, ведь на ее обуви не было следов грязи. Туфли ее были сухими и чистыми. Не было ни одного мокрого пятнышка ни на одежде, ни на чулках.

— Ну и что?

— Если настоящая смерть — это продолжительный и медленный процесс, если учесть, что возможно появление какого-то нематериального человека, то мог ли такой феномен пережить официально зафиксированную смерть материального тела в течение нескольких секунд? Тем более, если такая смерть оказалась насильственной остановкой сердца и дыхания, а не реальной, истинной смертью?

Базиль улыбнулся.

— Ну вот, что и требовалось доказать. Начнем толковать о происхождении привидений.

— Что ты имеешь в виду?

— С исторической точки зрения идея двойника живущего человека, судя по всему, возникла прежде представления о двойнике мертвеца. Большинство астрологов считают, что идея двойника первоначально появилась благодаря тем изображениям самих себя, которые мы видели в сновидениях. Как только примитивные греки и египтяне поверили в это, то они сделали и следующий шаг,— они захотели узнать, умирает ли такое нематериальное изображение одновременно со смертью самого тела? Или же оно может продолжать жить самостоятельно? Отсюда возник тот страх перед привидениями, который и заставлял древних римлян говорить о мертвецах либо только хорошее, либо просто молчать. Постепенно под напором времени и потока новых идей подобные представления трансформировались в надежду на бессмертие.

— Очень хотелось бы установить точное время остановки сердца Фостины.

— Зачем?

— Я хочу выяснить, случилось ли это в тот момент, когда я почувствовала, как задрожал автомобиль от удара.

Базиль повернулся к ней, не скрывая своего удивления.

— Уж не хочешь ли ты сказать...

— Меня не покидает одна мысль. Не умерла ли настоящая Фостина в результате шока, полученного в тот самый момент, когда моя машина столкнулась с ее блуждающим образом? Не был ли этот удар нанесен по бесплотной тени, и в результате погубил материальную субстанцию?

Базиль отрицательно покачал головой.

— Мы ведем с тобой какую-то странную беседу для двух нормально мыслящих, взрослых и хорошо образованных людей в двадцатом столетии. Это всего лишь отзвук мифов, собранных в «Золотом горшке». Старинные тотемистические сказания, например, о девушке, которая умирает, если срубает иву, или о мужчине, который появляется без правой руки после того, как какой-то охотник отсек топором лапу волку. Примитивные люди верили, что двойник может вселяться в животное, или растение, или даже камень и что человеку предстоит испытать немало страданий или даже вообще умереть, если насильно разрушить временное обиталище его двойника.

Гизела повернулась к нему и улыбнулась, вероятно, осознав всю шаткость своей фантазии.

— Но я же видела женскую фигуру на дороге. А ты нет. Поэтому тебе трудно понять, насколько все было реально. Ты-то можешь привести свои объяснения?

— Пока нет. Но мне хотелось бы выяснить еще некоторые обстоятельства.

— Например?

— Почему вообще Фостина явилась сюда? Ведь я настоятельно советовал ей оставаться в Нью-Йорке еще несколько дней. Мне казалось, что она вняла моему совету.

— Разговаривая со мной по телефону, она упомянула о встрече в этот уик-энд. Даже меня хотела познакомиться с каким-то человеком. Но я не знала, смогу ли приехать.

— Итак, она отправилась сюда одна,— добавил Базиль,— а смерть уже поджидала ее здесь...

— А смерть уже поджидала ее здесь,— медленно повторила его слова Гизела.— Но в чьем облике? Как все это могло произойти?

— Не знаю.— Он посмотрел на ее тонкое лицо, темные глаза с тяжелыми ресницами.— Я отвезу тебя в деревенскую гостиницу и дам снотворное. Позвоню ближе к обеду...

Местный ресторан находился в привлекательном, выкрашенном в белую полосу рубленом доме, стоявшем на небольшом пригорке в саду с высокими тенистыми деревьями. Из застекленного крыльца в сумерках прорывался яркий веселый свет, а там, за стеклом, стояли, выстроившись, столы с блестящими приборами и белоснежными салфетками.

Гизела сделала глубокий вдох, глотнув свежего сельского воздуха, и сказала:

— Трудно поверить, что вот перед тобой тот же мир, который предстал передо мной вчера,— непрерывный дождь, грязь, слякоть, темнота, тело Фостины, неподвижно лежащее на полу. Ужасная картина.

Базиль внимательно изучал карту вин.

— Я закажу белого бургундского. Это отличное вино, если только оно здесь не прокисло. Нужно проглотить несколько стаканов и забыть всю эту кошмарную ночь.

— А куда девалась миссис Лайтфут, покуда я спала?

— Вернулась в Бреретон. Сиерс дал ей обещание, что сделает все возможное, чтобы избежать упоминания ее школы в газетах. Ведь это очень ее волновало. Вопрос чести.

— Видишь, она неспособна сохранять хладнокровие в подобных ситуациях. Вспомни, как она раздавила стекла пенсне.

— Она очень испугалась. И я, кстати, тоже. Но через недельку-другую она вытеснит все эти неприятные воспоминания из памяти. Именно так поступают люди, которых такие мрачные картины не устраивают.

— Моя машина сильно повреждена? Ведь я ее одолжила.

— Короткое замыкание, как ты и предполагала. Теперь она стоит в гараже. Завтра можешь отправиться на ней в Бреретон.

— А почему не сегодня вечером?

— Сегодняшнюю ночь ты проведешь в гостинице. Я все уладил с миссис Лайтфут. Ведь и ты перенесла серьезный шок, и тебе следует хотя бы сутки отдохнуть и прийти в себя.

— А ты...

— Я хочу в последний раз осмотреть коттедж, теперь, когда там нет полицейских. Сиерс оставил мне ключи.

Официант принес бургундское, и Гизела сделала маленький глоток из бокала. Глаза у нее заискрились, и щеки слегка порозовели.

Базиль взял ее за руку.

— Ну вот, совсем другое дело! — В эту минуту он был совершенно счастлив и полностью душевно умиротворен. Но счастье длилось всего минуту. Когда официант отошел от стола, его место тут же занял какой-то потрепанный странный тип.

— Мисс фон Гогенемс?

Гизела посмотрела на него, и румянец на ее щеках тут же пропал.

— Я вас слушаю.

— Я репортер из «Нью-Йорк дейли рефлексор». Не могли бы вы рассказать о том, как столкнулись с Фостинной Крайль на дороге вчера ночью?

Базиль сильно сжал руку Гизелы. Его суровый взгляд запросто мог бы испепелить этого незадачливого молодого человека.

— Мисс фон Гогенемс не дает никаких заявлений для прессы.

— А вы кто такой? — поинтересовался озадаченный репортер.

— Моя фамилия Уиллинг.

— Базиль Уиллинг? Психиатр из конторы окружного прокурора?

— Вот именно.

— Вы приходите родственным мисс фон Гогенемс?

— Нет. Мы с ней помолвлены.

— Ах вон оно что,— смутился репортер, но не надолго.

— Об этом можно сообщить?

— Пожалуйста! Но, к сожалению, другой информации мы вам дать не можем. Вы меня понимаете?

— Конечно, конечно. Прошу прощения.— И молодой человек заспешил к выходу. Базиль слышал, как он выпытывал у метрдотеля, где находится ближайший телефон.

Теперь на щеках Гизелы пылал пунцовый румянец, который еще больше оттенял ее темные глаза, добавив в них блеска. Она сказала каким-то еле слышным, застенчиво-непорочным тоном:

— Довольно странный способ делать предложение о браке...

— Прости. Но мне понравилась эта идея, если принять во внимание все сложившиеся обстоятельства.

— Значит, ты не оставил мне ни единого шанса, чтобы отклонить его? Не так ли?

— Конечно, нет. Ну, а ты этого хочешь?

— Нет.

— Ты, конечно, имеешь в виду «да»?

— Ну — да!

Они оба рассмеялись, испытывая удовольствие от своего глуповатого смущения, понимая, что все сказанное здесь — отнюдь не верх остроумия. Они просто сидели и смотрели друг на друга, позабыв о стоящем на столе вине и обо всем остальном в этом мире.

Вдруг легкая тень набежала на глаза Гизелы.

— Послушай, а откуда ему все известно? Ведь Сиерс обещал мне ничего не сообщать репортерам.

— Об этом мог рассказать не только Сиерс. Детали твоих свидетельских показаний могли каким-то образом просочиться, скажем, через полицейских или через того же таксиста. Репортеры собрали все в кучу и представили собранный материал Сиерсу. Тот не осмелился отрицать. Кроме того, он мог посчитать, что такая реклама могла напугать тебя и заставить придумать иную версию. Вероятно, он уверен, что все это — лишь игра воображения. Но если он этого не добьется, то потребует, чтобы ты с помощью своего же воображения отказалась от своих показаний. Ибо твой рассказ —

единственная невразумительная часть его донесения. Если ты возьмешь назад свои показания, то оно превратится в убедительный отчет о случае естественной смерти, что поставит крест на всем этом странном происшествии. На обратном пути в гостиницу мы купим вечерние газеты и увидим, как много он наболтал репортерам. А сейчас давай продегустируем это замечательное французское вино, которое скорее всего из Калифорнии, и закусим нашим английским палтусом, который является местной камбалой...

Им не удалось отыскать ни одного газетного киоска до самой гостиницы. На прилавке лежали только две нью-йоркские газеты, два таблоида, чьи лихие репортажи о городской жизни столь дороги сердцу скучающих фермеров и рыбаков.

Но, слава Богу, хоть такие были. Могло быть и хуже. В одной газете говорилось, что Гизела — красивая австрийская княгиня. Другая описывала ее как одну из многих алчных иностранок-беженок, которые отнимают работу у стопроцентных американцев. Но обе трактовали инцидент как простое несовпадение свидетельских показаний, — Гизела утверждала, что она видела Фостину на дороге, в то время как таксист божился, что оставил ее в доме. Вероятно, ни Сиерс, ни репортеры газет ничего не знали о тех таинственных историях, связанных с Фостиной, которые циркулировали в Мейдстоуне и Бреретоне.

Базиль, слегка вздрогнул, представив на минуту, что бы сотворили со всем этим газетенки...

По дороге к коттеджу он остановился у гаража и лишний раз убедился, что машина Гизелы будет к утру отремонтирована. Долговязый селянин в джинсах, прислонясь спиной к бензиновой колонке, при свете рабочей лампы читал худшую из двух газет.

— Машина почти готова, — сказал он, делая шаг на встречу. — Читали вечерние газеты?

— Да, читал.

— Забавно.

— Да, конечно.

Он помялся в неуверенности, его бледно-серые глаза шарили по лицу Базиля в поисках какого-то поощрения.

— И такое происходит не впервые.

— Что вы имеете в виду?

— Ну...— Он принялся изучать жирные масляные пятна на асфальте.— Есть что-то странное в этой мисс Крайль. Однажды поздно вечером я ехал на своей развалюхе и увидел ее на дороге. Она была одна. Я догнал ее, остановился и предложил подбросить к дому. Но она продолжала идти вперед, не останавливаясь, словно и не слышала меня. Ну, мне стало обидно. Само собой разумеется, моя развалюха не бог весть что, но все же она пока на ходу. Ну, я поехал дальше. Потом неделю спустя она приехала сюда на воскресенье. Это было, когда она работала в какой-то школе в Коннектикуте. Я столкнулся с ней на почте, напомнив ей о том, что между нами недавно произошло. Она ответила, что я, вероятно, ошибся, приняв за нее кого-то другого. Она сказала, что не была здесь с прошлого лета. Странно, не правда ли?

— Да, довольно странно.

— Вам приходилось слышать прежде о чем-то подобном?

— Не совсем.

— Моя бабушка — уроженка Шотландии. И вот она утверждает, что подобные вещи происходят перед тем, как кто-то должен испустить дух. И вот вам, пожалуйста, мисс Крайль ушла от нас...

Базиль заметил, что древнее табу, запрещающее говорить открыто о смерти или зле, очень сильно укоренилось в сознании этого человека. *Испустить дух... ушла от нас...* Могли ли такие эвфемизмы сделать самое ощущение смерти более удобоваримым для всех? Спокойно, громким голосом Базиль сказал:

— Лучше не говорите об этом городским репортажам. Они вам, конечно, не поверят и высмеют все ваши истории. Поймите, это — совсем ненужная реклама для вашей мастерской, принимая во внимание будущий летний сезон, когда сюда, на берег океана, потянутся тысячи людей из города...

Базиль подъезжал к сосновому бору на самой малой скорости. Машина плюхнулась в выбоину и выскочила на другую сторону без всяких приключений. Но сегодня ночью, даже если бы погас внезапно свет его фар,

еще тонкая и острая, словно серебряный серп, луна всю светила над макушками деревьев.

В лесу он вышел из машины и стал наслаждаться дивной красотой пейзажа и тишиной. Белый песок отливал серебром в лунном свете. Несколько полосок серебряной пены переливались на всем пространстве этой темной, гремющей бездны, которая называлась океаном. Юркий бриз шелестел в оливковых деревьях, растущих у дома, а в нем самом, примостившемся на жердочке дюны, было темно и тихо. Прекрасное место для отшельника-поэта или парочки влюбленных.

Базиль вышел из машины и захлопнул дверцу. Ее стук оказался удивительно громким в этой настороженной тишине. Даже звук его шагов, когда он взошел на крыльцо, казалось, усиливался многократно. Он вставил ключ в замочную скважину, отворил входную дверь и помедлил, прислушиваясь к царящей внутри мертвой тишине. Он был уверен, что, кроме него, здесь никого нет. Если здесь был кто-то еще, то и тишина была бы иной, одушевленной, домашней, пусть даже не выдающей ни одного легкого движения гипотетического обитателя.

Он стоял на том месте, где находился всего двадцать четыре часа назад. Когда Фостина оставила ключ в двери и вошла сюда, в холл, дверь оставалась распахнутой настежь, а буря продолжала неистовствовать всю за ее спиной. Затем она, пройдя по холлу, зажгла лампу, стоявшую на столике для телефона. Он поступил точно так же. Теперь он мог хорошо представить себе, сколько сюда поступает света от включенной лампы после наступления темноты. Все его расчеты подтвердились. Резкое желтоватое сияние на уровне талии. Выше этой линии тени растворялись в темноте где-то на потолке и на верхней площадке лестницы. Он повернулся и прошел под аркой, повторяя ее маршрут, потянулся рукой к выключателю на стене, но света не включил. Он продолжал спокойно, не двигаясь, стоять на расстоянии вытянутой руки от стены, а затем повернулся лицом туда, куда, вероятно, смотрела Фостина перед тем, как ее постиг удар, и она упала на пол.

И здесь мощность освещения была такой же, как он предполагал. Приглушенный свет в первой комнате и

какой-то испещренный тенями сумрак во второй. При таком слабом освещении белые деревянные панели, бледно-зеленые обои и розоватая мебель являли какую-то приятную, радостную картину. Никакого намека на что-то зловещее, неожиданное... И все же где-то здесь таилась смерть, поджидала ее, Фостину... Но как было на самом деле? Как все произошло?

Несколько минут он стоял тихо, оглядываясь вокруг, и предавался размышлениям. Казалось, эта славная комната обладала своим неуловимым неприметным лицом, за которым таились все ее тайны. Но, может, она выдаст ему хотя бы одну.

Наконец, он нажал на выключатель. Белый круглый шар над головой загорелся ярким желтым светом, залил первую комнату, оставляя следующую чуть более темной, но и в это сумеречное время можно было без труда отчетливо различить любую деталь. Вчера Сиерс заметил перегоревшие лампочки, которые так напугали Гизелу.

Базиль побродил по комнатам, изучая детали интерьера. Дом отличался ухоженностью. Чистые и свежие занавески, вероятно, совсем недавно были доставлены из прачечной, коврики и чехлы для мебели — тоже чистые, хотя и немного поблекшие после неоднократных стирок. Белые панели были покрыты плотным древесным лаком и, вероятно, неоднократно перекрашивались малярами-профессионалами. Нигде не было заметно ни трещинки, ни волоска от кисти, ни вздувшейся капельки краски на глазурованной поверхности. Единственный изъян — несколько царапин, оставленных на деревянных рамах, удерживающих дверные стекла в двустворчатых дверях, разделявших обе комнаты. Эти царапины были настолько тонкими, такими незаметными, что казалось, были сделаны острой штопальной иглой. Они, по-видимому, появились здесь совсем недавно и были совершенно свежими.

Базиль выключил верхний свет под потолком и включил настольную лампу. В плетеной корзине рядом с камином лежали поленья дров и лучины для растопки. Он сложил пирамидкой дрова, положил куски бумаги, зажег огонь в камине и пододвинул кресло ближе к огню. Зажег сигарету и откинулся на спинку, не спуская глаз

с потрескивавших поленьев и погрузившись в свои мысли... Его голова покоилась на высокой спинке кресла. Такая поза заставила Базиля направить свой отсутствующий, рассеянный взгляд на зеркало, висящее над камином. В нем отражались арочные своды входа в холл. Он даже не заметил, как сигарета выпала из пальцев.

Как долго стояла эта молчаливая фигура в затемненной арке? Высокая, худая фигура в легком пальто. Темная шляпка оттеняла лицо, в котором не было ни кровинки, лицо Фостины Крайль. Так как он видел отражение этих глаз в зеркале, то, вероятно, и они, эти глаза, его тоже видели. Он тут же вспомнил свое наивное удивление, когда давным-давно, еще в детстве, ему впервые сказали: если видишь кого-то в зеркале, то этот человек может видеть тебя, если даже ты себя не видишь...

Но существовало ли это изображение только в зеркале? Если фигура повернет голову, то будет ли под аркой так же пустынно и тихо? Может, он случайно заснул, предаваясь возле огня своим мыслям?

Фигура в зеркале вдруг шевельнулась. За спиной Базиля стояла полная тишина, но он почувствовал нечто другое, нет, не звук, а тонкий запах лимонной вербены.

Не двигаясь с места, Базиль произнес: «Лучше вам войти».

Глава шестнадцатая

В людских ристалищах со смертью
Триумф останется за ней...

Базиль встал и повернулся к арке.

— С того момента, как я уловил в вас семейное сходство с Фостиной Крайль, я осознал, что вы — единственный человек, которого могли ошибочно принять за нее. И у вас, и у нее были белокуро-пепельные волосы, небольшая голова, овальное лицо с большим носом, тонкие губы, подернутые поволокой, голубые глаза и ярко выраженная аристократическая фигура. Она была сравнительно высокого роста для женщины, а вы — среднего роста для мужчины. Но цвет вашего лица чуть светлее, у вас нет обыкновения ходить или стоять с намеренно сгорбленными плечами, как это было свойственно ей, взгляд у вас более дерзкий и веселый, а ее — отличался мягкостью и робостью. Но все эти незначительные детали можно было довольно легко изменить. Отец Фостины умер в 1922 году, а вы родились в 1925-м, таким образом, любовник Розы Дайамонд и отец Фостины приходился вам дедушкой, Фостина была незаконнорожденной двоюродной внучкой вашего отца и вашей натуральной теткой. И все же мне неясны до конца причины, из-за которых вы собирались покончить с ней. Вы сделали это ради того, чтобы завладеть драгоценностями, которые ваш дед передал ее матери? Или же, подчиняясь романтически-болезненному импульсу, хотели погубить дочь той женщины, которая ранила гордыню вашего отца и забрала те драгоценности, которые, как вы считали, по праву принадлежали вам?

— Доктор Уиллинг, могу дать вам честное слово, что я не убивал Фостину. Когда она умерла, меня здесь не было.

— Вы можете это доказать?

— Конечно, нет. Невинный человек, как это часто бывает, не может предоставить свое алиби. Я провел весь вечер дома, в полной тишине и одиночестве. Но я немного знаю законы, штудировал право целый год, и, насколько мне известно, отсутствие алиби никогда никого не убеждало в виновности обвиняемого. Чтобы до-

биться моего осуждения, вам необходимо иметь свидетеля, который подтвердил бы мое присутствие на месте преступления или же мое появление здесь в доме приблизительно в то время, когда убийство произошло. Можете ли вы это сделать? Вы, конечно, можете найти свидетеля, который либо видел, либо считает, что видел Фостину Крайль или какую-то, похожую на нее, женщину на дороге. Но это, согласитесь, далеко не опознание Раймонда Вайнинга. Не правда ли? Во всяком случае, это не пройдет на суде, где слушается дело об убийстве, где веские доказательства должны устранить все обоснованные сомнения... На ее теле не обнаружено никаких ран. Она скончалась от сердечного приступа. И, хотя по вашим глазам я вижу, что вы мне не верите, меня не было здесь, когда она умерла. Могу поклясться.

— Я верю вашим словам,— спокойно парировал Базиль.— Она была совершенно одна, когда наступила смерть, и все же ее... убили вы...

Вайнинг не скрывал удивления.

— Не хотите ли вы тем самым сказать, что знаете, каким именно образом она умерла?

— Я знаю то, что знаю. Как, впрочем, и вы.

— Доктор Уиллинг, прошу вас разговаривать со мной в ином тоне. Если вы выслушаете меня, то поймете, почему я настолько взволнован всем тем, что приключилось здесь. Может, мы с вами внимательно во всем разберемся и, скажем, набросаем слабые контуры того, что здесь на самом деле произошло? Молю Бога, чтобы нам удалось это сделать. В противном случае...

— Что же произойдет в противном случае?

— Тогда за всю оставшуюся жизнь мне так и не придется узнать, где кончается реальность и начинается иллюзия. Я все время буду похож на человека, идущего по топкому болоту, который не уверен, куда выведет его следующий шаг — на твердую землю или зыбкий песок.

Вайнинг вышел из-за погруженной в тень арки на середину комнаты, и иллюзия тут же рассеялась. При свете огня в камине и одинокой настольной лампы он представлял собой вполне заштатную фигуру — высокий, худой, приятной внешности молодой человек в темно-коричневой шляпе и легком пальто из натуральной

верблюжьей шерсти. Он отбросил шляпу в сторону, снял пальто и придвинул стул ближе к камину. Он протянул Базилю нераспечатанную пачку сигарет в целлофановой обертке.

— Я видел, как вы только что докурили последнюю. Пришлось немного постоять там, в двери, прежде чем вы заметили меня в зеркале.

— Почему вы это сделали?

— Я был ужасно удивлен вашим присутствием здесь. Очень хотелось выяснить, что же вы тут делаете. Заметив в окнах свет, я подумал, что полиция оставила здесь дежурного, своего человека. Подойдя к арке, я увидел в зеркале отражение вашего лица.

— Но я не слышал шум двигателя машины.

— С вокзала я шел сюда пешком. Нигде не мог отыскать такси, а свою машину пришлось продать несколько дней назад.

— Но я не слышал ваших шагов.

Вайнинг выставил вперед ноги, на которых красовались роскошные туфли из телячьей кожи, червленной таким образом, что они выглядели, как поверхность изрядно потемневшего седла.

— Подошвы из натурального каучука!

— Вам не откажешь в изысканном вкусе. Почему вы продали свой автомобиль?

— Видите ли, я несколько стеснен в средствах. Но кто из нас в эти дни не страдает от этого? Минимальный комфорт для себя я могу обеспечить в размере тысячи долларов в месяц. Я зарабатываю 350 долларов, занимаясь распространением ценных бумаг, кроме того, получаю шесть тысяч ежегодного дохода от недвижимости и тех ценных бумаг, которые мне оставил дед, но сегодня и то и другое сильно обесценилось. Это, конечно, немного, но я не умираю с голоду.

— Но, может, те драгоценности, которые ваш дед передал Розе Даймонд, сильно поднялись в цене? Как, кстати, вы узнали об их существовании?

— Очень просто. Роза посвятила в свои планы моего деда перед его смертью. Тот рассказал об этом моему отцу, а он, в свою очередь, мне. Я разговаривал с Уоткинсом в тот вечер, когда увидел в газетах сообщение о смерти Фостины. Вайнинг — одна из шести на-

званных в списке фамилий. Мне причитается пара рубиновых серег стоимостью около 30 тысяч долларов по текущим ценам и вот этот коттедж. Но перед своей смертью Фостина составила свое завещание, по которому дом по наследству передается Уоткинсу. Он, однако, настаивает на передаче его в мои руки в качестве собственности деда. Ведь дом находится слишком далеко, в пустынном месте, и многим людям это не нравится. Таким образом, смерть Фостины принесла мне чистую прибыль в 37 тысяч долларов. Даже если бы мне заранее была известна сумма, неужели вы всерьез считаете, что я могу пойти ради этого на убийство?

Базиль вздохнул:

— Убивают ведь и за гораздо меньшие суммы. Как мужчины, так и женщины...

— Да, вы правы, мне известно, что людей убивали ударом ножа за пятьдесят центов, а детишек травил ядом, чтобы заполучить их страховку в несколько тысяч долларов. Но ведь ни один человек в здравом уме с годовым доходом в девять тысяч пятьсот долларов, пользующийся хорошей репутацией, добившийся солидного положения в обществе, на такое «мокрое» дело не пойдет.

— Однако тридцать семь тысяч долларов сейчас для вас — весьма крупная сумма. К тому же вы, вероятно, питали ненависть к дочери Розы Дайамонд.

— Ничего подобного. Я не псих и не романтик. Мой дед сблизился с Розой Дайамонд только после развода с моей бабкой, и все произошло задолго до моего появления на свет. Вряд ли я могу запросто повергнуть кого-то в состояние шока, и я не из тех, кто способен вести семейную вражду на протяжении трех поколений. Что вы скажете по этому поводу? Я всегда полагал, что «дело Розы Дайамонд» внесло какой-то малоприятный налет порочности в лоно семьи, которая до этого отличалась высочайшей строгостью нравов и респектабельностью, чем я по праву гордился.

— Зачем вы явились сюда сегодня вечером?

— Осмотреть коттедж, коли он теперь принадлежит мне.

— Когда вы впервые увидели Фостину Крайль и обнаружили ее невероятное сходство с вами?

— Если бы я был хитрецом, то вряд ли ответил бы на этот вопрос. Но сейчас я рискну, тем более что вы способны помочь мне понять то, что до сих пор сбивает меня с толку. Никто не знал истины, но ведь теперь Фостина умерла...

Базиль резко его прервал:

— Я давно понял, что Алиса с Фостиной не были единственными связующими звеньями между двумя школами — Мейдстоун и Бреретон. Вы были третьим звеном между ними, так как год назад состоялась ваша помолвка с Алисой.

— Да, все началось в школе. — Вайнинг наклонился вперед, уставившись на огонь, его лежавшие на коленях руки дрожали. — В Мейдстоуне царили строгие порядки. Гости мужского пола допускались только по воскресеньям, и то за ними осуществлялся строгий надзор. Это я расценивал как вызов и прибежал к одному трюку, известному со времен языческого Рима. Вы помните, наверное, как вторжение юного Клодия, переодетого в женское платье, в помещение, где проходил религиозный ритуал, предназначенный только для женщин, заставил Цезаря развестись со своей женой, которая не оказалась выше подозрений? Как и Клодий, я был молод, достаточно худ, и у меня еще не росла борода. Я был уверен, что меня примут за девушку среди ее многих подруг, если я надену женскую шляпку, пальто, чулки и туфли и предстану перед ними при сумеречном освещении. Почти все девушки в Мейдстоуне носили пальто из верблюжьей шерсти, поэтому раздобыть такое не составляло труда. Шляпка с полями закрывала лицо, но чтобы еще больше себя обезопасить, я пудрил щеки белой пудрой, а на голове носил накладку из женских волос. Обычно в таком наряде я пробирался через окно, незаметно поднимался по черной лестнице и встречался с Алисой на балконе, когда все обитатели дома находились внизу. Все это нас изрядно развлекало.

На следующее воскресенье, когда я, имея на руках официальное разрешение на посещение, пришел к Алисе в собственной одежде, она с великой радостью сообщила мне, что все меня приняли за девушку, и, самое главное, не просто за девушку, а за одну из молодых преподавательниц — Фостину Крайль. Одна из воспи-

танниц, которая возвращалась в школу по дорожке, увидела меня на балконе и заспорила из-за меня со своей подружкой, которая утверждала, что той все показалось, так как она только что видела Фостину в библиотеке.

Я никогда не слышал имени Фостины, но я знал, что настоящее имя Розы Дайамонд — Роза Крайль, и мне было известно, что у нее есть дочь. Я также понял, почему существует такое поразительное сходство между нами, и рассказал об этом Алисе.

— Таким образом, после неожиданного первого успеха вы начали намеренно пользоваться вашим сходством с Фостиной, надевали женское платье и наносили тайные визиты Алисе? Вы это сделали шесть раз, не так ли?

— Ну, а теперь мы подходим к главному. — Вайнинг не спускал глаз с огня в камине, который высвечивал нижнюю часть его лица. — В этом вся загвоздка. Вы не поверите.

— Что же это такое?

— Приходилось вам испытывать неловкое чувство, когда ваша шутка превращается в нечто иное? Две недели спустя мы с Алисой были в Нью-Йорке, где проводили рождественские каникулы. Мы встретились на молодежном вечере, на танцах. Она была вне себя от гнева. До сих пор у меня в ушах звучат ее сердитые слова: «Итак, ты снова сделал это. Предупреждаю тебя, будь осторожен! Одного раза вполне достаточно. Если ты намерен продолжать в том же духе, все может плохо кончиться. Тебя разоблачат, и нам обоим придется несладко». Кажется, я произнес в ответ какую-то беспечную фразу, но она продолжала: «На прошлой неделе кто-то видел тебя в Мейдстоуне в женском платье. Кажется, ты охладел ко мне, и поэтому не заглянул в мою комнату». Я ответил: «Какая чепуха! Я вовсе там не был. Зачем мне совершать такую глупость во второй раз?» К моему удивлению, она мне не поверила. В это время вновь возник спор между двумя девочками, и каждая из них утверждала, что видела Фостину в разных местах в одно и то же время. Это было пусть косвенное, но все же доказательство, и Алиса сделала преждевременный вывод. Ей показалось, что я встречаюсь в школе с другой девушкой. Это вызвало у нее приступ рев-

ности. Вот вам истинная причина нашей ссоры и последовавшего за ней разлада.—Вайнинг посмотрел на Базиля своими блеклыми глазами, так похожими на глаза Фостины.—Доктор Уиллинг, даю вам честное слово джельмена, я появился в женской одежде в Мейдстоуне только один раз. Я бы не рискнул сделать это дважды. Но... что же на самом деле случилось в Мейдстоуне? Что они там видели?

Базиль внимательно изучал серьезное лицо юноши.

— Могу только сказать, что ваше единственное появление в облике Фостины все всколыхнуло. Остальное можно объяснить лишь истеричностью, взвинченностью и отсутствием наблюдательности, и все эти качества раздувались книгами миссис Мейдстоун по исследованию психики человека, которые она держала у себя в кабинете.

— Ну, а что же тогда произошло в Бреретоне?

— Вы, конечно, станете отрицать, что, обнаружив совершенно случайно свою способность олицетворять Фостину в Мейдстоуне, вы намеренно составили план продолжения подобных действий в Бреретоне.

— Почему я должен заниматься глупым и бесплодным делом? В прошлом году, когда я разыграл такой трюк в Мейдстоуне, то еще учился в Гарварде. Но в этом году я уже человек, способный заработать на жизнь и даже оказывать материальную помощь своей сестренке. Ради чего я должен тратить время на такую мрачную, изрядно затянувшуюся шутку? Только ради того, чтобы перепугать до смерти маленьких девочек, включая и мою собственную сестру? Чтобы лишить несчастную Фостину работы, того единственного дохода, в котором она так нуждалась? Причем этой шуткой я ни с кем не мог поделиться!

— Вы могли довериться Алисе Айтчисон.

— Алиса отнюдь не была в восторге от этого. Слухи множились, росли, как снежный ком, и мы начали опасаться, как бы не стало известно о моей первой выходке. В таком случае мы могли бы «погореть» вместе. Больше всего ее беспокоило, как бы Фостина сама не догадалась обо всем. Поэтому Алиса старалась запугать Фостину, заставить поверить в то, что она сама разыгрывает различные трюки, находясь в бессознательном состоянии.

В тот же день, когда состоялся школьный вечер в Бреретоне, я ушел с него чуть раньше, так как Алиса назначила мне свидание в летнем домике в саду. Мы были уверены, что будем там совершенно одни. Было довольно холодно, и вряд ли кто-нибудь из гостей отважился бы в этот час на прогулку. Мы находились на почтительном расстоянии от здания школы, и поэтому никто не мог нас подслушать через открытые окна. Алиса была в том же агрессивном настроении. Она попросила меня встретиться с ней наедине, так как хотела выведать у меня, продолжаю ли я до сих пор разыгрывать Фостину. Видите ли, она была уверена, что я завел интрижку с какой-то другой девушкой в школе, и даже попыталась вызвать у меня приступ ревности, заявив, что намерена выйти замуж за Флойда Чейза.

— И что вы ответили ей на это?

— Что я мог ей сказать? Чем больше я понимал, что она говорит серьезно, тем больше нервничал. Там впервые я узнал о появлении двойника в Бреретоне. Больше у меня не было сил спорить с Алисой. Разозлившись, я оставил ее на том месте, где мы стояли, рядом с летним домиком, а сам направился по дорожке к своей припаркованной машине и уехал в Нью-Йорк. Можете представить мое самочувствие? Есть одна старая история о медиуме-шарлатане. Это в «Слякоти» Браунинга. В общем, один обманщик, который для своих клиентов каждую ночь вызывал стук привидений, однажды услышал настоящий стук еще до начала своей фальсификации. Из всех присутствующих на сеансе только он один понял, что на сей раз имеет дело с настоящим привидением. Его гости считали любой звук настоящим, полагая, что это дело рук настоящих привидений. Но он не мог сознаться в подлоге, так как в таком случае ему пришлось бы выдать себя и свой обман. Стоило ему вызвать какого-нибудь скептика в качестве независимого свидетеля, как тот, несомненно, уличил бы его во лжи — следы мошенничества были видны повсюду. Такая ситуация, вероятно, его сильно расстроила, не правда ли? Подумать только — знать, что на самом деле происходит, и не иметь возможности довериться кому-нибудь и рассказать ему обо всем! Можете себе представить, как он был напуган, когда в глубине души осознал, что на

самом деле существовало то, над чем он посмеивался, унижал своей грубой, коммерческой по характеру, имитацией, то, что, может, с презрением относилось к его насмешничеству...

Однажды в Мейдстоуне я разыграл глупый трюк, и в результате последующие события приняли такой дурной оборот. Но кто поверит моему рассказу? Куда более резонно признать меня лжецом, негодным выдумщиком. Я часто размышлял о коллективной галлюцинации, вызванной моим единственным появлением в облике Фостины в Мейдстоуне. Очень хотелось поверить, что все сделанное мной — всего лишь простой и невинный трюк. Но когда я услышал историю, рассказанную Мэг, и ваш рассказ об Эмилии Саже, мне на ум пришло нечто иное... Вероятно, и сама Фостина испытала нечто вроде шока, когда впервые услышала рассказы о другой Фостине в Мейдстоуне, особенно после того, как ознакомилась с книгами директрисы. Мог ли такой шок стать чем-то вроде катализатора, указывающего на разлад ее личности, который осуществляется каким-то неизвестным нам способом, что делает появление двойника психологически возможным?

— Тогда каким образом вы объясните смерть Фостины?

— Сердечный приступ может произойти от шока, то есть от сильного страха. Она пришла сюда одна и, вероятно, что-то увидела. Другое объяснение вряд ли может соответствовать всем известным нам фактам.

— Вы на самом деле хотите, чтобы я его привел? — спросил Базиль.

— Несомненно. Любое ваше объяснение лучше, чем сомнение.

— Хорошо, — торжественно произнес Базиль. — Разберемся во всем постепенно, шаг за шагом. Предположим, что вы говорите правду по поводу вашей первой выходки в Мейдстоуне. Вы надели женское платье, чтобы тайно повидать Алису, которая училась в школе. Окружающие приняли вас за Фостину. Так как она не могла находиться там, где вас впервые увидели, какая-то суеверная горничная или ученица, воспитанная в детстве такой же суеверной нянькой, начала шепотом передавать всем старую легенду о «двойнике». Постепенно исте-

рический настрой пропитал всю школу. Миссис Мейдстоун сама была не прочь заняться изучением непостижимой загадки и поэтому оказалась психологически не подготовленной к решительному искоренению подобных слухов.

Обо всем этом вы узнали от Алисы. Вы вспомнили имя Крайль и решили, что ваше с ней сходство — результат кровного родства. От своего отца вы узнали, что можете наследовать рубиновые серьги и прочие драгоценности Розы Дайамонд при условии, если Фостина умрет, не дожив до своего тридцатилетия. Вам была хорошо известна их истинная стоимость. Вы, конечно, считали себя обиженным судьбой. Еще бы, законный наследник получил кое-какую недвижимость и бесценные бумаги, а незаконнорожденная наследница должна была получить драгоценности, которые заметно поднялись в цене. Может, от своего отца вы слышали и о том, что Фостина, кроме ювелирных изделий, получила в наследство от вашего деда слабое сердце. Тогда вы стали получать определенное удовольствие от мысли о возможной смерти Фостины. Но вы, само собой разумеется, не желали угодить на скамью подсудимых, а затем и в тюрьму за убийство. Именно тогда вас осенило, как можно воспользоваться таким шансом, когда ваши с Фостиной дорожки внезапно пересеклись, и убить ее, не вызывая никаких подозрений на свой счет. Если, конечно, улыбнется судьба.

— Убить? — Глаза Вайнинга невольно расширились. — Это слишком сильное слово, доктор Уиллинг. Как же я мог убить ее, если меня здесь в ту минуту не было?

— Действительно, вас не было, когда умерла Фостина, но вы могли приехать сюда несколько недель тому назад или даже месяцев, чтобы изучить обстановку и познакомиться с интерьером комнат через окна, еще не закрытые ставнями.

— И для чего мне это было нужно?

— Для того, чтобы убедиться, что внутренняя планировка дома и расположение мебели остались без изменений до сегодняшнего дня. Я сразу это понял, как только увидел выпцветшую мебельную обивку и старомодные низенькие табуретки из тика. Конечно, сущест-

вует сотня способов узнать о первоначальной расстановке мебели,— для этого нужно обратить внимание на семейные традиции, поддерживаемые в доме, групповые фотографии, на которых запечатлен интерьер. В конце концов этот дом принадлежал вашему деду до его встречи с Розой Дайамонд...

— Но для чего мне понадобились внутренняя планировка дома и расстановка мебели?

Базиль не спускал с него глаз.

— Я все объясню через минуту. До сих пор мои рассуждения совпадали с вашими в отношении всех фактов, но отличались лишь иной их интерпретацией. Но с этого момента мы расходимся с вами и в отношении самих фактов. Я утверждаю следующее: вы продолжали, появляться в женской одежде в Мейдстоуне, чтобы еще больше укрепить у всех окружающих представление о существовании двойника Фостины, надеясь, что в конечном итоге все эти рассказы достигнут ее ушей. В последнее время вы даже старались одеваться так, как одевалась Фостина, вы имитировали ее походку, стать, жесты, вы даже заменили привычное озорное выражение лица маской напускной серьезности, свойственной Фостине. Вы бесшумно, словно привидение, передвигались в своих ботинках на подошвах из искусственного каучука. Вы старались всегда появиться перед свидетелями в сумрачном свете и на приличном от них расстоянии. К этому времени вы уже ознакомились с историей Саже. Вы не могли довериться Алисе Айтчисон. Она была слишком ненадежной, порывистой девушкой и не годилась в сообщницы. Может, вы хотели заставить ее тоже поверить в реальность двойника.

Вы не смогли сдержать восторга, когда из-за этого двойника Фостину уволили из школы Мейдстоун. Потеря работы — нечто весьма реальное и осязаемое, и причина увольнения, кажется, никогда не может быть абсолютно эфемерной. Теперь Фостина и сама поверпла в двойника, и это было самое главное в вашем плане. Вы отправились по ее следам в Бреретон. Так как она устроилась там на работу, вы перевели в эту школу свою маленькую сестру. К несчастью для Алисы Айтчисон, она сумела получить работу в Бреретоне, когда узнала о переводе туда вашей сестрочки. Тем самым она наме-

ревалась возобновить с вами отношения — ведь она вас все еще искренне любила.

В Бреретоне вы повторили свой спектакль, изображая двойника Фостины, для чего постоянно пользовались окнами, а также черной лестницей для своих не приметных передвижений. Фостина сменила пальто из верблюжьей шерсти на другое — голубое, наглухо застегивающееся. Вы купили себе точно такое, и старались перед выходом на улицу как можно точнее скопировать все ее туалеты. Вы всегда носили на голове шляпку, которая отбрасывала тень на лицо. Вы тщательно подбирали свидетелей — невежественных, легко поддающихся внушению, суеверных горничных, а также легкомысленных маленьких девочек, одна из которых была вашей сестрой. Как и в Мейдстоуне, вы старательно выдерживали определенную дистанцию, появляясь главным образом при неясном, обманчивом свете. Но какие бы меры предосторожности вы ни принимали, ваше везение не могло продолжаться до бесконечности, учитывая, что вы появлялись неоднократно. Вы допустили несколько просчетов, это было неизбежно, и пару раз едва унесли ноги. Подобные неудачи могли разрушить все ваши планы, если бы вы не умели держать в узде собственные нервы.

Однажды вы даже были вынуждены запереть на ключ парадное, чтобы таким образом задержать Алису с Гизелой, которых вы вдруг заметили на дорожке, и тем самым сумели покинуть здание вовремя через черный ход. Однажды вам даже пришлось обогнать на черной лестнице Арлину на весьма близком от нее расстоянии, что явно не способствовало вашему душевному равновесию. К счастью для вас, день подходил к концу, и у вас хватило смелости успешно выйти из трудной ситуации. В другой раз вы чуть было не угодили в ловушку и были вынуждены спуститься по передней лестнице, миновав саму миссис Лайтфут. Вы, конечно, ни за что не выбрали бы в свидетели такого умудренного человека, даже если бы она и находилась на почтительной от вас дистанции. А здесь, оказавшись с ней чуть ли не рядом, вы, вероятно, испытали несколько мучительных мгновений. Но у вас хватило выдержки спокойно, даже с вызовом пройти мимо, рассчитывая на то, что стремительность вашего движения приведет ее в смущение. Вы

выскользнули через французское окно в темной гостиной в тот момент, когда Арлина входила в освещенную столовую и, таким образом, не могла вас заметить. В двух последних случаях вы непростительно близко подошли к другому человеку, и я убежден, что это не было предусмотрено планом. Просто невезение, причем дза раза подряд. Но вам все же удалось выкарабкаться из сложного положения, и вы тем самым значительно укрепили правдоподобность рассказов о двойнике. Люди, конечно, прибегали к главному аргументу: ну разве может какой-то мошенник пойти на такой риск?

Все ваши появления, естественно, были связаны с риском, но вас всегда спасало одно — суеверный страх, который удерживал всех свидетелей на почтительном расстоянии. Но, как мне кажется, вашему темпераменту риск просто необходим, это для вас своеобразный стимулятор. Кроме того, до сих пор вы еще не совершили никакого серьезного преступления, хотя само появление в чужом, женском наряде в общественном месте чисто технически является нарушением закона. Если бы вас поймали, то наверняка отпустили бы, считая ваше поведение «практической», хотя, само собой разумеется, и бестактной шуткой. Но до настоящего преступления еще далеко...

Присутствие Алисы в Бреретоне стало еще одним раздражающим моментом, которым вы объяснили свое невезение. Конечно, узнав о новых приключениях Фосдины в Бреретоне, Алиса тут же смекнула, кто на самом деле является так называемым «двойником». Она не могла знать истинной причины ваших действий и, несомненно, опять заподозрила, что вы прибегаете к прежнему трюку, чтобы беспрепятственно наведываться к другой девушке. Она вас все еще любила, но вы прекрасно отдавали себе отчет в том, что как только Алиса поймет, что ваша любовь к ней утрачена навсегда, она не станет больше оказывать вам поддержку и даже сумеет навредить. На школьном вечере она уже облюбовала другого — Флойда Чейза. Тогда вам стало ясно, что вы ее непременно убьете.

— Алису? — Вайнинг вздрогнул всем телом и, казалось, никак не мог поверить, что Базиль мог произнести такие слова. — Вы считаете, что я мог убить Алису?

Базиль, стараясь быть как можно более деловитым, ответил:

— Вы были вынуждены это сделать, так как это был единственный человек в мире, которому было известно ваше искусство имитации Фостины.

— Ну и что из этого следует?

— А то, что Алиса в результате становилась единственным человеком в мире, который мог бы догадаться, каким образом вы сумели убить Фостину, не находясь на месте преступления в момент ее смерти. Алисе предстояло умереть до Фостины, иначе вы не могли бы чувствовать себя в полной безопасности. Вы ушли с вечера пораньше, сказав Гизеле, что отправляетесь прогуляться к машине и глотнуть там виски. На самом же деле вы вернулись в свой номер в сельской гостинице, чтобы захватить голубое пальто и шляпку, копии одежды Фостины, до назначенной с Алисой встречи в летнем домике. Вы для этого выбрали именно это место, так как оно находится в двухстах метрах от здания школы. Любому, кто мог заметить вас из окна школы, могло показаться, на таком расстоянии, что в данный момент он видит мисс Крайль.

Вы только что сказали, что оставили Алису одну возле летнего домика. Но Бет Чейз рассказала совершенно другое: «Мисс Крайль протянула руку и сильно толкнула мисс Айтчисон, а та вскрикнула, упав спиной на ступеньки, и скатилась оттуда». Нанесли ли вы Алисе удар такой силы, от которого сместились шейные позвонки? Если так, то это были хладнокровные, точно рассчитанные действия. Если бы вас в тот момент заметили, то лишь на большом расстоянии, и неизбежно отождествили бы с Фостиной. Если бы у Фостины не было алиби, то ее, вероятно, могли обвинить в убийстве Алисы. Если у Фостины было бы алиби, то вновь начали бы распространяться слухи о двойнике, вновь на поверхность всплыла вся эта долгая история, все время подпитывающая фантазию людей, начиная с Мейдстоуна, а также рассказы свидетелей, у которых нет никакой причины давать ложные показания. В таком случае полиция спешит все на «историю», а смерть Алисы только усилит страхи окружающих из опасения двойника, включая и саму Фостину.

Вайнинг выслушивал обвинения без особого интереса, хотя они, конечно, могли повлиять на самообладание любого другого. Хотя внешне он выглядел вполне здоровым, уверенным в себе человеком, а щеки его раскраснелись от тепла каминного огня, в нем все же чувствовалось глубоко запрятанное недомогание — вызывающая любопытство эмоциональная глухота, словно естественные для человека ответы оказались атрофированными и подверглись какой-то намеренной анестезии.

Наконец он заговорил:

— Теперь я начинаю понимать, почему, как утверждают, косвенные доказательства всегда уводят в сторону. Вы выстроили последовательную версию, обвиняющую меня в убийстве. Просто изумительно, как каждая деталь попадает в точку и как факты создают абсолютно ложную версию. Но нужно ответить еще на один вопрос, ключевой. Каким же образом я убил Фостину? Вам ведь хорошо известно, что она умерла естественной смертью. Сердечный приступ. И в тот момент, когда она умерла, меня рядом не было.

— Само собой разумеется, вас здесь не было, — откликнулся на его фразу Базиль. — В таком случае вы все бы испортили.

— Каким образом?

— Позвольте я приведу ее собственные слова: «Вы только представьте себе, как в один прекрасный день или ночью, когда я нахожусь в полном одиночестве в своем номере в отеле, погасив свет и заперев дверь на ключ, передо мной вдруг является чья-то фигура, приближает свое лицо к моему, и я вижу, что это мое собственное лицо, его точные очертания, все отдельные памятные детали, каждый дефект... Тогда мне придется поверить в реальность происходящего и умереть...» Приходилось ли вам входить в незнакомую комнату и видеть, как какой-то незнакомец приближается к вам? И вдруг вы осознаете, что этот незнакомый вам человек всего лишь ваше собственное отражение в зеркале?

— Но эта комната была хорошо знакома Фостине, — возразил Вайнинг. — Единственное зеркало расположено над плитой камина, и оно висит слишком высоко, так что отражение в нем никак нельзя принять за что-то реальное.

— Вам тоже знакомы и этот дом, и обе гостиные; вы знали, что они абсолютно одинаковы, как по размерам, так и по расположению окон; мебель выдержана в тех же красках и тонах. И разделены они между собой только двустворчатой стеклянной дверью. Скажите, вы просто прибили черную занавеску за стеклом? Или же вставили по квадрату черного картона в рамки, чтобы закрыть стекла? На рамке остались царапины, вероятно, потом вы спешно старались извлечь куски картона из рамок с помощью острой иглы... И уж, само собой разумеется, вы вкрутили в патроны люстры перегоревшие лампочки.

Фостина вошла в темный, пустой коттедж, оставив связку ключей в замочной скважине, и включила лампу в холле. Совершенно случайно в следующее мгновение она переступила через порог передней гостиной. Но все равно, рано или поздно, она должна была войти туда в тот вечер. И когда она это сделала, могло произойти только одно. Она должна была нажать на выключатель, который находился внутри. Но свет не загорался, так как лампочки были выведены из строя. Чье-то движение приковало ее внимание к стеклянным дверям, которые превратились в зеркало. Кто же там двигался? Ее собственное отражение в стекле. Но она не догадывалась, что это всего лишь отражение. Она была уверена, абсолютно убеждена, что в дверях вставлены обычные, прозрачные стекла. Ведь ей ничего не было известно о черной изнанке. Ничто не подсказывало ей, что она смотрела на собственное отражение в импровизированном зеркале гостиной. Приглушенный свет, растекавшийся из-под абажура настольной лампы в холле, проникая в другую гостиную, становился обманчивым. Свет стелился низко и не мог осветить ту сторону второй комнаты, которая отличалась от первой только одной деталью — там не было камина.

Теперь вы понимаете, что произошло? Фостину убило ее собственное отражение, так как она увидела его там, где, как она считала, не могло быть никакого зеркала. В течение года мозг ее подвергался интенсивной обработке и заставил ее поверить в миф о двойнике. Тот, кто видит собственного двойника, должен умереть. У нее было слабое сердце... И она рухнула замертво на пол,

напуганная до смерти простейшей иллюзией — своим собственным отражением. Она лежала, скованная ужасом, хотя рядом не было никого, кто мог бы вселить в нее такой ужас; в простом стекле, бесчувственном и прозрачном, как вода, теперь отражалось лежащее на полу тело умирающей девушки.

Мудрость примененного вами метода заключается в комбинированном использовании как перевоплощения, так и отражения. В сознании Фостины ее двойник-призрак наделялся и теми, и другими свойствами, и не мог быть либо тем, либо другим. Он должен был быть настоящим призраком. Ничье отражение не может свободно перемещаться по дому или за его пределами, если там нет зеркала. Этим вы и воспользовались в Бреретоне. Никакое отражение нельзя наблюдать одновременно с физическим присутствием Фостины, тем более, когда Фостина и ее отражение совершали различные действия, как это случилось в Бреретоне. Хотя такие действия и могут привести к перевоплощению, ни один стремящийся к этому человек не смог бы воспроизвести с такой точностью лицо, фигуру и одежду Фостины в мельчайших деталях и сравниться с тем изображением, которое она увидела в вашем импровизированном зеркале. Она поверила, что оба эти явления, по сути дела, являются одним и тем же,— и в результате погибла.

— Ваше воображение, доктор Уиллинг, работает превосходно. Не скажете ли вы в таком случае, каким образом мне стало известно, что Фостина приедет сюда в свой коттедж, причем именно в этот вечер?

— Вы ей позвонили и попросили встретиться. Может, даже не вы лично, но кто-то это сделал за вас. Она об этом вскользь упомянула в разговоре с Гизелой, не назвав, правда, имени. Несомненно, вы представились членом таинственной семьи ее отца, о которой она так долго строила догадки. Вы могли рассказать ей кое-что об Уоткинсе и ее матери, что дало возможность ей понять, кто вы, не называя вас по имени. Может, вы открыли ей, что она — незаконнорожденный ребенок, чтобы тем самым объяснить ей свое желание встретиться с ней тайно и избежать тем самым публичного скандала. Ваше предложение, конечно, могло запросто соблазнить такую несчастную и одинокую девушку, как Фостина.

— И в то время, когда Фостина умирала, я, по-вашему, срочно запасался алиби?

— Нет. Это было бы слишком грубо с вашей стороны. А вы — человек тонкий. Кроме того, вам еще предстояло убрать картонки или темную занавеску до обнаружения трупа. Вот вы и явились сюда еще после смерти Фостины. На вас снова была одежда Фостины Крайль, как и в тот раз, когда вы приехали в эту деревню за несколько дней до ее гибели, чтобы превратить обычное дверное стекло в зеркало. Именно тогда механик из гаража предложил довести вас до коттеджа. Если бы вам повезло, то оба раза во время вашего появления здесь, вас могли бы и не заметить. Но, к сожалению, по воле судьбы вас «засекли» оба раза и оба раза приняли за Фостину, на что вы, собственно, и рассчитывали. Вы знали — если полиция убедится в том, что Фостину «видели» в окрестностях после того, как она уже была мертва, то могло произойти только одно: рассказ о двойнике Фостины превратился бы в рассказ о привидении Фостины, и в конечном результате полиция закрыла бы дело, квалифицировав его как «рецидив деревенского суеверия».

Вчера ночью вы вытащили из рамы черный картон. Вы вполне резонно предполагали, что сможете провести в доме несколько часов. Но вдруг вы услышали шум двигателя автомобиля, едущего в чаще соснового бора. Опять невезение. Оказывается, Фостина пригласила на уик-энд свою подругу Гизелу. У вас не оставалось времени, чтобы заменить перегоревшие лампочки. Вам пришлось спешно ретироваться по направлению к лесу, и вы оставили открытую настежь дверь и горящую в холле лампу. Вы попытались пробраться незаметно через чащу, но ночь, как на грех, выдалась темной, с дождем, и вы, спотыкаясь, с трудом вышли на дорогу, где Гизела чуть не сбила вас своей машиной. Когда произошло короткое замыкание и фары погасли, вы спокойно удалились на своих бесшумных подметках из искусственного каучука. На покрытых скользкой ледовой корочкой слежавшихся сосновых иголках следы не остаются, и дождь к тому же смыл все отпечатки ног на дороге еще до того, как Гизела вышла из автомобиля и включила фонарик.

— Превосходный сюжет для детективной истории, больше ничего, — рассмеялся Вайнинг. — У вас нет никаких доказательств.

— Вы считаете, что нет? Но все же я располагаю кое-какими деталями.

— Например?

— Каждый человек обладает своим специфическим запахом — одежда, лосьон для бритья и т. д. Миссис Лайтфут — единственная надежная свидетельница появления двойника, которая оказалась рядом с ним в Бреретоне. Она утверждает, что от него не исходило никакого запаха. Что же это означает? Говорит ли о том, что призрак был бесплотным? Или же о том, что при определенных условиях запах тела одного человека совершенно не воспринимается другими? Да, такое условие существует: это случается тогда, когда их тела пахнут одинаково. Две женщины, пользующиеся одними и теми же духами, не чувствуют их запаха друг у друга. Некурящий человек, целуя другого, сразу же почувствует запах никотина, но два курящих, целуя друг друга, ничего не заметят. Они готовы поклясться, что у них — абсолютно чистое дыхание. Миссис Лайтфут пользуется лимонной вербеной. Так как двойник, по ее словам, не издавал никакого запаха, то им должен оказаться тот, кто тоже пользуется лимонной вербеной, тот, в кого настолько глубоко въелась эта привычка, что он забыл уничтожить запах, когда олицетворял собой Фостину. Вероятно, это был мужчина, так как миссис Лайтфут пользуется только мужским лосьоном. Но уж никак не Фостина, которая, как известно, не пользовалась ничем, кроме лаванды.

Такие наблюдения значительно облегчили мои усилия, направленные на поиски двойника. Им должен был оказаться человек, настолько похожий на Фостину, что может запросто сойти за нее при слабом освещении и на определенном расстоянии, человек, который обычно пользуется лимонной вербеной, человек, связанный как с Мейдстоуном, так и Бреретоном, человек, у которого есть мотив для причинения ущерба Фостине или ее физического устранения.

Когда вчера вечером я вошел в свою библиотеку, то почувствовал слабый запах лимонной вербены, но никак

не мог определить, от кого из трех посетителей он исходит — от Чейза, от его бывшей супруги или же от вас. Только что, когда вы стояли под аркой, я уловил этот тонкий запах снова и понял, что он исходит от вас.

— К сожалению, все это — неправда. Я имею в виду ваши рассуждения с начала до конца. Само собой разумеется, я пользуюсь лосьоном вербены после бритья... Я рассказал вам всю правду о себе и о Фостине. Можете мне не верить, ваше дело. Даже если вам нравятся собственные догадки, их все же нужно сперва доказывать. Ваша версия с вербеной шита белыми нитками...

Он встал и начал нервно ходить по комнате, заложив руки в карманы, поглядывая на стеклянную дверь и люстру над головой, словно турист, испытывающий вежливое любопытство к тому месту, на котором когда-то вершилась история. Он остановился, помедлил и улыбнулся своей глуповато-дерзкой улыбкой.

— Я всегда утверждал, что убийца, рассчитывающий на успех, хорошо должен изучить законы. Это его единственный шанс.

— Что вы имеете в виду?

— Но вы-то знаете. Во всяком случае, должны знать. В противном случае мы с вами находились бы в полицейском участке, а не вели столь приятный разговор наедине, завершая захватывающую детективную историю. Даже если все сказанное вами правда, — чего, конечно, я не признаю, — то все равно я не могу быть убийцей.

— Почему же?

— Вы уверены, что я не отвечу на этот вопрос. Но представьте себе, отвечу! Если даже я убил Фостину так, как вы себе это представляете, то должен быть крайне признательным тому году, когда я изучал юриспруденцию, перед тем как принять окончательное решение и заняться ценными бумагами. Вы прекрасно знаете, доктор Уиллинг, что доказать факт совершения преднамеренного или даже непреднамеренного убийства практически невозможно, если смерть наступает в результате сильного испуга. Особенно, если у пострадавшей слабое сердце. Каким образом вы сможете доказать в суде, что именно мои действия вызвали у нее сердечный приступ? Он ведь может произойти в силу тысячи как внутренних, так и внешних причин. В ходе судебного или

медицинского расследования можно доказать, что какой-то физический фактор — пулевая, ножевая рана, удар, яд, — может привести к фатальному исходу, но кто способен доказать, что психологический фактор вызвал сердечный приступ, причем сделать так, чтобы исключить все возможные сомнения? Но именно это предстоит вам доказать, чтобы добиться обвинения как в преднамеренном, так и непреднамеренном убийстве. Окружные прокуроры обычно не берутся за дела, которые не могут выиграть. В любом гражданском иске требуется лишь определенное число доказательств, чтобы выиграть дело, но в таких случаях, как этот, — смерть, наступившая в результате психического потрясения или шока, — ничего доказать невозможно. В результате вам придется ограничиться гражданским иском с требованием возместить ущерб, причиненный семье жертвы. Но, увы, у бедной Фостины не было семьи, она была незаконнорожденным ребенком.

Базиль встал.

— Вы забываете об одном: Алиса Айтчисон не была напугана до смерти. Бет Чейз видела, как кто-то, похожий на Фостину, толкнул ее с лестницы. Можно легко доказать, что вы носили одежду Фостины. Можно доказать также, что Фостина, оставаясь незаконнорожденным ребенком, была вашей кровной родственницей и что из всех людей в Бреретоне только вы внешне напоминали ее, и, следовательно, только вас можно было принять за нее в той одежде, в которой она обычно появлялась. Можно доказать, что у вас с Алисой произошла ссора. Неважно, по какой причине. Вы, Вайнинг, обвиняетесь в смерти Алисы, и я вынужден взять вас под стражу.

Впервые Вайнинг по-настоящему удивил Базиля. Он тихо ответил:

— Как вам будет угодно. Мне лично наплевать.

— Почему же?

— Предположим, меня оправдают. И что же, всю жизнь мне придется прожить с этим...

— Чувством вины?

— Нет, не так все просто. Попробуйте только предположить ради более убедительной аргументации в споре, что все рассказанное вами — правда. Что в резуль-

тате произойдет? Я знаю, что я невиновен и не занимался всеми фокусами, которые вы мне приписываете. Я — единственный человек, который знает... Я тот единственный человек, которому придется отвечать на довольно неприятные вопросы. И мне придется бороться со всеми в одиночку. Что же произошло в Мейдстоуне и Бреретоне? И что увидела Фостина, когда вчера ночью вошла в эту гостиную и... умерла от шока?

— Вы, я вижу, продолжаете упорствовать в своей фантазии? Даже теперь?

— Само собой разумеется. Вот некоторые детали, которые вы упустили в своем анализе. Почему, например, Фостина двигалась в таком замедленном ритме тогда, когда Мэг с Бет наблюдали за ней, то есть за призраком Фостины?

— Фостина обычно за едой принимала витамины. И у вас была превосходная возможность подменить их таблетками такого же размера и такой же окраски, содержащими легкое снотворное средство. Вот почему витамины не помогали Фостине преодолеть вялость и анемию, как зорко подметила Алиса. Вы легко рассчитали по времени все свои появления в качестве двойника. Они происходили через строго фиксированные интервалы после приема пищи, чтобы вовремя оказать на Фостину нужный вам эффект. Когда она уехала из Бреретона, то взяла таблетки с собой, — вот почему у нее был такой сонный голос, когда она разговаривала по телефону с Гизелой. Все это во всех деталях вы заимствовали из истории об Эмилии Саже. Она так же вяло, сонно передвигалась при появлении двойника.

— Значит, вы уверены в том, что можете объяснить все на свете, не правда ли? Тогда попытайтесь растолковать мне следующее: каким образом такой человек, как я, который олицетворял собой Фостину, мог знать, что Фостина обладала подавляемым импульсом, который она передала на лестнице миссис Лайтфут, а та приняла бессловесный сигнал Фостины?

— Везение. Просто ваше удивительное везение. И удар судьбы для Фостины.

— Везение? Шанс? Судьба? И это все, что вы можете сказать? Когда я начинаю вспоминать об этом случае, то у меня ходят мурашки по спине, а у вас?

В этот момент он был по-настоящему серьезен. Базиль даже был готов поверить ему. Затем он, преодолевая себя, бросил на другую чашу весов груз полученных в жизни научных знаний:

— Для чего вы блефуете, Вайнинг? Ведь здесь нет никаких свидетелей. Я ведь не в силах доказать то, в чем вы признаетесь. Тогда почему бы вам не сказать мне всю правду, искренне, без утайки? С психологической точки зрения вы сразу почувствуете облегчение. Независимо от того, где вы проведете грядущие свои годы — в тюрьме или вне ее стен, — эта тайна будет постоянно оказывать давление на вашу психику... Вас постоянно будет преследовать желание поделиться с кем-то истинной, высказаться, но такого шанса, как теперь, вам больше не представится.

Вайнинг медленно наклонил голову.

— Значит, вы мне не верите, — сказал он тоном, не вызывающим никаких сомнений, словно подтверждая неоспоримый факт. Теперь его лицо полностью освещала горящая лампа.

— Ни вы, ни я, ни кто-либо другой никогда так и не узнает всю правду об этом, — медленно продолжал Вайнинг. — Или о другом. Все это — глубокая тайна. Еще одна небольшая загадка ничего не прибавит и не убавит.

Он взглянул на звезды и, как-то таинственно ухмыльнувшись, добавил:

— Только одному Богу известно, что творится там, наверху...

Содержание

Грэхэм Мастертон

ТЕНЬ СФИНКСА

*Перевод Сюзанны Алукард
и Марины Яковлевой*

7

Элен Макклой

УДАР ИЗ ЗАЗЕРКАЛЯ

Перевод Льва Каневского

221

**М 31 Мастертон Г. Тень сфинкса. Роман. Мак-
клой Э. Удар из Зазеркалья. Роман («Библиоте-
ка остросюжетной мистики»). Вып. 9: Перев.
с англ. / Сост. Т. Чичиной; Ил. В. Лосева.— М.,
Компания «Ключ-С», 1995.—416 с., илл.**

ISBN 5—88818—010—6

Захватывающий роман «Тень сфинкса» английского пи-
сателя Грэхема Мастертона не случайно проникнут элемен-
тами эротики — ведь его автор, печатающийся также под
псевдонимами Томас Льюк и Энджел Смит, известен и как
создатель учебников по сексопатологии.

Перу американской писательницы Элен Макклой при-
надлежит более 30 произведений, написанных в жанре пси-
хологического детектива. Роман «Удар из Зазеркалья», пе-
реведенный на многие языки, впервые открывает для на-
шего читателя популярного во всем мире автора.

М 4703040100 **95**
И 38(03)—95

84.7 США

**Литературно-художественное издание
Библиотека остросюжетной мистики**

В ы п у с к 9

Мастертон Грэхем

ТЕНЬ СФИНКСА

Макклой Элен

УДАР ИЗ ЗАЗЕРКАЛЬЯ

**Составитель-редактор
Чичина Тамара Васильевна**

Оформление художника

Л. В. Брылева

Технический редактор

К. И. Заботина

Сдано в набор 19.01.94. Подписано в печать 18.08.95.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Академическая»,
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84.
Усл. кр.-отт. 22,26. Уч.-изд. л. 21,98.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 1338. Цена договорная.

Набрано и отпечатано в типографии издательства «Пресса».
125365 ГСП, Москва. А-137, ул. «Правды», 24.

